

**ВОЙНА,
ОТКРЫВШАЯ ЭПОХУ
В ИСТОРИИ БАЛКАН**

**К 180-летию
Адрианопольского мира**

URSS

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Институт славяноведения

**ВОЙНА,
ОТКРЫВШАЯ ЭПОХУ
В ИСТОРИИ БАЛКАН**

**К 180-летию
Адрианопольского мира**

URSS

МОСКВА

Редакционная коллегия: С. И. Данченко, И. Ф. Макарова.

Война, открывшая эпоху в истории Балкан: К 180-летию Адрианопольского мира. Сборник статей / Отв. ред. А. В. Карасев. М.: ЛЕНАНД, 2009. — 208 с.

Настоящая книга представляет собой сборник статей по материалам конференции, посвященной 180-летию Адрианопольского мира и проводившейся Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН в июне 2009 года. Сборник содержит статьи российских и болгарских историков, посвященные различным аспектам русско-турецкой войны 1827–1828 гг., влиянию Адрианопольского мира на развитие балканских народов в 30–40-е годы XIX века.

Подписанный в сентябре 1829 г. трактат явился чрезвычайно важным событием в истории Балкан; Османская империя получила удар, от которого уже не смогла полностью оправиться. В поисках выхода Порты вступила на путь реформ Танзимата, включавших некоторое расширение прав христианского населения и внедрение в государственную жизнь отдельных европейских правовых норм. Балканские народы стали своего рода участниками Адрианопольского мира. Статьи трактата, посвященные их государственному статусу, оформляли, закрепляли, а порой и расширяли итоги их освободительной борьбы. Последующие десятилетия стали временем их интенсивной созидательной деятельности в сфере государственного строительства и культурного возрождения.

Сборник предназначен историкам, студентам гуманитарных факультетов, а также широкому кругу читателей.

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН,
д-р ист. наук *И. В. Чуркина*;
доц. кафедры истории южных и западных славян
исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
канд. ист. наук *Л. В. Кузьмичева*

Формат 60×90/16. Печ. л. 13. Зак. № 3353.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978–5–9710–0294–9

© Институт славяноведения РАН, 2009

© Коллектив авторов, 2009

**ДИСТРИБЬЮТОР НАУЧНОЙ
И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

E-mail: URSS@URSS.ru
Тел./факс: 7 (499) 135–42–16
Тел./факс: 7 (499) 135–42–46
Каталог изданий в Интернете:
<http://URSS.ru>

URSS

8417 ID 110020

Содержание

Предисловие	4
<i>В.Н. Виноградов (ИСл РАН)</i> На пути к Адрианопольскому миру.....	6
<i>И.С. Достян (ИСл РАН)</i> Русско-турецкая война 1828–1829 гг. — новый этап политики России в Балканском вопросе.....	25
<i>Е.П. Кудрявцева (ИРИ РАН)</i> Центр надзора за Черноморским бассейном.....	36
<i>С.И. Данченко (ИСл РАН)</i> Освещение в советской и российской послевоенной историографии Восточного кризиса 20-х годов XIX века, русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Адрианопольского мира.....	43
<i>В.Я. Гросул (ИРИ РАН)</i> Адрианопольский мир 1829 г. и княжества Молдавия и Валахия	61
<i>М.М. Фролова (ИСл РАН)</i> Военная кампания 1828 г. и «открытие» русскими Болгарии (по воспоминаниям русских офицеров).....	74
<i>О.В. Медведева (ИСл РАН)</i> Открытие первого российского консульства в болгарских землях.....	103
<i>И.Ф. Макарова (ИСл РАН)</i> Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и конец Задунайской сечи	119
<i>Е. Хаджиниколова (Болгария)</i> Адрианопольский мир и формирование болгарской общины из г. Лясковец в Кишиневе (1830-1840).....	131
<i>Е.В. Белова (РГГУ)</i> Болгарская колонизация Юга России (1820–1830).....	141
<i>О.В. Медведева (ИСл РАН)</i> Страница из истории болгарской эмиграции в Россию. Памяти С.Б. Бернштейна и И.И. Мещерюка.....	154
<i>А.В. Карасев (ИСл РАН)</i> Сербия и эпоха Адрианопольского мира.....	163
<i>П.А. Искендеров (ИСл РАН)</i> Сербское измерение русско-турецкой войны 1828–1829 гг.	170
<i>Г.Л. Ариш (ИСл РАН)</i> Установление русско-греческих дипломатических отношений (1828–1833)	182
<i>В.Б. Хлебникова (МГУ)</i> П.А. Ровинский (1830–1915) о некоторых вопросах черногорской внешнеполитической истории первой трети XIX века	192

Предисловие

Данный сборник включает в себя статьи, подготовленные по материалам докладов участников научной конференции, посвященной 180-летию русско-турецкой войны 1818–1829 гг. и Адрианопольского мира. Эта конференция прошла в июне 2009 года в Институте славяноведения РАН. Научная конференция и издание материалов конференции осуществлены при финансовом содействии Отделения историко-филологических наук РАН.

Всего в сборник включено 15 статей. В.Н. Виноградов, И.С. Достян, Е.П. Кудрявцева в своих статьях рассматривают общие аспекты русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Адрианопольского мира, международную обстановку, борьбу великих держав на Балканах. С.И. Данченко посвятила свое исследование историографическим аспектам данной проблемы.

Статьи ряда авторов (И.Ф. Макарова, М.М. Фролова, О.В. Медведева, Е.В. Белова, болгарская исследовательница Елена Хаджиниколова) рассматривают воздействие русско-турецкой войны 1828–1829 гг. на болгарское население, положение в болгарских землях после Адрианопольского мира.

В статьях В.Я. Гросула, П.А. Искендерова, А.В. Карасева, Г.Л. Арша, В.Б. Хледниковой исследуются различные аспекты влияния Адрианопольского мира на историю Молдавии и Валахии, Сербии и Черногории, а также Греции.

Адрианопольский мир 1829 года — один из немногих в истории, положивших начало новой эпохе в летописи жизни громадного региона, в данном случае Балканского. Именно победы русского оружия на поле боя с Османской империей позволили России заключить очень важный мирный договор, последствия которого на Балканах ощущались в течение нескольких десятилетий.

Русско-турецкой войне 1828–1829 годов предшествовала выработка новой концепции балканской политики России стратегического значения, предусматривавшая отказ от территориальных притязаний и проведение курса на поощрение государственного развития христианских народов региона, в первую очередь на расширение их прав в Османской империи. Было подписано три международных акта о бескорыстии (разумеется, этот термин официально нигде не фигурировал): англо-русский протокол от 4 апреля 1826 года, конвенция Англии, Франции и России, заключенная в июле того же года, и протокол трех держав, подписанный в декабре.

Правда, два участника договоренностей, Великобритания и Франция, были против войны с Османской империей и в защите прав христиан за границы дипломатических действий переходить не собирались. Но России

удалось отстоять свое право на применение более сильных средств. А в поводах для развязывания войны недостатка не ощущалось. Воспользовавшись занятостью России в великой схватке с Наполеоном, Высокая Порта нарушила почти все постановления Бухарестского мира 1812 года, включая предоставленные автономии Сербии и расширение прав и привилегий Дунайских княжеств. Шансы на успех в борьбе с греческой революцией склонялись тогда на сторону Османской империи. Партнеры зашли далеко в конфликте с Турцией — в Наваринском морском сражении (октябрь 1827 г.) флот трех держав наголову разгромил турецко-египетскую эскадру. Султан потребовал у союзников принести извинения и возместить турецкие убытки. Выполнить это — значило признать великую победу актом разбоя. Три державы вместо этого порвали с Турцией дипломатические отношения. Но и Лондон, и Париж стояли за сохранение власти Высокой Порты на Балканах и восвать с ней не собирались. Поэтому Наваринский бой вызвал разные отклики: в Петербурге ударили в колокола, в Лондоне сочли его нежелательным происшествием. Войну 1828–1829 гг. Россия вела и выиграла одна. Однако, в отличие от всех других случаев подобного рода, антироссийской коалиции не появилось. После подписания трех соглашений о бескорыстии и Наваринского сражения повернуть курс на 180 градусов партнеры не решились и ограничились возвращением своих послов в Стамбул. В Лондоне продолжались совещания об условиях мирного урегулирования. Россия сохранила известную свободу действий.

Территориальные проблемы занимали в Адрианопольском трактате скромное место. Всею своей силой он был нацелен на расширение прав христианских народов Балкан. Кардинально расширилась и укрепилась автономия Дунайских княжеств. Сербия обрела самоуправление, чего российской дипломатии не удалось добиться за 15 лет напряженных переговоров в 1812–1827 годы. Война создала условия для предоставления Греции независимости. Произошли сдвиги в пользу признания равных прав мусульман и христиан в государстве. Начался экономический и культурный подъем — балканское Возрождение.

Обо всем этом подробно — ниже.

На пути к Адрианопольскому миру

Император Александр I, один из отцов-основателей Священного союза и авторов его устава, довольно быстро убедился, что заложенные в последнем принципы легитимизма и поддержки законных монархов, связывают ему самому руки на важнейшем — балканском направлении внешней политики. Султанский режим в Османской империи отвечал всем требованиям легитимизма — пятьсот лет правления в раскиданных по трем континентам (Азии, Африке и Европе) владениям. И столько же лет униженного положения райи (по-арабски «стадо»), христианского населения Балкан. Чаша их терпения переполнилась — XIX век начался для империи с великих потрясений. За двумя Сербскими восстаниями (1804–1813 гг. и 1815 гг.) последовало восстание в Греции (март 1821 г.), положившее начало национально-освободительной революции. Вся сознательная Россия горой встала за эллинов. Кровь повстанцев лилась рекой. Присутствовать в роли зрителя при расправах не позволяла совесть. Царь воззвал к союзникам с просьбой о вмешательстве. 1 июня 1821 г. в обращении к австрийскому императору Францу Александру I писал: «Россия не может смотреть на то, что полному истреблению... предадут единоверный народ, поставленный торжественными актами под ее покровительство». Однако он напрасно рассчитывал на солидарность венценосцев — кайзер остался глух к его призыву. Канцлер монархии Габсбургов князь К. Меттерних не дрогнул и доверял свои мысли бумаге: «За нашими восточными границами триста или четыреста тысяч человек, повешенных, расстрелянных или посаженных на кол, не считаются ни во что»¹. А глава Форин оффис лорд Р. Каслри предписывал послу в Константинополе П. Стрэнгфорду: «Побуждать правительство Порты к необходимости укреплять свое влияние над пришедшим в ярость народом», как он именовал революционеров². Стремясь привлечь внимание Европы к творившемуся геноциду, статс-секретарь по иностранным делам России К.В. Нессельроде писал о «непрекращающейся страшной резне», о «посягательстве на христианскую религию» и на «существование греческой нации», о «мученической гибели главных епископов»³.

Александр I встал перед выбором: или сотрудничество с Европой на фоне распятой Греции, что было равносильно попранию национальных

¹ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т.2. Ч.1. Спб (Мартенс Ф.Ф.) С. 57, 309.

² Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы министерства иностранных дел. Серия вторая. Т. XII. М., 1980 (ВИП). С. 189–190.

³ *Фадеев А.В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958. С. 125; 4. С. 56.

интересов России, или возвращение к курсу на поддержку христианских народов, что означало поспание принципов Священного союза. Император избрал последнее. Он твердо знал, что пренебрегать мнением общественности нельзя, печальная судьба деда и отца, вышедших из воли дворянства и поплатившихся за то жизнью, говорила сама за себя. И он начал поиск путей отстаивания национальных интересов в обход принципов Священного союза. Он предпочел бы отступить от них коллективно, в виде некоей разновидности крестового похода, но понимал, что сие недостижимо. Однако он рассчитывал на получение некоей индивидуальной индульгенции на защиту христиан. Ничего не вышло, и терпение царя истощилось. 18 июля посланник в Константинополе Г.А. Строганов предъявил Высокой Порте ультиматум: восстание в нем осуждалось, но предлагалось прекратить преследование тех греков, которые «либо не вышли из повиновения, либо принесут повиновение в известный срок». Отказ Турции удовлетворить ультиматум, говорилось далее, узаконит защиту истребляемых со стороны христианских государств, не могущих спокойно взирать на «уничтожение целого христианского народа» (царь все еще пытался выступать от имени Европы). Требования не ограничивались Грецией, предлагалось вывести турецкие войска из Дунайских княжеств, восстановить в Черноморских проливах свободу судоходства, прекратить покупку прибывавших в Стамбул товаров из подчиненных провинций по заниженным ценам или даже их конфискацию.

Вслед за нотой К.В. Нессельроде направил депеши в Лондон, Париж, Вену и Берлин с просьбой поддержать российскую позицию. В случае провала демарша в Турции царь испрашивал у Европы мандат на войну, заверяя, что ее цели будут заранее оговорены с державами (и отказываясь тем самым от экспансионистских излишеств).

Взять турок на испуг не удалось. Высокая Порта отвергла ультиматум. Строганов затребовал паспорта и вместе с составом миссии покинул Стамбул. Демарш в столицах завершился полным провалом. Р. Каслри дал понять послу Х.А. Ливену, что «британский кабинет хотел бы видеть Оттоманскую Порту взявшей верх» и таким «простейшим способом» прекратить «осложнения» на Востоке. В сентябре четыре державы учинили демарш, но не перед турками, а перед греками, в котором участвовали мятежников: «Всякое восстание против законного монарха равно порицается как высокой моралью Святого Евангелия, так и принципами чистой политики»⁴. Российские оппоненты выступали в соответствии с постулатами Священного союза, включая Великобританию, в нем не состоявшую.

⁴ ВПР. С. 229, 279, 313; *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 204–205; *Гуткина И.Г.* Греческий вопрос и дипломатические отношения европейских держав в 1821–1822 г. // Уч. зап. ЛГУ. Сер. истор. вып. 18. Т. 130. Л., 1951. С. 143.

Полная международная изоляция, угроза противодействия держав, трудное финансовое положение, неготовность армии к новым тяжелым испытаниям, не зажившие еще после 1812 г. раны, не восполненные еще потери — все эти факторы беспокоили царя. Тревожило его и внутреннее положение в стране. В 1820 г. произошли волнения в привилегированном Семеновском полку, вызванные жестокостью командира, но Александру Павловичу чудилось нечто более зловещее, и он не скрывал своих опасений перед А.А. Аракчеевым: «И в России под государственное здание подведена пороховая мина карбонаризма»⁵. Государь не пошел ва-банк, не прислушался к советам горячего греческого патриота И.А. Каподистрии, занимавшего пост статс-секретаря, ведавшего восточными делами и считавшего войну, совершенно дипломатически не подготовленную, неизбежной.

Пришлось расстаться с Каподистрией и возвращаться к старой тактике уговаривания оппонентов без надежды на успех. Петербургский кабинет после разрыва отношений с Портой ощутил все неудобство позиции «ни мира, ни войны». Нет смысла блуждать вместе с отечественной дипломатией по бесконечному лабиринту, именовавшемуся поисками путей умиротворения Греции. В отличие от древнегреческого лабиринта, выход из него отсутствовал ввиду непримиримости сторон, и нити Ариадны вообще не существовало. Четыре года прошли в суете. Полная безысходность ситуации побудила Петербург обратиться к посредническим услугам лорда П. Стрэнгфорда, британского посла в Константинополе, хотя тот был известен своими протурецкими симпатиями.

Это было все равно, что пустить козла в огород стеречь капусту. Какое-то время переговорный бег на месте продолжался с участием англичанина. В поисках выхода из тупика К.В. Нессельроде в январе 1824 г. сочинил записку, в которой предложил образовать на территории Греции три автономных княжества. В плане историческом следует отметить ее положительную сторону — впервые великая держава предлагала восстановить государственность эллинов на столь значительном пространстве, включающем Морею, о. Крит, Акарнанию, бывшее венецианское побережье Адриатики, Беотию, Фессалию и Аттику⁶.

Инициатива повисла в воздухе, привлечь державы к обсуждению проекта не удалось, турки встретили в штыки идею коллективного вмешательства Европы в отношения султана с его взбунтовавшимися подданными. Несожданный афронт творение Нессельроде получило со стороны греков, добивавшихся полной независимости в рамках единого государства и в то время успешно сражавшихся с османскими карателями. «Ноту с севера» они сочли несправедливой и жестокой, и свой протест, направленный

⁵ Гуткина И.Г. Греческий вопрос и дипломатические отношения европейских держав в 1821–1822 г.// Уч. зап. ЛГУ. Сер. истор. вып. 18. Т. 130. Л., 1951. С. 123.

⁶ Достян И.С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 232–233.

в Форин офис, заключили знаменательными словами: «Разве сегодня можно сомневаться в том, что греки достойны независимости?»⁷. Свои взоры в поисках поддержки эллины обратили к Лондону.

В 1822 г. Р. Каслри, страдавший манией преследования, покончил жизнь самоубийством (будучи оставлен без присмотра в загородном доме, он зарезался перочинным ножом). Ему на смену пришел Джордж Каннинг, крупнейший государственный муж Британии в XIX в., и в Форин офисе задул свежий ветер. Каннинг не участвовал, подобно своему предшественнику, в конгрессовой дипломатии и относился критически к Священному союзу.

Англией тогда безоговорочно управляли лэндлорды и сквайры, используя для этого сохранившуюся со средневековья систему округов, при которой депутатов в палату общин посылали многочисленные захиревшие и даже почти вымершие «гнилые» и «карманные» местечки (которых владелец держал «в кармане»), а не рожденные промышленной революцией большие города. Могущественная торговая, промышленная и банковская буржуазия к власти не допускалась. Тори (консерватор) Каннинг стремился смягчить ее недовольство и умерить оппозиционность учетом ее экономических интересов. Он поверг в оцепенение традиционалистов в собственной партии во главе с герцогом А. Веллингтоном, признав независимость сражавшихся против испанского ига латиноамериканских государств, и распахнув тем самым доступ британскому капиталу на рынки Южной Америки. 25 марта 1823 г. Каннинг поразил европейские дворы, признав восставших греков воюющей стороной. Свое решение он представлял как акт, направленный на поддержание коммерции: «Турки не способны обеспечить безопасность британской торговли, следовательно, мы должны были рассматривать греков или как воюющую сторону, или как пиратов»⁸. Относиться к борцам за свободу, как к морским разбойниками и вешать их при поимке по стародавнему обычаю на реях не годилось.

Объективно Каннинг нанес тяжелый удар по принципам Священного союза, сильно ободривший повстанцев. В Лондон прибыли делегаты их временного правительства А. Орландос и А. Луриотис с целью заключения займа на 800 тысяч фунтов стерлингов. Каннинг отказал им в официальном приеме, но запросил у них информацию о положении в Греции, а банкирский дом Лонгэм, О'Брайан и Ко взялся за его размещение⁹.

Британские акции на Балканах поднимались, российские падали. В Лондоне не вспоминали о запальчивом заявлении Каслри — отдать мя-

⁷ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Канцелярия. 1824. Д. 5933. Л. 319–320.

⁸ *Temperley H. The Foreign Policy of Canning. L., 1925. P. 326.*

⁹ *Виноградов В.Н. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985. С.56.*

тежников на растерзание османским карателям, как простейшем способе умиротворить их. Открылась перспектива прочного утверждения на земле эллинов и, желательно, без помех с российской стороны. Все пути Петербурга сколотить общий фронт держав провалились. Посол в Вене Д.П. Татищев именовал позицию союзников «системой надувательства». Форин офис паразитировал на бессилии царской дипломатии¹⁰. Но всякому терпению приходит конец.

В декабре 1824 г. Татищев получил указание высказать свое личное предположение, что Россия может и одна, без постороннего содействия, завершить дело. Ведущих дипломатов запросили о дальнейших шагах по выходу из кризиса. По мнению Ливена, четыре года переговоров с «самым бессильным из правительств», турецким, ничего не принесли, и остается одно — война. Посол России в Париже К.О. Поццо ди Борго был не менее критичен: на Балканах все руководствуется своими интересами, только у России «нет ни места, ни роли. Ни Европа, ни турки, ни греки не обращают на нас никакого внимания». Он полагал, что открытого противодействия надвигающейся войне со стороны «союзников» ожидать нечего, даже Меттерних ограничится «изворотливостью и интригами»¹¹.

Упоминания о монархической солидарности исчезли из российской дипломатической переписки, одолевали земные заботы, нависала угроза вытеснения с Балкан. Александр I доживал последние месяцы. Вечный странник («Провел всю жизнь в дороге и умер в Таганроге») скончался в ноябре 1825 г., на престол вступил его брат Николай, молодой человек, малоизвестный в стране. Он не числился наследником-цесаревичем, титул носил второй сын Павла — Константин. Что тот заранее отказался от царствования, знал определенно лишь почивший император. Неразберихой с престолонаследием воспользовались декабристы, выступившие 14 декабря на Сенатской площади. Николай быстро, решительно и жестоко подавил восстание и вступил на престол, будучи, по собственному признанию, совершенно не подготовлен к исполнению высокой царской миссии. Новому венценосцу предстояло доказать стране, на что он способен, его личный авторитет пока что равнялся нулю. В дворянских кругах цариле беспокойство, недавнее восстание показало распространение революционных настроений в офицерском корпусе. Армию следовало занять победоносной войной, перед общественностью предстать защитником национальных интересов, для чего не существовало более действенного средства, нежели выступление в поддержку героических и страдающих греков. Глубокие раны, причиненные войной в 1812–1814 гг., удалось залечить лишь через десять лет.

¹⁰ *Фадеев А.В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. С. 64; АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1824. Д. 6941, 6942. Д. 6941. Л. 251, Д. 6942. Л. 57; ВПР. Т. XIII. М., 1982. С. 683.

¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1824. Д. 6941, 6942. Д. 6941. Л. 115–117; *Шильдер Н.К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1. СПб., 1903. С. 44, 49, 141–142.

В Лондоне тревожились: пускать российский корабль в свободное плавание по греческим водам опасно, решать проблему в узком кругу — Лондон, Стамбул, Навплия — не удастся, надо связаться с Петербургом и попытаться ограничить его самостоятельность. Каннинг стал навещать в салон Дарьи (Доротеи) Христофоровны Ливен, в девичестве Бенкендорф, супруги посла и сестры шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа, дамы просвещенной, острого ума и, по мнению многих современников и историков, подлинного представителя России в Англии. Каннинг в своих беседах усвоил доверительный тон: не следует полагаться на «двусмысленную правдивость лорда Стрэнгфорда» (что правда, то правда!), Вена прикрывается «тенью нейтралитета, но верить ей нельзя, ее агенты помогают туркам» (совершенная истина!). При вручении Х.А. Ливеном новых верительных грамот король Георг IV вышел за рамки протокола и рассыпался в похвалах императору Николаю: «Твердое и величественное поведение посреди достойных сожаления сцен 14 декабря вызвало у него восхищение»¹².

В Петербурге встретили британские авансы благосклонно, сознавая, что позиции Лондона и Вены отличаются не только в нюансах. Габсбургская монархия отвергала даже идею образования христианских государств на Балканах, поскольку они могли стать центром притяжения для проживавших в ней сербов и румын. У Великобритании подобных опасений не существовало. Каннинг допускал государственное строительство в регионе, но осторожное и ограниченное, чтобы оно не угрожало существованию Османской империи. Он решил прекратить саботаж российских усилий по урегулированию балканских дел и перейти к более тонкому маневрированию. Раз предотвратить выступление России безнадежно, следовало лишить его одностороннего характера, связать партнера, взять под свой контроль процессы, замедлить их ход, изыскать приемлемую для Англии и Высокой Порты формулу договоренности с греками.

Следовало спешить: военное счастье отвернулось от инсургентов, султан обратился за поддержкой к своему могущественному вассалу, правителю Египта Мухаммеду Али. В феврале 1825 г. в Морее, на юге Балканского полуострова, высадились две вооруженные по-европейски египетские дивизии под командованием сына паши, способного полководца Ибрагима. Они заняли Сфактерию, крепость и порт Наварин. Временную столицу Греции Навплию (Навлион) Ибрагиму захватить не удалось, но вся Морея подверглась разгрому. Ибрагим превращал в пепел города и села, вырезал их обитателей, обращал в рабство женщин и детей. В 1825 г. в Лондон поступило прошение об установлении над страной британского протектората («акт подчинения»). Предложение в таком виде Уайт-холл не устраивало, кабинет не собирался ссориться с Портой. Дабы смягчить недовольство Стамбула, появилась королевская прокламация о нейтралитете

¹² 14. Д.6956. Л. 18–20, Д. 6939.Л.37–38

тете. Но и сидеть, сложа руки, не годилось, можно было досидеться и до русско-турецкой войны с ее непредсказуемыми последствиями к ущербу для Лондона. Под градом неудач инсургенты поскромнели. Форин офис удалось выяснить, что они готовы удовлетвориться автономией. Чтобы не потерять контроль над событиями на русском фланге, Д. Каннинг снарядил в Петербург герцога А. Веллингтона под самым благовидным предлогом — поздравить Николая I с восшествием на трон, а по сути дела — для обсуждения восточных дел. В частности, фельдмаршал должен был предложить британское посредничество в русско-турецком урегулировании. В случае отказа от этой услуги одной из сторон в конфликте предусматривалось вмешательство обеих держав. И тут выглядывала Ахиллесова пята инструкции, которой Каннинг снабдил своего маститого коллегу — в ней не предусматривалось действенных средств для побуждения Высокой Порты к сговорчивости, зато вполне определенно говорилось, что отказ Стамбула не дает России права на войну¹³, что сулило перспективу удаления в дремучие дебри нескончаемых переговоров.

Молодой царь был польщен приездом знаменитого фельдмаршала, трудно было избрать более подходящую персону для переговоров (если не учитывать отсутствия у Веллингтона дипломатических дарований). В результате вместо того, чтобы устранить угрозу русско-турецкой войны, герцог ее приблизил. Император усыпил его бдительность горячим заверением, что «пока Османская империя существует, он будет рассматривать греков как взбунтовавшихся подданных».

Приезд в Петербург столь импозантной особы в Европе сочли признаком англо-русского сближения, что побудило Порту к уступчивости. Руководствуясь тем же соображением, кабинеты Парижа и Вены присоединились к нажиму на султана. Особенно старался Меттерних, вообразивший, что таким путем можно избежать «вторжения» России в греческие дела. Встревоженное турецкое правительство реагировало быстро, присланные эскадры выразили согласие на открытие переговоров.

Как нельзя более кстати для России в Стамбуле взбунтовались янычары, в их ортах (ротях) были перевернуты суповые котлы, что означало призыв к мятежу. Султан обошелся с этой вольницей истинно по-янычарски: бунтарей обезглавливали, душили (давили, как тогда говорили), топили в водах Босфора, число жертв доходило до 20 тысяч. Янычарское войско подверглось истреблению, следовало найти ему замену, что требовало времени.

В июле в Бессарабии открылись переговоры. 25 сентября (7 октября) была подписана Аккерманская конвенция, восстановившая в полной силе Бухарестский мирный договор 1812 г. В ней подробно оговаривались права и льготы Дунайских княжеств, включая семилетний срок правления господарей, предусматривалось введение в Сербии автономного правле-

¹³ Stapleton A.G. The Political Life of George Canning. L., 1831. P. 469–474.

ния. На Кавказе утверждалась пограничная линия с закреплением за Россией Анаклии, Сухум и Редут-кале, уточнялось разграничение по Дунаю. Статья 7-я обязывала Порту не чинить «никаких преград свободному плаванью купеческих судов под российским флагом во всех морях и иных водах Империи Оттоманской»¹⁴.

В беседах с герцогом Веллингтоном весной царю удалось сдвинуть с места и греческий камень преткновения, и меньше всего споров вызывал вопрос о статусе будущего государства. Фельдмаршал собственноручным письмом информировал Нессельроде о пожеланиях временного правительства. Министр от имени российской стороны выразил с ними полное согласие. И, тем не менее, в подходах к проблеме существовало труднопреодолимое различие. Британский подход носил теоретический характер и обуславливался согласием турок на задуманную комбинацию, на что, без применения силы, существовало мало надежды. Используемые средства, настаивал герцог, должны «ограничиться представлениями»¹⁵. Вырисовывалась перспектива бесконечной говорильни.

В российском представлении, обретение Грецией автономии являлось конкретной целью, достигаемой активно. Причем, из способов не исключалась и война. Царским переговорицам удалось изыскать формулу, позволявшую прибегнуть к «последнему доводу королей», и 23 марта (4 апреля) 1825 г. был подписан протокол, определивший расстановку сил в Восточном вопросе на ближайшие и решающие годы. По его условиям греки должны были управляться властями, ими самими избранными или назначенными, но в назначении которых Порты будет иметь «известное участие». Провозглашались свобода совести и торговли и, главное, полная самостоятельность в делах внутреннего управления. Зависимость от Турции фактически ограничивалась выплатой фиксированной дани¹⁶. Перечисленные условия были благоприятны для греков, учитывая в особенности то обстоятельство, что восстание дышало на ладан. Важно подчеркнуть, что положения о статусе создаваемого государства являлись не плодом творчества тандема Нессельроде-Веллингтон, а почти совпадали с пожеланиями повстанцев, высказанными с учетом сложившейся обстановки. Правда, протокол умалчивал о пространственном распространении Греции, а временное правительство претендовало на все земли, где греки проживали, даже на места, на которые нога повстанцев не вступала, что было явно нереально.

Ключевым параграфом протокола, с российской точки зрения, являлся третий, предусматривавший, что стороны, в случае неудачи посредничества, будут считать изложенные условия «за основания для примирения, имеющего состояться при их участии, общем или едино-

¹⁴ ВПР. Т. XIV. М., 1985. С. 632–643.

¹⁵ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. 11. СПб., 1895. С. 123

¹⁶ ВПР. Т. XIV. М., 1985. С. 430.

личном, между Портой и греками»¹⁷. Запрета прибегать к военным действиям при единоличном участии параграф не содержал. Завершался документ заверением участников об их полном бескорыстии — они не станут «искать никакого увеличения своих владений, никакого исключительного влияния и никаких выгод для своих подданных». Российская сторона не скрывала, что в случае тупика она не остановится перед применением военных операций.

Подписанный акт имел для Петербурга геостратегическое значение, ибо знаменовал рождение новой концепции балканской политики России, означал отказ от территориального расширения в Юго-Восточной Европе и намерение создать здесь, в пограничной зоне, цепь дружественных христианских княжеств.

По здравому размышлению к двум кабинетам решил присоединиться третий — парижский. Режим Реставрации во Франции доживал последние годы, оппозиция резко критиковала его внешнюю политику за пассивность и пренебрежение национальными интересами, пугала полным вытеснением с Балкан. Тюильрийский двор решил примкнуть к англо-российскому альянсу.

Союз трех был соткан из противоречий. В Петербурге убедились — «исключительно желанием Англии остановить одностороннее вмешательство России в пользу греков было бы можно объяснить подписание герцогом Веллингтоном мартовского протокола». Третий параграф похоронил это намерение. Как писал И.А. Каподистрия, «протокол останется мертвой буквой без условия, которого герцог Веллингтон не понял и которое давало России право осуществлять его сепаратно»¹⁸.

Но и затягивать урегулирование до бесконечности Лондон и Париж не могли, так можно было дожидаться истребления опекаемых, что грозило покровителям Греции скандалом.

Заключенный 7 июля 1827 г. трехсторонний договор в секретной своей части предусматривал использование побудительных мер с целью заставить Порту пойти на уступки. Соглашение явилось плодом борьбы и компромисса, но, «продавив» это решение, отечественная дипломатия не сумела добиться четкого определения указанных мер. В итоге адмиралам трех эскадр — британской, российской и французской, было предписано пресечь снабжение турецко-египетских войск боеприпасами и продовольствием, применяя в случае необходимости силу, но, не прибегая к военным действиям¹⁹. Трех флагманов полученные указания повергли в недоумение, но истолковали они их по-боевому. Возможно, влияние оказал психологический фактор. Какой моряк не мечтает о воинской славе, а она

¹⁷ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 11. С. 341–343.

¹⁸ *Crawley C.W.* John Capodistria's Unpublished Letters. Thessaloniki, 1970. P.98.

¹⁹ *Temperley H.* Op.cit. P. 398–404.

так редко осеняет флотоводцев! Крупные батальни на море в XIX в. можно перечислить по пальцам: Трафальгарская (1805 г.), Наваринская (1827 г.), Синопская (1853 г.). Но как же упустить шанс и не вписать свое имя в скрижали морской славы?

30 октября 1827 г. соединенная эскадра под командованием адмиралов Э. Кодрингтона, Л.М. Гейдена и А. де Риньи уничтожила укрывшийся в Наваринской бухте на юге Мореи турецко-египетский флот.

Петербург приветствовал славную баталию колокольным звоном, а в Лондоне погрузились в печаль, — так далеко в ссоре с Османской империей здесь заходить не собирались. Джордж Каннинг только что ушел из жизни; сменившие его посредственности считали, что переусердствовали в побудительных мерах. Король Георг досадовал: он послал Кодрингтону ленту (орденскую, как-никак великая победа), хотя тот заслужил веревку (понятно для чего). В тронной речи монарх назвал сражение досадным происшествием. А Высокая Порта ещё более обострила ситуацию, потребовав у трех держав возместить ей ущерб от потери кораблей и принести извинения султану, иными словами, признать битву актом разбоя. Пойти на подобное унижение значило для держав выпороть самих себя. 8 декабря 1827 г., исчерпав все меры воздействия, их представители в Стамбуле объявили о разрыве отношений с Портой. Самодержавие подвело своих лондонских и парижских партнеров к порогу войны с Османской империей. Но не воевать же ради ее разрушения и укрепления на Ближнем Востоке и Балканах российских позиций! Единственно, что оставалось сделать — это отмежеваться от опасного союзника. Глава Форин офис лорд Дадли поспешил еще раз перестраховаться, предложив подписать так называемый протокол о бескорыстии (от 30 ноября/12 декабря 1827 г.), в котором стороны вновь засвидетельствовали отсутствие у них территориальных претензий к Порте (что вполне соответствовало российской внешнеполитической концепции). Союзники-соперники очутились в тупике: после трех актов о сотрудничестве с Россией и Наваринского сражения они не могли поворачивать фронт на 180 градусов и выступать в защиту Турции. Самое большее, что оставалось сделать, — это покинуть Россию накануне войны, что и произошло. Диву дашься, читая рассуждения А.В. Фадеева в его солидном труде, в котором он, во имя классового подхода и изблечения самодержавия, писал: «Нессельроде и его сотрудники не сумели должным образом обеспечить в политическом отношении новую войну»²⁰. На самом деле в плане дипломатическом войну удалось подготовить превосходно.

Ждать оставалось недолго. 27 декабря того же 1827 г. последовал указ падишаха, в котором Россия объявлялась исконным врагом Османской империи, подстрекавшим греков на мятеж против кроткого турецкого правления. Султан призывал правоверных «отвергнуть нелепые требова-

²⁰ Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. С. 238.

ния трех держав», «восстать поголовно за веру и империю свою, вспомнить славу предков и затмить ее своею»²¹.

14 (26) апреля 1828 г. началась восьмая по счету русско-турецкая война.

* * *

Разразившийся на балканской почве в посленаполеоновскую эпоху кризис поучителен в плане международном. В ходе его сошел со сцены Священный союз как политическая и организационная структура, разбившись о балканские утесы, и несмая «заслуга» в падении принадлежала царизму. В борьбе между чувством и долгом самодержавие мучительно и с колебаниями избрало последнее, встало на путь поддержки христианских народов Юго-Восточной Европы в их борьбе и попираания власти легитимнейшей из монархий — Османской. Подобного удара по принципам Священный союз не выдержал, его Веронский конгресс (1823) оказался последним, хотя его участники разошлись под громкие здравицы и бодрые пожелания ему долгой жизни и процветания. На самом деле строй держав смсшался, никогда больше Россия, Франция, Австрия, Пруссия не выступали в одном строю, каждый тянул одеяло на себя. Но духовно, как выразитель начал легитимных и охранительных, союз продолжал существовать. Различные комбинации правых сил, сражавшихся с революцией, нарекали его именем.

Балканы рано вышли из тени Священного союза, оказавшись в развилке между постулатами легитимизма и государственными интересами России. Сомкнулись соображения стратегической безопасности, коммерческой выгоды, народной симпатии к православным и стремление избавить их от османского гнета. В кои-то веки раз власть пошла вместе с обществом²².

Лишь уникальное стечение обстоятельств подвигло царизм занять на Балканах разрушительную для Священного союза позицию. Во всей остальной Европе государственный интерес усматривался в другом. Николай I мнил себя стражем мира и освященных Богом порядков, его цель — «поддерживать священный огонь 1815 года» и сражаться с «адскими принципами революции». Беда заключалась в том, что отстаиваемые порядки подгнили и рушились, несмотря на самоотверженные усилия царя по их спасению. Уже представители старой отечественной историографии пришли к выводу о тщетности и бессмысленности его подвигов. Отстаиваемые порядки, свидетельствовал вполне благонамеренный проф. Ф.Ф. Мартенс, давным-давно утратили право на существование.

* * *

Тонкий покров союза Англии, России и Франции прикрывал их взаимное недоверие и соперничество, что в полной мере проявилось во время

²¹ Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 106–107.

²² Подр. см.: Вишгородов В.Н. Балканы — выход из тени Священного союза. // Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI – начало XX века. К столетию академика А.Л. Нарочницкого. М., 2007.

войны 1828–1829 гг. В Лондоне ее вообще расценивали как «нашествие» на бедняжку Турцию. Глава Форин офис лорд Дадли считал ее беспочвенной — «неразумно и несправедливо идти на риск сокрушения империи (Османской) ради попытки улучшить участь ее подданных (греков)». Министр заявил, что в отношении Греции Россия связана достигнутыми соглашениями, и «цель должна остаться прежней».

К.В. Нессельроде поспешил заверить встревоженных британцев: Россия не стремится к расширению своих пределов, а в отношении Порты «ни свержение этого правительства, ни завоевания не являются целью, они принесут больше неприятностей, чем пользы». Взгляды государя не изменятся, даже если Османская империя «по воле божественного Провидения» развалится²³. Британский кабинет занял позицию пристального и отнюдь не беспристрастного наблюдателя за противоборством, будучи обуреваем стремлением добиться наименее болезненного для Турции урегулирования.

В Англию в помощь Х.А. Ливену назначили опытного дипломата А.Б. Матушевича в ранге посланника. Важно было не допустить развала формального альянса держав, гарантировавшего Петербург, по крайней мере, от перебежки двух его участников на сторону неприятеля. Глубокую тревогу вызвало их решение восстановить дипломатические отношения с Высокой Портой. Возвращение двух послов в Стамбул было воспринято там, как свидетельство разногласий в среде неверных и желание двух из них достичь согласия с Портой.

Кампания 1828 г. не оправдала надежд на быструю капитуляцию турок. Их армия оказывала ожесточенное сопротивление. В Дунайских княжествах шесть недель понадобилось на осаду и штурм крепости Брэила (Браилов). 27 мая произошло форсирование Дуная у Исакчи. Старый и осторожный военачальник фельдмаршал П.Х. Витгенштейн приступил к осаде крепостей, дабы после их взятия двинуться вперед. Армия оказалась распыленной и застряла под стенами Варны, Шумлы, Силистрии, а турки слыли большими мастерами обороны. Наступать было просто некому. 29 сентября (11 октября) ценой больших потерь удалось взять Варну. На том кампания и завершилась, основная масса войск переправилась на левый берег Дуная на зимние квартиры. Витгенштейн, ввиду явного несоответствия занимаемой должности, получил отставку.

От фельдмаршала можно было избавиться, чего нельзя сказать о царском брате, великом князе Михаиле Павловиче (армейская кличка — Рыжий Мишка), прославившемся крылатой фразой: «Наука в военном деле не более, чем пуговица к мундиру». Рыжий Мишка провалил осаду Силистрии, погубив тысячи солдат в плохо подготовленных, а потому и бессмысленных приступах. Не удержался от соблазна появиться если не на поле боя, то на операционном театре и сам император. Его сопровождала

²³ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1824. Д. 5933. 1828 Д. 6975. Л. 231–232, 291.

«Золотая орда» — толпа генералов, флигель- и просто адъютантов, штатских лиц, включая К.В. Нессельроде и обслуги во главе с церемонимейстером. Казна финансировала действующую армию скуповато, министр финансов Ф.Ф. Канкрин скостил запросы военных с 73 до 48 миллионов рублей. К осени армия ощущала нехватку в оружии, снаряжении, продовольствии, фураже. Начался падеж конского состава. А на обслуживание царской квартиры требовалось 10 тысяч лошадей — число, достаточное для формирования двух кавалерийских дивизий.

К счастью, в 1829 г. Николай Павлович воздержался от экскурсии на театр военных действий. Соперники не без удовольствия отметили отсутствие в первой кампании сколько-нибудь значительных успехов. В январе 1829 г. газета «Таймс» опубликовала важную статью: воля султана негибаема; Англия, Австрия и, желательно, Франция должны помешать сокрушению его державы дипломатическим путем, а в случае нужды, и более энергичным²⁴. Существовали, однако, внутренние причины, побуждавшие правительство его величества к сдержанности. Волнения в Ирландии, агитация за предоставление избирательных прав католикам (в основном ирландцам) доставляли ему немало хлопот. Глава кабинета, герцог А. Веллингтон, решил выступить с биллем о предоставлении этого права, чем возбудил недовольство в собственной консервативной партии. В первый и единственный раз в британской истории ему, как премьер-министру, пришлось защищать свою политику с оружием (дуэльным пистолетом) в руках. Обошлось без кровопролития, фельдмаршал промахнулся, его противник выстрелил в воздух и принес требуемые извинения. Герцогу удалось прсодолеть сопротивление совершенно замшлого ретрограда, короля Вильяма IV. В апреле 1829 г. закон об эмансипации католиков вступил в силу.

Ввязываться в конфликт с Россией не желала деловая Англия, экспорт товаров в нашу страну в три раза превышал вывоз в Турцию и Грецию. Посол Х.А. Ливен получил два письма от владельца могущественного банкирского дома Натаниэла Ротшильда с выражением готовности вместе со своим братом Жаком, главой парижского дома фирмы, предоставить засм в 1 миллион фунтов стерлингов. И на Уайт холле считали серьезную ссору с самодержавием шагом непродуманным и рискованным.

Успокоительные сигналы поступали из Парижа. Посол К.О. Поццо ди Борго сообщал: Бурбоны не желают плестись в хвосте у кабинетов Лондона и Вены, ставить себя в зависимость от двух дворов. Доживавший последние месяцы режим Реставрации боялся испортить отношения с Николаем I, представлявшимся гарантом устойчивости, легитимизма и порядка.

Успокоительная информация приходила из Вены от Д.П. Татищева: состояние финансов, «медлительность и чрезвычайная осмотрительность

²⁴ The Times 12.01.1829.

ее кабинета» дают гарантии того, что за пределы интриг она не выйдет. Еще до войны канцлер К. Меттерних попытался побрызгать оружием, объявив об увеличении армии на 60 тысяч человек, но наскрести на это денег не удалось. Его призыв (декабрь 1828 г.) созвать конгресс с явным намерением сколотить на нем антироссийский фронт отклика не встретил. Австрия самостоятельной силы не представляла, бросить вызов самодержавию не смела, и в Зимнем дворце заговорили о ее ничтожестве. С этой точкой зрения солидаризировался виконт Г.Д. Пальмерстон, восходящая звезда либеральной партии: «Австрия по причине узости своих взглядов и несчастных предрассудков своей политики довела себя, в смысле влияния, почти до уровня второстепенной державы»²⁵. Попытки Меттерниха натравить на самодержавие его союзников провалились, и ему оставалось пугать Николая революцией, в ответ на что царь любезно обещал Габсбургам помощь, если те окажутся в беде.

«Дружеским» излияниям Меттерниха в Петербурге не верили, полагая, что в глубине души он жаждет объединить дворы против России. После провала идеи конгресса канцлер стал хлопотать о посредничестве. К.В. Нессельроде выражал пожелание, чтобы его австрийский коллега «впредь вкладывал меньше жара и больше осмотрительности в свои демарши с целью вмешаться в российско-турецкий конфликт»²⁶.

В Петербурге успокоились — открытой перебежки союзников-соперников в неприятельский лагерь удастся избежать. Опасение — как бы самодержавие не вышло за согласованные рамки, побудило троицу вновь сесть за стол совещаний. 3(15) марта 1829 г. состоялось подписание очередного протокола. В нем говорилось, что послы Англии и Франции в Константинополе будут вести переговоры от имени трех держав, чем ограничивалась их самостоятельность. При содействии французов удалось заручиться британским согласием на включение в Грецию земель Балканского полуострова до линии между заливами Волос и Арта и островов Кикладских и Эвбеи. Прежде Форин офис ограничивал пределы создаваемого государства Мореей (Пелопонессом). Сузеренные права султана ограничивались получением дани, выражалось пожелание установить в стране наследственную монархию²⁷.

В Зимнем дворце поздравили себя с успехом. Протокол, торжествовал Нессельроде, «обеспечивает полную безопасность наших операций в начинающейся кампании, он парализует зловерные намерения держав, которые хотели бы воспрепятствовать нам и остановить наш прогресс, он сохраняет между тремя державами видимость союза, оказывающего столь оздоровительный моральный эффект на общее спокойствие в Ев-

²⁵ Speech of Viscount G.J. Palmerston. L., 1829. P.43.

²⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Д. 2701. Л.45–48.

²⁷ Мартенс Ф.Ф. Указ. соч. Т. 11. С. 401–409.

ропе, наконец, он предоставляет в руки России решение греческого вопроса. Сравнивая это решение вопроса с тем раздражением против нас, которое в конце прошлого года повсеместно царило, бесконечными опасностями в связи с вероломными инсинуациями Австрии и высокомерными заявлениями Англии, нужно признать, что наше политическое положение чувствительно улучшилось»²⁸. В этом высказывании прозвучали нотки самоуспокоенности. Если заглянуть в «послеадрианопольскую» пору, станет ясно, что Форин офис собирался установить в Греции свое решающее влияние, а вовсе не предоставлять России решение греческих дел.

Приспели долгожданные победы на поле боя. У нового командующего армией на Дунае И.И. Дибича были сравнительно скромные силы: 125 тысяч штыков и сабель при 450 пушках. Но действовал он смело и напористо, разбил армию Решид пашы при Кулевче, добился капитуляции ключевой крепости Силистрия. В июле командующий двинул войска (35 тысяч человек) за Балканы. Неприятель в панике отступал, теряя людей от болезней даже больше, чем от пуль. К Адрианополю Дибич привел всего 17-тысячный отряд, но противник сдал крепость без сопротивления 8(20) августа. До Константинополя оставалось всего несколько переходов. Очевидец так описывал настроения в столице: «Всяк норовил удрать подальше от широких равнин Адрианополя, и возглас «Спасайся, кто может!» больше всего подходил к создавшейся обстановке»²⁹. На Кавказе корпус И.Ф. Паскевича занял Карс, Ардаган, Ахалцих, Поти, Баязет (1828), Эрзерум (1829) и подошел вплотную к Трапезунду (Трабзону). Победа была полной на обоих фронтах. Малочисленные силы Дибича шли на Стамбул, не встречая сопротивления.

Реис эфенди Пертев паша обратился к послам Великобритании и Франции Р. Гордону и А.Ш. Гильомино с просьбой о посредничестве. Его предложения содержали два совершенно неприемлемых для российской стороны пункта — заключить перемирие (чтобы выиграть время и собрать силы) и исключить греческий вопрос из переговоров, дабы решить его в дальнейшем вчетвером, с участием Лондона и Парижа. Два посла «от имени всей Европы» предостерегали Дибича (а через него и царя) о последствиях, могущих произойти в случае крушения султанской власти — тогда «ужасающая анархия распространится беспрепятственно...и с самыми пагубными последствиями для существования как христианского, так и мусульманского населения». И баланс сил в Европе рухнет³⁰.

Игра была шита белыми нитками. И.И. Дибич докладывал: «Придерживаясь смысла данных мне инструкций, буду, насколько возможно, са-

²⁸ *Мартеис Ф.Ф.* Указ. соч. Т. 11. Л. 207–208.

²⁹ Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978. С. 91.

³⁰ *Шильдер Н.К.* Указ. соч.; *Шеремет В.И.* Указ. соч. С. 459; 20. С. 105–107.

мым вежливым образом избегать постороннего вмешательства в переговоры». Никакого перемирия и никаких «дружеских советов» по ходу урегулирования! Выбор (удачный) государя в качестве первого уполномоченного пал на знаменитого впоследствии Алексея Федоровича Орлова. Утром 2(14) сентября состоялось подписание трактата, нареченного Адрианопольским. По нему граница между двумя империями в Европе по-прежнему проходила по реке Прут. Тем самым подтверждался зафиксированный в одной международной конвенции и двух протоколах отказ России от территориальных приращений на Балканах. Предусматривался, однако, переход к России островов в протоках Дуная, ничтожных по площади, но позволявших контролировать выход из реки. Тщательно сформулированная статья 7-я обязывала Турцию обеспечить полную свободу плавания в Черном море и Проливах для кораблей под российским флагом и «всех держав, состоящих в дружбе с Блистательною Портою». Значение этой статьи выступало особенно рельефно в связи с чинившимися османскими властями в двадцатые годы препятствиями для торговли через Босфор и Дарданеллы. А объемная по содержанию статья устанавливала, что «российские подданные будут пользоваться во всей Оттоманской империи, на суше и на морях, полною и совершенною свободою торговли». Весь комплекс экономических условий трактата способствовал хозяйственному развитию обширного причерноморского региона, причем не только в российских пределах.

Статья 4-я посвящалась территориальным проблемам в Закавказье. К России отходили Ахалцих, Ахалкалаки, «равно и весь берег Черного моря от устья Кубани до пристани Святого Николая включительно». Анапа и Поти остались за Россией, занятые ее войсками Карс, Баязет и Эрзерум возвращались Турции.

Статья 5-я восстанавливала в силе автономные права Дунайских княжеств, попранные после 1812 года. Следующая, 6-ая обязывала султана предоставить самоуправление Сербии. Понадобилось 15 лет дипломатических усилий и война, чтобы возрождение государственности сербского народа стало фактом.

Многострадальной греческой проблеме посвящалась статья 10-я трактата. Турция согласилась принять положения Парижской конвенции от июля 1827 г. и Лондонского протокола от 29 марта 1829 г. Лишь торжество российской армии на поле боя сломало упрямство Высокой Порты — родилось Греческое государство.

Эпопея миротворчества в его важнейшем греческом звене не завершилась подписанием договора. Соплевание трех продолжались, и в их ходе британская сторона предложила предоставить Греции статус не автономии, а независимости. Это был беспроигрышный ход: Россия, радетельница балканских христиан, не могла возражать против предоставления эллинам более высокого государственного статуса. Сами греки только

и мечтали о независимости, и лишь по причине сыпавшихся на них неудач согласились на автономию. Но право покровительства России распространялось только на «турецких христиан», а греки перестали быть таковыми. Самодержавие утратило единственный правовой рычаг для поддержания своего влияния. Все преимущества в борьбе на греческой почве оказались на стороне Англии: морская мощь, финансовое могущество, возможность предоставления займов, обширный рынок, привлекательная для прогрессивных афинских кругов конституционная система, одним словом — все предпосылки для прочного утверждения в Греции, что и произошло.

* * *

Отечественной науке приходится сейчас продираться сквозь дремучие дебри классового подхода. Это целиком относится и к балканским сюжетам. «Советская историческая энциклопедия», несмотря на клятвенные заверения трех правительств о бескорыстии, бестрепетно утверждала: «Русско-турецкая война 1828–1829 гг. была вызвана борьбой держав за раздел владений Османской империи!»³¹ Автор ценной фактическим материалом монографии А.В. Фадеев в разоблачительном порыве декларировал: «Даже свою восточную политику самодержавие подчинило политике «жандарма Европы»»³². Не щадил он и командующих — И.Ф. Паскевича и И.И. Дибича, представляя их ничтожествами в генеральских мундирах, изобличая их в стратегической близорукости, укоряя за тактические упущения, а Дибича наделяя дополнительно внешностью уродливого карлика. Позволительно, однако, предположить, что победоносная кампания осуществлялась при их участии и под их руководством, а не вопреки их усилиям провалить задуманные операции.

* * *

5–6 (17–18) сентября 1829 г., когда мир уже был заключен, но весть о нем еще не поступила в Петербург, Николай I созвал совещание по всему кругу проблем, которые тогда называли восточными. Участвовали в совете люди, пользовавшиеся его особым доверием: председатель Комитета министров и Государственного совета граф В.П. Кочубей, глава военного ведомства граф А.И. Чернышев, князь А.Н. Голицын, граф П.А. Толстой, статс-секретарь Д.В. Дашков. Все участники, кроме присутствовавшего по должности К.В. Нессельроде были представителями русской или украинской знати, хотя административный аппарат, офицерский корпус и дипломатическая служба кишели тогда прибалтийскими баронами. Николай Павлович хорошо помнил судьбу деда и отца, поплатившихся жизнью за то, что не сработались с дворянством, и в решающий момент прибег к

³¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. С. 383.

³² Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. С. 38.

консультации с его влиятельными представителями, разделив с ними ответственность за вырабатываемый курс.

Секретный комитет заслушал меморандум, зачитанный Нессельроде и выражавший точку зрения царя (иного мнения докладчик не имел), и обсудил «плоды размышлений некоторых лиц, осведомленных в Восточном вопросе». Нессельроде начал с фразы: конечно, если водрузить крест на храм Святой Софии, подвижников богоугодного дела осенит вечная слава. Но торопиться не следует, ибо «сохранение Турции более выгодно, чем вредно, действительным интересам России:...никакой другой порядок вещей, который займет ее место, не возместит нам выгоды иметь соседом государство слабое, постоянно угрожаемое революционными стремлениями своих вассалов и вынужденное успешною войною подчиниться воле победителя». Д.В. Дашков присоединился к высказанному К.В. Нессельроде мнению, выразив убежденность в территориальной насыщенности России. Стране «нужны не новые приобретения, не распространения пределов, но безопасность оных и распространение ее влияния между соседними народами, чего она удобнее достигнуть может, продлив существование Оттоманской империи на известных условиях» (желательно, ее подчинения)³³. В принятом единогласно решении комитет разделил указанную точку зрения, предопределив стратегический курс в восточных делах на обозримое будущее. Сие означало отказ от территориальной экспансии на Балканах. Собравшиеся сознавали: еще один шаг, и Россия окажется в изоляции и, что еще хуже, столкнется с союзниками. Идти на риск европейской войны они не желали.

* * *

Император Николай был в восторге от подписанного мира. Лыстецы от дипломатии в лице Ливена и Матушевича курили ему финиам: «Европа с Англией во главе склонится перед решением, которое соизволит принять император». Обессиленная Турция превратится в послушного сателлита, надо лишь «навязать ей все условия, которых требуют наши интересы, наша честь, наша торговля и абсолютная необходимость утвердить наше преобладание в Леванте»³⁴.

Не ведали тогда обитатели Зимнего дворца, какие сюрпризы преподнесет им следующее десятилетие. Держава султана стала полем столкновения, на котором у соперников царизма оказались все преимущества — экономическое преобладание, широкий выбор промышленных товаров, обширный рынок, свободные капиталы, морская мощь, идеологический багаж в богатом ассортименте для оснащения им поднимавшейся балканской буржуазии.

³³ Подр. анализ договора см.: *Достян И.С. Балканский вопрос...* С. 326–330; см. также *Татищев С.С. Внешняя политика императора Николая I.* СПб., 1887. С. 202–203.

³⁴ АВПРИ. Ф. Канцелярия. 1829. Д. 7003. Л. 97,71.

Но пока что и Петербург, и Лондон, и Вена оценивали Адрианопольский договор с точки зрения своих непосредственных выгод или потерь, и все обнаружили историческую близорукость. В Австрии его восприняли кисло, но протестовать канцлер К. Меттерних не посмел и прислал требуемые поздравления. Французский министр-президент Ж. Полиньяк расценил условия мира как «снисходительные»³⁵. Резко и раздражительно встретили трактат в Лондоне — и кабинет, и парламент, и пресса. Смысл газетных высказываний, по словам Х.А. Ливена, сводился к тому, что «султану будет оставлена видимость самостоятельного существования», но отсутствие союзников и наличие лишь дипломатических средств воздействия склоняли к осторожности. И Петербург проявлял явную склонность к примирению.

В мирной процедуре оставалось сделать заключительный «греческий аккорд». Российская сторона не имела ни причин, ни повода для протеста против предоставления новорожденной Греции статуса независимости, хотя это играло на руку Великобритании. Три державы в полном согласии решили превратить ее в наследственную монархию. Поиски кандидата на трон натолкнулись сперва на трудности, соискателей пугало мятежное состояние страны. Выбор покровителя остановили на принце Оттоне Виттельсбахе, за которого хлопотал отец, баварский король Людвиг, убежденный филэллин. В конвенции от 6 мая 1832 г. упоминалось о выработке в дальнейшем в Греции конституции. Ливен и Матушевич уверяли царя, что не следует пугаться самого слова, оно употреблено для обозначения государственного устройства и ничего подрывного в себе не несет. С российской стороны были предприняты немалые усилия, чтобы католик Оттон перешел в православие, как религию своих подданных. Угодным православию делом занималась необычная для подобной миссии тройка: лютеранин Х.А. Ливен, католик А.Б. Матушевич и приверженец совсем редкого в России англиканства К.В. Нессельроде. Ничего у них не получилось.

Адрианопольский мир положил начало эпохе, которую называют балканским Возрождением: возрождалась, развивалась, укреплялась государственность населявших регион христианских народов, убыстрилось экономическое развитие, происходил невиданный ранее подъем культуры во всех ее сферах — от школьного образования до высот науки и искусства. Все шло в борении с отсталостью, преодолении трудностей, со срывами и неудачами, но шло. И не так уж далек от истины был просветитель, писатель, драматург, литературный критик А. Руссо, заметивший, что его родная Молдавия проделала тогда за 15 лет больший путь, чем за предшествовавшие полтысячелетия

³⁵ Дамянов С. Френската политика на Балканите 1829–1853. София, 1977. С. 29.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. — новый этап политики России в Балканском вопросе

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. началась вскоре после расправы правительства Николая I с декабристами, когда тяжелые впечатления от этих событий у российской общественности еще не рассеялись. Отчасти поэтому начало войны было встречено пассивно, а неудачная кампания 1828 г. вызвала самую неблагоприятную оценку политически активных деятелей. Начальник III отделения корпуса жандармов докладывал Николаю I: «Война возгорелась, но, к большому удивлению всех, народная масса не проявила ожидаемого энтузиазма. Какова могла быть тому причина? По общему мнению, это объяснялось тем, что при объявлении войны обращались к Европе, не подарив ни единым взглядом Россию». Манифест об объявлении войны, снабженный политической декларацией, «ничего не говорил сердцу. В нем не было ни слова о Греции, ни о вере православной, ни о матушке России. Все дело рассматривалось как простая ссора между двумя дворами, которая должна была быть улажена армией без участия в том народа». Таким образом, при объявлении войны массы остались пассивными, между тем как люди старого закала, ссылаясь на манифесты императрицы Екатерины II и императора Александра I, распространяли в своих кругах праздные, а иногда и злостные толкования последнего акта¹.

Действительно, в Декларации, направленной западным державам об объявлении войны Турции говорилось, что Россия стремится возобновить прежние с ней соглашения и назывались условия, которые должны были лечь в основу будущего мирного договора: присоединение к России Анапы и Поти, урегулирование границ по Дунаю, подтверждение привилегий Сербии и Дунайских княжеств, восстановление прав российской торговли в Проливах, «умиротворение Греции». Тем самым подтверждался отказ от территориального расширения в Балканском регионе.

Сведения, собранные в корпусе жандармов, соответствовали действительности. Равнодушие к войне политически мыслящих дворян было очевидным. Некоторые из таких людей считали, что война с Турцией нового императора должна стать продолжением курса, проводимого Екатериной II и Александром I. Стремление не связывать цели войны с

¹ «Краткий» обзор общественного мнения за 1828 г.» А.К. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив. 1929. Т. 6/17/. С. 157.; *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. М., 1972. С. 295–296.

идеологическими и традиционными религиозными мотивами, не возбуждать патриотических чувств русского народа вызывало открытое несогласие части приближенных к петербургскому двору деятелей, влиятельных дипломатов. Правда, в этой среде существовали и сторонники осторожной и пассивной политики сближения с Австрией, для которой продвижение России на Балканы представляло немалую угрозу. Такой точки зрения придерживался сам министр иностранных дел К.В. Нессельроде. Но посланник России в Стамбуле Г.А. Строганов, посол в Лондоне Х.А. Ливен и особенно посол в Париже К.О. Поццо ди Борго, с мнением которых императору приходилось считаться, были сторонниками решительного курса, который привел бы в ближайшее время к кардинальному решению Восточного вопроса, к освобождению от власти султана Балкапского региона². Строганов писал царю незадолго до начала войны, что на Востоке надо проводить политику «строго национальную и религиозную», ибо только такая политика приведет к прекращению непрерывной «резни» балканских народов — естественных союзников России³.

Сам император, от которого зависела победа той или иной группировки, накануне ставшей неизбежной войны занимал сдержанную, возможно, колеблющуюся позицию. Для него было необходимо, прежде всего, добиться решительной победы в войне, что сразу укрепило бы его престиж в России и во всей Европе. Но в этом случае государство османов могло и распасться, что крайне осложнило бы международную ситуацию. Это заставило российский МИД приступить к изучению такой перспективы, так как склонить к этому Лондон и Вену не удалось.

В январе 1828 г. недавно избранному греческим президентом, а до этого восемь лет занимавшему пост российского статс-секретаря по иностранным делам Иоанну Каподистрии было предложено высказать свое мнение по столь сложной проблеме. При этом Нессельроде излагал и общие принципы перестройки Балкан, которые уже были намечены Петербургом: создание достаточно обширного и сильного Греческого государства, связанного тесными экономическими узами с Россией; превращение Константинополя в вольный город; основание в Юго-Восточной Европе ряда небольших монархических государств⁴.

Таким образом, в отличие от предыдущих русско-турецких войн правительство Николая I наместило основы политической перестройки владений османов в Европе в случае ее распада под ударами российского оружия в самое ближайшее время.

² *Татищев С.С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887. С. 141–145, 185–192.

³ ЦГАДА. Ф. Госархив. Разряд XV. Д. 297. Л. 5. Г.А. Строганов Николаю I (без даты).

⁴ К.В. Нессельроде И. Каподистрия 7(19) января 1828 г. // *Внешняя политика России в XIX и начале XX в. Серия II. Т. VII (XV).* М., 1992. С. 360–367. (Далее — ВПР).

В своем ответе Каподистрия поддержал идею создания Греческого государства, включающего все населенные греками земли Балкан и Восточного Средиземноморья, и нескольких новых государств, объединенных в федерацию. Три из них — Сербия, Греция, Дакция — основывались на принципе этнического родства их населения, другие — Македония и Эпир — включали население с пестрым национальным составом. В условиях, когда в Европе распространяются революции и беспорядки, эти монархические государства, писал Каподистрия, станут «оплотом мира и порядка», а Россия будет иметь в них преобладающее влияние⁵.

Обсуждение балканских проблем правительство Николая I продолжило, запрашивая мнения по этому поводу компетентных лиц. Из материалов такого рода наибольший интерес представляет записка Д.В. Дашкова, долгое время служившего в константинопольском посольстве, объездившего балканский регион и имевшего наиболее достоверные сведения об общественно-политическом положении народов его населяющих⁶. Он последовательно и убедительно обосновал тезис, что для политических и экономических интересов России более выгодно сохранение слабой Турции, чем ее уничтожение, однако считал перспективу распада этого государства вследствие внутренних причин неизбежной, а потому, рассматривал «выгоды» и затруднения», которые при этом могут возникнуть. Так, основание вольного города Константинополя с небольшой прилегающей к нему территорией не уничтожит, по мнению Дашкова, возможность вторжения через Проливы в Черное море флота враждебной России державы. Поддерживая провозглашенный российским императором принцип отказа от всяких территориальных приобретений в Юго-Восточной Европе, Дашков писал, что России «нужны не новые приобретения, не распространение пределов, но безопасность оных и распространение ее влияния между соседними народами, а сего она удобнее достигнуть может, продлив существование Оттоманской империи на известных условиях». Изгнанные в Малую Азию, древнюю свою отчизну и колыбель империи, населенную народом воинственным, почти без примеси иноверных, сохранившим во всей целостности веру и полудикие нравы предков, турки могут оказаться гораздо опаснее, нежели в настоящем положении. И тогда все подвиги россиян и реки пролитой крови послужили бы только к обновлению Оттоманской империи и к обращению всех усилий неприятеля на места слабейшие нашей границы⁷.

Дашков, может быть, первым привел этот важный довод, доказывая невыгодность для интересов России распада империи османов. Он учиты-

⁵ АВПРИ. Ф.Канцелярия. Д. 2126. Л. 140–142. И. Каподистрия К.В. Нессельроде 19 (31) марта 1828 г.

⁶ Достян И.С. Указ. соч. С. 301–302.

⁷ Записка статс-секретаря Д.В. Дашкова. 1828 г. // ВПР. Серия II. Т. VIII (XVI). С. 287–294.

вал при этом и угрозу возникновения европейской войны, которая может привести к разделу владений Османской империи. Тогда соперники России присвоят себе наиболее ценные ее куски⁸.

Победная военная кампания 1829 г. усилила внимание российского правительства к решению балканских проблем в случае распада Османской империи «в силу внутренних причин», хотя Николай I по-прежнему проявлял осторожность и после «несчастного» взятия русскими войсками Адрианополя приказал командующему балканским фронтом И.И. Дибичу поторопиться заключить мир. Но возможность политической перестройки балканских земель необходимо было предусмотреть и выработать определенную программу действий.

Император не хотел брать на себя ответственность за решение столь сложных проблем. В конце августа, когда в Петербурге еще не было известно о начале мирных переговоров, был создан Особый секретный комитет «для вынесения суждения по турецким делам», в заседании которого, состоявшемся 4(16) сентября, участвовали наиболее компетентные и близкие ко двору лица.

Сведения об этом комитете и его решениях сообщались историками еще в XIX в. В издании МИД России «Внешняя политика России в XIX и начале XX в.» эти материалы опубликованы полностью⁹. В представленной комитету «Памятной записке» К.В. Нессельроде еще раз заявлялось, что «никакие завоевательные цели, никакое значительное расширение территории, а тем более уничтожение Оттоманской империи, не входили в намерения России», что «ни один порядок вещей, которым можно было бы замнить ее, не компенсирует нам преимущества иметь по соседству слабое государство, ... которое влечет свое существование лишь по милости императора». Членам комитета предлагалось высказать свою точку зрения, может ли быть восстановлена Турция в случае ее распада при отрицательном ответе — «какой порядок вещей следует установить вместо рухнувшей империи»¹⁰.

Из представленных комитету предварительно собранных мнений позицию, выраженную в «Памятной записке» Нессельроде, не поддержал лишь воинственно настроенный Поццо ди Борго. «Какой человек, сидя в своем кабинете, может точно рассчитать, когда и как будет разрушена Турецкая империя в Европе, — писал он, — каковы будут препятствия, победы и жертвы, которых потребует подобная катастрофа; каким будет управление, которое примут различные по языку, нравам и религии народы, обитающие сейчас в этой земле, где царит беспорядок и распад. Эти народы окажутся предоставленными сами себе, не имея при этом ни объ-

⁸ Записка статс-секретаря Д.В. Дашкова... С. 291.

⁹ Там же. С. 278–301.

¹⁰ Там же. С. 282–284.

единяющего их центра, ни объединяющей их идеи, и даже потребности к формированию в единый народ. Греки являются только частью этого населения и занимают только кусок громадной территории Европейской Турции; не только они будут решать судьбу ее населения, даже если предположить, что сами греки едины по духу и стремлениям, чего нет на самом деле»¹¹.

Поццо ди Борго фактически представил наиболее реальную картину политической обстановки на Балканах, которая была бы следствием падения Османской империи, но это являлось для него доказательством, что Россия не должна связывать себя обязательством отказа от каких-либо территориальных приобретений за счет «турецкого наследства».

В «Протоколе» заседания Секретного комитета — фактически в его решении, подписанном всеми его участниками, одобрялся курс, направленный на поддержание целостности Османской империи, при том указывалась необходимость заключения мира, даже если бы султан бежал в Малую Азию или был свергнут с престола. Но если «революция, которая вспыхнула бы в Константинополе, привела бы к общему потрясению, следствием чего стали бы беспорядок и анархия в самой столице, так и в провинциях, то подобное событие не могло бы рассматриваться иначе, как признак падения Оттоманской империи». В этом случае предполагалось ввести войска в Константинополь, район Проливов и крепостей на правобережье Дуная¹².

Материалы работы Секретного комитета характеризуют политику правительства Николая I в балканском вопросе в период окончания войны 1828–1829 гг., различные планы, которые предполагалось осуществить в той или иной ситуации¹³.

Адрианопольский трактат, как известно, удовлетворил все основные требования России. Он имел громадное положительное значение для балканских народов и должен был обеспечить политическое преобладание России в складывавшихся новых государствах Юго-Восточной Европы. Ункяр-Искелесийский договор, подписанный четыре года спустя, устанавливал военный контроль России над Проливами, к чему она издавна стремилась. Все эти достижения внешней политики правительства Николая I в последующие годы его царствования были утеряны, что привело к трагедии Крымской войны. Но процесс формирования на Балканах независимых национальных государств в это время стал уже необратимым и все менее зависимым от стремлений русского царизма.

Попытаемся охарактеризовать главные отличия политики Николая I в отношении балканских народов во время войны 1828–1829 гг. и Адрианопольского

¹¹ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Д. 9161. Л. 376–395. К.О Поццо ди Борго К.В. Нессельроде 9(21) августа 1828 г.; *Достян И.С.* Указ соч., С. 306–307.

¹² ВПР. Серия II. Т. VII (XV). С. 279–280.

¹³ *Достян И.С.* Указ. соч. С. 315.

польского мира от проводимой ранее в годы царствования Екатерины II и Александра I. Прежде всего, новым был отказ от использования в войне помощи подданных султана. Их призывали соблюдать спокойствие и порядок; локальные восстания, вспыхивавшие в это время, отнюдь не были инспирированы Петербургом. Это было следствием не только более консервативной политики нового императора по сравнению с его предшественниками, но и учета бесполезности и трагических последствий восстания греков-мареоатов во время войны 1768–1774 гг., союза с сербскими повстанцами в войне 1806–1812 г.

Правительство Николая I с самого начала войны старалось воспрепятствовать развертыванию самостоятельной борьбы балканского населения за освобождение от турецкой власти, хотя она неуклонно усиливалась после занятия Дунайских княжеств российскими войсками, а затем после их перехода через Дунай. Большой материал об этом изложен в работах ряда наших историков — В.Я. Гросула, В.Д. Конобеева, Н.И. Хитровой, И.С. Достяи, Е.П. Кудрявцевой и обобщен в коллективной монографии «Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг.»¹⁴.

Сразу после объявления войны были предприняты меры, чтобы предупредить возникновение самостоятельных антитурецких выступлений балканского населения. Так, главнокомандующему Второй армией П.Х. Витгенштейну было предписано обратиться к населению Дунайских княжеств, к православным и магомстанам в Болгарии с призывом не покидать «своих жилищ, не прекращать занятий, не нарушать спокойствия»¹⁵. В этом убеждали и сербского князя Милоша Обреновича. Лишь в случае нападения турецких войск на Сербию, не имея другого средства, он должен был бы «отразить силу силою»¹⁶.

Все это не значило, что Петербург совсем отказался от использования помощи со стороны подданных Порты. Так, командованию Второй армией постоянно поступали сообщения сербского князя о передвижении турецких войск, о положении в Боснии, о политике Мустафы-паши Шкодерского. Когда весной 1829 г. русские войска перешли Дунай и начали осаду Силистрии, усилилось освободительное движение болгар. Их помощь вынуждено было использовать русское командование. Но оно решило подчинить отряды восставших начальнику из числа русских офицеров. Во главе так называемого «корпуса партизан» был поставлен подполковник И.П. Липранди, который сформировал большой отряд волонтеров из находившихся в Дунайских княжествах балканских эмигрантов¹⁷.

¹⁴ Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983. С. 221 — 231.

¹⁵ ВПР. Серия II. Т. VII (XV). С. 491.

¹⁶ К.В. Нессельроде Милошу Обреновичу 28 мая (9 июня) 1828 г. // Там же. С. 554–556.

¹⁷ Конобеев В.Д. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828–1830 гг. // Уч. зап. Ин-та славяноведения. Вып. 20. 1960. С. 250–254.

Отказ от использования в войне с Турцией помощи балканских народов, казалось, был возведен в принцип консервативной политики Николая I. Но в конце своего царствования, в первый год Крымской войны, когда Россия оказалась в тяжелейшем положении, он нарушил этот принцип и, как писал Е.В. Тарле, «ухватился за змею» и в тиши Зимнего дворца «трудился над изготовлением революционных прокламаций, призывавших сербов к восстанию». Всегда так опасавшийся любых революционных движений, император увидел в восстаниях балканских народов «одну из возможных и сильных выигрышных карт в своей игре»¹⁸. Но для этого теперь было гораздо меньше оснований, чем в конце 20-х гг. Не очень активные попытки осуществить столь смелые замыслы не имели успеха и лишь усилили противоборство великих держав в Восточном вопросе.

Россия начала войну 1828–1829 гг. с «готовым трактатом», отказавшись от территориальных приобретений в Балканском регионе, и последовательно соблюдала этот принцип, что было новым, ибо в XVIII и начале XIX в. политика России в Восточном вопросе всегда имела такую задачу.

Выдвинутый Екатериной II в переписке с австрийским императором Иосифом II в 1782 г. так называемый «Греческий проект» содержал замысел создания Греческой империи под скипетром представителя династии Романовых и зависимо от России буферного государства «Дакии» (Молдавии и Валахии). Большую часть сербских земель предполагалось включить в состав империи Габсбургов. В нашей историографии «Греческий проект» рассматривался по-разному. В работах, опубликованных в недавнее время, признается, что это был не «тактический маневр», связанный с задачей присоединения Крыма, а реальный план политических преобразований владений Турции, выгодных для России и Австрии, который можно было бы осуществить хотя бы в отдаленном будущем¹⁹.

В идеологическом аспекте «Греческий проект» выражал представления своего времени. Он был как бы обращен в прошлое, основывался на принципе исторического права, содержал отголоски догмы «Москва — третий Рим». Вместе с тем в нем сказывалось и влияние набравшего силу романтизма, которому был присущ интерес к Античности, к истории Византии; учитывались и ближайшие задачи царизма в отношении Дунайских княжеств. Главной же была идея создания на Балканах одного большого государства с религиозной общностью населения, в котором политические и экономические преимущества, конечно же, имели греки, а правители — представители династии Романовых — обеспечивали бы прочные позиции России в этом государстве.

В.Н. Виноградов, детально исследовавший историю народов Юго-Восточной Европы в XVIII–XIX вв., политику России в отношении Ос-

¹⁸ Тарле Е.В. Сочинения Е.В. Тарле. Т. VIII. М., 1959. С. 236.

¹⁹ История Балкан. Век восемнадцатый. М., 2004. С. 143.

манской империи и ее балканских подданных, пришел к выводам, с которыми хотелось бы поспорить. Анализируя содержание «Грческого проекта», опровергая утверждения западных историков, что он был «эталонном необузданной российской страсти к захватам», Виноградов пишет, что «собственные претензии Екатерины II ограничивались Очаковым и полосой земли до реки Днестр. Помимо дани прошлому проект заключал в себе зерно будущего. В нем прослеживаются два постулата: воссоздания в Юго-Восточной Европе государственности христианских народов и отказа России от территориального расширения в этом регионе». Поэтому он «знаменовал этап в разработке геостратегического курса России на Балканах, послужил отправной точкой комбинаций по территориально-государственному перестроению Балкан, которыми богат XIX в.». Притом, все эти цели политики Екатерины II были задуманы еще Петром I: в Манифесте о начале Прутского похода, в 1711 г., призывая балканские народы помогать русским войскам, он выдвигал «основополагающую идею отказа России от прямых завоеваний и создания или возрождения здесь государств христианских народов под покровительственной дланью самодержавия»²⁰.

Заявления такого рода, явно имеющие пропагандистскую направленность, едва ли могут характеризовать задачи политики России в войне с Турцией в начале XVIII в. Неубедительно и утверждение, что царизм отказался от территориального расширения в сторону Балканского региона еще в эпоху Екатерины II. Ведь приобретение Крыма, хотя и не касалось непосредственно Балкан, имело громадное стратегическое значение в борьбе вокруг Восточного вопроса. Как упоминает В.Н. Виноградов, это признавал Г.А. Потемкин, который думал и о приобретении устья Дуная. Такая задача была осуществлена постепенно: по условиям Ясского договора к России перешли земли между Бугом и Днестром, по Бухарестскому — Бессарабия, наконец, по Адрианопольскому миру — острова в устье Дуная, что улучшало условия для судоходства и облегчало выход в Черноморский бассейн.

Это позволяет прийти к заключению, что только Адрианопольский мир положил предел прямой территориальной экспансии России в Юго-Восточной Европе и Восточном Средиземноморье. Но это не значило, что политика правительства Николая I потеряла экспансионистскую направленность. Ведь таковая была присуща всем великим европейским державам, и Россия не превосходила их в этом отношении. Но в 1830-х — начале 1850-х гг. ее главной задачей стало установление политического преобладания в формирующихся балканских государствах, борьба с усилившимся стремлением к тому же западных держав, имевших значительные преимущества по сравнению с отсталой крепостнической державой. Такая задача оказалась не по плечу Николаю I.

²⁰ Виноградов В.Н. Дипломатия Екатерины Великой // Новая и новейшая история. 2001. № 4

Но и в это время возможность раздела турецкого наследства не исключалась. В конце 20-х гг. молодой, еще неопытный император проявлял осторожность. Но ложное, очень упорное убеждение, что Турция долго не проживет, все усиливалось. Последствия этой катастрофы, как упоминалось, рассматривались в сентябре 1829 г. секретным комитетом. В 1844 г. Николай Павлович, будучи в Лондоне, пытался завести разговор о разделе владений Османской империи в случае ее распада, а накануне Крымской войны сделал конкретные предложения решения данной проблемы английскому послу в Петербурге. Предпринимались попытки начать переговоры с Австрией. Но все это не значило, что царизм проявлял заинтересованность в разделе турецкого наследства; этого боялись, пытались предусмотреть, обеспечить России наиболее выгодные условия.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и Адрианопольский мир окончательно определили особенности политической перестройки балканского региона: создание там не одного крупного, этнически неоднородного государства, а нескольких небольших государств с этнической общностью основного населения — Греции, Сербии, Черногории, Дунайских княжеств, а в перспективе и Болгарии. Путь к этому был долгим и начинался в последней трети XVIII в., когда в международной жизни Европы возник Восточный вопрос, когда Екатерина II выдвинула идею создания обширной Греческой империи, объединяющей христианских подданных Турции, исключая территории, переходившие к Австрии, и буферное государство «Дакию».

И.И. Лециловская в монографии "Сербский народ и Россия в XVIII в." пишет: «Следуя по пути, намеченному Петром I, Екатерина II развила его гениальные замыслы и разработала программу решения черноморской проблемы в связи с балканским вопросом — вопросом о судьбах европейских владений Османской империи и населяющих их народов. Программа Екатерины II была отмечена государственной проницательностью. Предвосхищая историческую перспективу, она была реалистично ориентирована, как с точки зрения выбора стратегических союзников России для обеспечения ее геополитических интересов в бассейне Черного и Средиземного морей, так и с точки зрения решения балканского вопроса путем всенародного восстания при военной поддержке России. Именно так в результате совпадения государственных интересов России и интересов угнетенных народов перед лицом Турции пошло политическое развитие Юго-Восточной Европы»²¹.

Совпадение интересов народов, поработанных Османской империей, и России, громадная роль русско-турецких войн в политической перестройке Юго-Восточной Европы очевидны. Но сомнительно, чтобы императрица думала о всеобщем восстании подданных Порты при поддержке

²¹ Лециловская И.И. Сербский народ и Россия в XVIII в. СПб., 2007. С. 111.

России, что она обладала государственной проницательностью и даром предвиденья. Историческое развитие балканских народов не пошло по пути, предполагавшемуся в эпоху Екатерины II. Нереальной оказалась и задача организации их всеобщего восстания, создания обширного христианского государства, в котором гегемонию имели бы наиболее общественно и политически развитые греки.

После Великой французской революции наступили важные перемены в истории балканских народов. Их освободительное движение вступило в новый этап, стало развиваться самостоятельно, независимо от международной обстановки, от политики России и ее войн с Турцией. Об этом свидетельствовало Первое сербское восстание 1804–1813 гг., а затем греческая революция. При этом выявились и стали нарастать общественно-политические противоречия среди единоверцев — южнославянских народов, молдаван и валахов с греками. Это ярко выразилось в усилении оппозиции фанариотскому режиму боярства Дунайских княжеств в ходе сербского восстания.

Идеолог повстанцев карловацкий митрополит Стефан Стратимирович в записке, направленной правительству Александра I в 1804 г., как бы в противовес идее «Греческого проекта» и фаворитизации греков, доказывал, что сербы — народ наиболее преданный России и только он может стать ее верным союзником. Российский представитель в освобожденной от турецкой власти Сербии К.К. Родофиникин вел политику, казалось бы, отвечавшую интересам восставших, но Карагеоргий и другие воеводы относились к нему с недоверием, даже враждебно, как и к другому греку, архимандриту Лсонтю. Антигреческие настроения были свойственны и черногорцам.

Между тем в сознании руководителей освободительного движения греков замысел организации всеобщего восстания балканских народов и создания единого христианского государства на месте европейских владений Османской империи еще долго продолжал существовать. Ригас Велестинлис — создатель первой греческой революционной организации выдвигал подобный замысел²². Он имелся и у этеристов, надеявшихся на помощь сербов и их бывшего предводителя Карагеоргия. В бумагах вождя Южного общества декабристов П.И. Пестеля оказалась записка под названием «Царство Греческое», которая, по-видимому, содержала идею кого-то из этеристов²³. А в упомянутом выше предложении Каподистрии относительно политической перестройки европейских владений Османской империи в случае ее падения предусматривалось объединение вновь образованных балканских государств в федерацию.

²² *Ари Г.Л.* Этеристское движение в России. Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи. М., 1970. С. 93–117.

²³ *Нечкина М.В.* История декабристов. М., 1955. Т. I. С. 345–346, 364.

Практического значения подобные идеи и предложения уже не имели. Адрианопольский трактат окончательно определил особенности политической перестройки в Юго-Восточной Европе. Создание небольших национальных государств отвечало «духу времени», интересам самих правителей и господствующих слоев, а также не противоречило задачам царизма. Казалось, поддерживать российское политическое преобладание в небольших монархических государствах будет легче, чем в большом и сильном. Но такие расчеты не оправдались: после первых недолгих успехов курс, намеченный Адрианопольским миром, закончился провалом, привел к трагедии Крымской войны. Национально-освободительное движение балканских народов явилось одной из главных причин разложения Османской империи. Но она не была столь слабой, как это представлялось современникам, имела громадные экономические ресурсы, социальную поддержку и военные силы, которые могли разгромить любое локальное восстание своих христианских подданных, если бы они не получали поддержки извне.

Только Россия, достаточно мощная и активная, для которой политическая перестройка владений Порты в Юго-Восточной Европе представляла непосредственный интерес, могла содействовать и ускорять создание национальных государств на Балканах, о чем и свидетельствуют результаты Адрианопольского мира.

Центр надзора за Черноморским бассейном

Находясь в Константинополе, российские посланники теснейшим образом были связаны с проблемами, относящимися ко всем проявлениям собственно «морской жизни» города и имевшими самое непосредственное отношение не только к торговле, но и к морскому разграничению, безопасности российских границ и обеспечению безопасного мореплавания, свободного от пиратства и контрабанды.

Еще во время пребывания российского флота в Босфоре в 1833 г. Порты разрешила русскому судну пройти Дарданелльский пролив для составления его карты и лоций. Эта операция была выполнена под начальством Дюгамеля, в подчинении которого был фрегат «Эривань», два офицера — Путята и Корнилов, инженер подполковник Бюрно и драгоман Дайнези¹.

Однако планы российского морского штаба простирались шире: установившиеся дружественные отношения с Портой не могли ввести в заблуждение морское командование России на счет последующего развития событий в столь беспокойном регионе. «Хочешь мира — готовься к войне» — это древнее изречение как нельзя лучше иллюстрирует характер русско-турецких отношений. Карты черноморского побережья, лоции Проливов и Мраморного моря, безусловно, представляли собой необходимое приобретение для российского морского штаба. Тем более что прецедент уже имел место: в 1820 г. французский капитан Готье произвел съёмку берегов Анатолии с разрешения турецких властей. В 1834 г. А.С. Меншиков поспешил воспользоваться «прияженным расположением Оттоманской Порты» для описания анатолийских берегов Черного моря от реки Риони до Константинопольского пролива². Для этого следовало послать офицера и «испросить назначения со стороны турецкого правительства особого чиновника для беспрепятственного производства упомянутой съёмки». «События прошлого года, — писал вице-канцлер, имея в виду морской поход российского флота в 1833 г., — пред целым светом» ясно обозначил и искреннее участие России в судьбе Османской империи. Оно должно было послужить залогом отсутствия у российской стороны враждебной Порте Оттоманской цели³. Впрочем, последние слова гото-

¹ Муравьев П.П. Дела Турции и Египта в 1832 и 1833 годах. М., 1869. Ч. IV. С. 13.

² АВПРИ. Ф.СПб ГА II-5. Оп. 38. Д.3 (1834–71) Л.1 с об. А.С. Меншиков К.В. Нессельроде. 3 марта 1834 г.

³ Там же. Л.2 с об. К.В. Нессельроде Рикману. 8 марта 1834 г.

вящейся в Петербурге депеши показались Нессельроде не вполне уместными — они были вычеркнуты.

Турецкие чиновники согласились поддержать это предприятие, тем более что уже ранее обсуждали возможность его проведения с А.Ф. Орловым, А.П. Бутеневым и Н.Н. Муравьевым во время Босфорского похода русского флота. Порта согласилась послать свой фрегат в Севастополь, чтобы включить его в состав экспедиции. Рикман, исполнявший обязанности посланника, не мог поверить в столь счастливо складывавшиеся обстоятельства: срочная эстафета была послана командующему Черноморским флотом адмиралу Лазареву, и уже через месяц, 21 мая, яхта «Голубка» привезла его ответ. В нем говорилось, что Лазарев, «дабы не терять удобного... времени, решился отправить яхту «Голубка»... прямо в Константинополь для соединения с фрегатом от Порты», не дожидаясь его присылки в российский порт⁴. Капитан-лейтенант Манганари должен был начать описание берега от устья Босфора вдоль Анатолийского берега, а при возвращении обратно к Босфору «онный берег осмотреть вторично». 5 июня было получено согласие императора Николая I, а 9 июня «Голубка» с турецким корветом «Гюль Сефид» (Белая роза) вышли из Босфора в Черное море. Однако всю работу российский экипаж выполнил один, поскольку «Гюль Сефид» не смогла следовать за «Голубкой» «по устройству своему». О том, что экспедиция была успешной, свидетельствует тот факт, что в 1841 г. издание черноморского атласа шло полным ходом. В 1843 г. атлас был готов; один экземпляр был послан в Константинополь к российскому посланнику с тем, чтобы он вручил его турецкому правительству⁵. Султан Абдул-Меджид «с особым удовольствием принял этот подарок и наградил капитана I ранга Е.П. Манганари орденом Нишан Ифтигар, а его брата М.П. Манганари, принимавшего участие в экспедиции, — украшенной бриллиантами золотой табакеркой⁶.

Воодушевленные успешным завершением предприятия, российские власти решили продолжить начатые исследования турецких берегов, на этот раз — Мраморного моря. Султан одобрил и это предложение «с тем лишь условием, чтобы сия экспедиция произведена была на турецком военном судне»⁷. Возглавил турецкий поход все тот же капитан Манганари. А в 1849 г. русские моряки произвели съемку Румелийского берега турецких владений. Для этой цели в Босфор прибыли тендеры «Поспешный» и «Скорый» под командованием лейтенантов Бутакова и Шестакова. Они же в 1850 г. произвели исследование лоций прибрежной линии Черного моря от Босфора до устья Дуная при содействии турецких кораблей⁸.

⁴ АВПРИ. Л.16. Лазарев Рикману. 8 мая 1834 г.

⁵ Там же. Л.46. А.С. Меншиков К.В. Нессельроде. 9 февраля 1843 г.

⁶ Там же. Л.51 с об. В.П. Титов в Азиатский департамент. 19 февраля 1845 г.

⁷ Там же. Л.57 об. В.П. Титов К.В. Нессельроде. 14 апреля 1845 г.

⁸ Данциг Б.М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 155.

В 1851 г. в Константинополь доставили 4 экземпляра составленных лоций для вручения султану и сановникам⁹. Насколько своевременно были сделаны все эти лоции можно судить, вспомнив, что до Синопского сражения 1853 г. оставалось совсем немного времени.

Осуществляя общий надзор над торговыми операциями, производившимися через Константинопольский порт, российская миссия была призвана не допустить провоза контрабандных товаров, прежде всего оружия, к восточному берегу Черного моря. Существовал список товаров, запрещенных к привозу в черноморские порты Закавказского края. К ним относились: «Клинки или лезвия шпажные, сабельные, кинжальные; военные снаряды, чугунные и железные; пушки, мортиры, ядра, бомбы; ружья, пистолеты; натр селитроокислый или азотноокислый, нефть черная, порох мелкий и пушечный; фитили»¹⁰. Как свидетельствуют многочисленные документы, этот запрет многократно нарушался, процветала контрабандная торговля оружием, которое поставлялось горским народам Кавказа.

Серя и порох, свинец, сталь, железо — все это турецкие контрабандисты доставляли на своих судах горцам Кавказского побережья. В какой-то мере развитию контрабанды способствовала недальновидная торговая политика России. С 20-х гг. заметно падает меновая торговля с черкесами, а к концу 30-х гг. она была практически прекращена. Это привело к активизации турецкой и английской контрабандной торговли на Черном море и усилению иностранного политического влияния в регионе¹¹. Турки распускали среди местного населения нелепые слухи о том, что Анапа, Поти и Сухум, по условиям Адрианопольского договора отошедшие к России, возвращены обратно Османской империи. Они уверяли «горцев и черкесов» в том, что эти территории уступлены России лишь временно. Турецкие суда беспрестанно приходят в Геленджик, для турок открыты магазины, кофейные дома, строятся мечети — рапортовал из Керчи надворный советник Кодинец в Азиатский департамент¹². Командующий Черноморским флотом докладывал начальнику морского штаба А.С. Меншикову о частых поставках оружия к берегам Абхазии¹³. Меншиков был вынужден назначить крейсерование береговой линии русскими судами¹⁴. Для командиров крейсеров были составлены инструкции, следуя которым они

⁹ АВПРИ Спб. ГА II-5. Оп. 38. Д.3. Л.94. В.П. Титов Л.Г. Сенявину. 14 октября 1849 г.; Л. 109. В.П. Титов Л.Г. Сенявину. 14(26) августа 1850 г.; Л.112. В.П. Титов А.Я. Дапкову 24 мая 1851 г.

¹⁰ Там же. Ф. Дела Азиатского департамента. Оп. 729. Д. 191 (1846) ЛЛ.1-5. «Список товарам, запрещенным к привозу в Черноморские порты Закавказского края по таможенному тарифу 14 декабря 1846 г.»

¹¹ Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. М., 1994. С. 446.

¹² АВПРИ. Ф. Турецкий стол (старый). Оп. 50 а. Д.4607. ЛЛ.23-26. Кодинец в Азиатский департамент. Секретно. 18 июля 1830 г.

¹³ Там же. Л. 45 с об.

¹⁴ Там же. А.С. Меншиков К.В. Нессельроде. Секретно. 30 апреля 1830 г.

могли допускать «по черноморскому восточному берегу нашему иностранные коммерческие суда только к двум пунктам: к Анапе и Редут-кале, в коих есть карантин и таможни, к прочим же местам сего берега приближаться оным запрещается»¹⁵.

По всем вопросам турецкого мореплавания по Черному морю российский МИД давал непосредственные предписания константинопольскому посланнику. Бутеневу вменялось в обязанность сообщить иностранным миссиям и «министерству турецкому, что торг открыт на основании существующих законов в России для кораблей всех наций, приходящих в наши порты, где учреждены карантин и таможенные уставы, но всякое покушение производить торг вне тех пунктов, по берегам Черного моря России принадлежащим, будет признаваем за контрабанду»¹⁶.

Депеши подобного рода столь многочисленны в этот период, а формулировки, повторяющиеся в них столь однообразны, что только этим можно объяснить ту небрежность, которая была допущена в дипломатических бумагах 1836 г. и которая могла привести к международному скандалу. Он не разразился лишь благодаря бдительности российского посланника. В январе 1836 г. Бутенев получил предписание директора Азиатского департамента К.К. Родофиникина сообщить европейским миссиям «о воспрещении иностранным *военным* (курсив мой — Е.К.) судам входить в порты восточного берега Черного моря». Посланник был озадачен: как объявить представителям Англии и Франции о том, что уже давно действует в международных договорах? Еще на заседании Комитета Министров 18 мая 1810 г. было принято постановление о запрете (под угрозой ареста и конфискации) турецким судам подходить к находящемуся в блокаде восточному берегу Черного моря от Анапы до Мингрелии¹⁷. Тем более, что по недавно заключенному Ункяр-Искелесийскому договору, который оценивался, как внутри страны, так и за рубежом, как большая победа российской дипломатии, было принято важное для России решение о закрытии Черного моря для *военных* судов всех иностранных держав.

Бутенев, не доверяя столь важные бумаги посольским канцеляристам, сам сел писать депешу в Петербург. В ней он буквально растолковывал МИДовским чинам основы заключенного русско-турецкого соглашения. Письмо заслуживает того, чтобы быть процитированным: «Кроме нашего и турецкого военного флага — объяснял посланник, — никакой другой военный флаг не может и не смеет даже думать показаться на Черном море. Следственно, кажется неуместно было бы сообщить иностранным

¹⁵ АВПРИ. Л.93. «Проект правил...».

¹⁶ Там же. Л.58. К.В. Нессельроде А.П. Бутеневу. 31 августа 1831 г.

¹⁷ АВПРИ. Ф.СПб ГА II-3. Оп. 34. Д.1 (1810). ЛЛ. 6 об. Выписка из журнала Комитета министров от 18 мая 1810 г.

здесь миссиям о воспрещении их военным судам приставать в порты к берегам восточного Черного моря, ибо таковы суда не смют и входить в самое Черное море. Таковое событие могло бы даже быть принято англичанами и французами в виду разрешения с нашей стороны плавать свободно под военным флагом по всему Черному морю, лишь бы только не подходить к Анапе или к берегам Абхазии; а таковое, хотя и натянутое толкование, навести может кучу хлопот и суматохи»¹⁸.

Без промедления последовавший ответ Родофиникина заставляет вспомнить такого известного персонажа, как поручик Кижж: «Депсшу мою... покорнейше прошу считать яко вовсе несуществующею и для сего лучше всего оную сжечь, чтоб не могла впоследствии породить ошибочное понятие о деле»¹⁹. Приказание не было исполнено, иначе нельзя было бы узнать о реакции Петербурга на столь крупный дипломатический промах.

О том, что полученные Бутеневым ранее предписания не были просто ошибкой переписчика, говорит наличие других подобных документов. Тогда же генерал-адъютанту и командиру отдельного кавказского корпуса барону Розну было прислано высочайше одобренное постановление о воспрещении иностранным *военным* судам входить в порты восточного берега Черного моря²⁰. Хорошо, что генерал невнимательно его прочитал, иначе у него возникли бы аналогичные вопросы. Примечательно, что эта ошибка кочевала из документа в документ и не была замечена на самом высоком уровне: все бумаги о *военных* кораблях были подписаны самим императором, так гордившимся заключенным ранее договором о Проливах. Несомненно, что Бутенев, проявив бдительность и обратив внимание петербургских властей на ниссурность полученных им предписаний, предотвратил серьезные международные неприятности и спас честь мундира своего начальства.

В 1838 г. произошел известный инцидент с английской шхуной «Виксен», задержанной русскими моряками за перевозку оружия и взятой российской береговой охраной в качестве приза. Англичане устроили громкий скандал, в то время как этот случай был далеко не единственным. В 1843 г. главнокомандующий Закавказским краем генерал-адъютант А.И. Нейдгарт получил от Титова из Константинополя сообщение о готовящейся переброске «к черкесам» большой партии оружия из Бирмингема. Эта операция готовилась торговым домом Иосифа Рикарда и Девиля в Марселе, а осуществить ее должен был французский подданный Кири. Однако последний, «желая доказать свою признательность к Российскому правительству..., вызвался тайно указать начальству нашему время от-

¹⁸ АВПРИ. Ф.Турецкий стол (старый). Оп. 502 а. Д. 4607. Лл.193–194. А.П. Бутенев К.К. Родофиникину. 20 февраля 1836 г.

¹⁹ Там же. Л. 199. Из Азиатского департамента А.П. Бутеневу. 17 марта 1836 г.

²⁰ Там же. Л. 191.

правления тех ружей и место, где условлено будет их выгружать»²¹. Известно, что англичане пользовались любыми случаями для проникновения на Кавказ под видом путешественников и исследователей, об этом свидетельствует обширная мемуарная литература тех лет²². Они пытались противостоять закреплению России в Закавказье, поддерживая выступления горских народов.

Наиболее частые случаи переброски контрабандных товаров были связаны с турецкими транспортами. В августе 1832 г. сразу 8 турецких судов, уличенных в запрещенной торговле с горцами, были взяты призами российской береговой службой²³. 18 декабря 1847 г. военный корвет «Орест» взял «законным призом» турецкое судно, на котором были черкесы, дагестанцы и турки, перевозившие оружие и ядра²⁴. В 40-х гг., несмотря на постоянные дипломатические представления российской стороны Порте, плавание контрабандных судов не только не уменьшалось, но становилось все более дерзким. Начальник черноморской береговой линии генерал-адъютант Будберг докладывал главнокомандующему отдельным Кавказским корпусом в секретном донесении о том, что «вместо того, чтобы как прежде стараться пробираться к берегу скрытно и по одиночке, контрабандисты начинают подходить целыми флотилиями»²⁵. Российские посланники в Константинополе находились в постоянной переписке с нашими консулами в Трабзоне и Синопе, где чаще всего снаряжались турецкие транспорты к Анапе, Потю, Геленджику и Кобулетю. Все эти данные поступали в военное министерство от агентов, которые вели наблюдение за действиями горцев. По их сведениям, турки, прибывшие нелегально к Шамилю, не только привозили оружие, но и обучали горцев литью орудий²⁶.

Зачастую, прибывшие к берегам Кавказа турецкие суда, возвращались обратно с живым грузом — черкесами, «назначенными в продажу». Сведения о процветавшей работоторговле стекались в российское посольство в Константинополе. К.М. Базили в своих «Очерках Константинополя» пишет о том, что вплоть до 1830 г. турецкие корабли ежегодно привозили в турецкую столицу «дань Кавказа» — рабынь для турецких гаремов²⁷. Поскольку российские крейсера в Черном море были призваны не допустить торговлю «живым товаром», Базили выражал надежду на скорое прекращение этого варварского обычая. Но в 1839 г. граф Ржевуский, прибыв-

²¹ АВПРИ. Д. 4502. Л. 5 с об. А.И. Нейдгарт К.В. Нессельроде. 4 ноября 1843 г.

²² См. например: Спенсер Э. Путешествие в Черкессию. Майкоп, 1994.

²³ АВПРИ. Д. 4607. ЛЛ. 113–114.

²⁴ Там же. Ф. Турецкий стол (старый). Оп. 502 а. Д. 4503. Л.22 с об. Будберг К.В. Нессельроде. 4 января 1847 г.

²⁵ Там же Л. 15 об. Секретно. 4 августа 1846 г.

²⁶ Там же. Д. 4502. Л.1 об. А.И. Чернышев К.В. Нессельроде. Секретно. 11 мая 1843 г.

²⁷ Базили К.М. Очерки Константинополя. СПб., 1835. С. 82.

пий на Ближний Восток со специальной миссией императора, был поражен видом невольничьего рынка и даже выкупил одну черкешенку, отправив ее в российское посольство²⁸. А в 1847 г. временно управляющий посольством М.М. Устинов докладывал Нессельроде о прибывшей очередной партии «черкесов» из Сочи²⁹. В Синопе открыто действовал рынок, где продавались русские пленники; здесь не было даже российского консульства, которое могло бы за них заступиться³⁰. В 1839 г. именно эта причина послужила основанием для назначения в Синоп дипломатического представителя России. Вице-консулом стал Биаджио Михели, исполнявший одновременно обязанности тосканского торгового агента.

Таким образом, в ведении российского посольства оказывались вопросы не только дипломатического характера, но и налаживания безопасного мореплавания в Черном море, свободного от контрабандных рейсов турецких судов с грузом запрещенных товаров. Подобного рода поставки, зачастую спонсированные англичанами, способствовали поддержанию нестабильности в горных регионах Кавказа и на побережье Черного моря.

²⁸ Ржевуский А. Отрывок из мемуаров. // Исторический вестник. СПб. 1913. Т.132. № 6. С. 839.

²⁹ АВПРИ. Ф. Турецкий стол (старый). Оп. 502 а. Д.4303. Л.26. М.М. Устинов К.В. Нессельроде. Секретно. 4 февраля 1847 г.

³⁰ Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т 1. М. 2002. С. 300.

Освещение в советской и российской послевоенной историографии Восточного кризиса 20-х годов XIX века, русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Адрианопольского мира

20-е гг. XIX в. вошли в историю международных отношений как новый этап в развитии Восточного вопроса, возникшего как международная проблема во второй половине XVIII в.

Научная значимость и многогранность проблемы «Восточный кризис 20-х гг. XIX в.», множество малоизученных вопросов и сюжетов ее составляющих всегда привлекали и продолжают привлекать внимание отечественных исследователей. За шесть минувших послевоенных десятилетий ими создана значительная литература, изданы тома уникальных документов. В год 180-летия окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и подписания Адрианопольского мирного договора вполне уместно, на наш взгляд, подвести итоги изучения данной тематики в СССР и России, поставив труды отечественных историков в общий контекст историографии проблемы «Россия и Балканы в XIX в.» и выделив при этом основные этапы в ее исследовании.

Обозначенные в заглавии нашей статьи вопросы начали изучаться в советской историографии еще до Великой Отечественной войны. Во всяком случае, в 1941 г. вышел в свет I том «Истории дипломатии», в котором названной теме отводилось значительное место. Автором соответствующей главы был Е.В. Тарле¹. Проследив дипломатическую борьбу держав после начала греческого восстания, исследователь обратился к вопросу о русско-турецкой войне 1828–1829 гг. «Технически убого оснащенная, плохо обученная настоящему, а не плацпарадному военному делу, бездарно управляемая... русская армия, несмотря на храбрость солдат, долго не могла одолеть сопротивления турок»², — пишет Е.В. Тарле. Затем, правда, последовал ряд побед, стоивших невероятных усилий и многочисленных человеческих жизней. И, наконец, апофеоз — Адрианопольский трактат, который, по мнению, ученого, «дал России большие выгоды и победоносно окончил опасную войну». Константинополь не был взят, о чем мечтали некоторые «горячие головы» из окружения Николая I. Однако царь, в отличие от них, «был осведомлен о том, в какой обстановке

¹ История дипломатии \ Под ред. В.П. Потемкина. М., 1941. Т. I.

² Там же. С. 404.

Дибичу приходилось склонять турок к подписанию этих условий»³, и «считал, что и без Константинополя сделан большой шаг по намеченному на Востоке пути»⁴.

В 1940–1950-х гг. были опубликованы статьи О.Б. Шпаро и И.Г. Гуткиной⁵, посвященные политике европейских держав и России в греческом вопросе начиная с 1821 г. Для освещения интересующей их проблемы авторы привлекли имеющуюся литературу и открытые ими архивные материалы.

Первым капитальным трудом, непосредственно посвященным российской политике в отношении Османской империи и балканских народов, изданным в послевоенный период, стала монография А.В. Фадеева «Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в.» (М., 1958). Именно этот автор ввел в историографию термин «Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в.». В его книге значительное внимание уделено анализу социально-экономических предпосылок внешней политики царской России (особенно на Кавказе), ее эволюции, отношению различных слоев русского общества к событиям на Балканах; дана характеристика основных этапов Восточного кризиса и позиции русской дипломатии на каждом из них.

Однако А.В. Фадеев руководствовался при анализе событий исключительно классовым подходом и совершенно в духе идей М.Н. Покровского, уже «разоблаченных» в то время и отвергнутых, писал о наличии у России в 20-е г. XIX в. агрессивных и захватнических целей на Балканах, а характер ее внешней политики определял как «завоевательный». Вместе с тем, указывал А.В. Фадеев, в отдельных случаях российская внешняя политика имела объективно положительные последствия для поработанных османами народов, как, например, русско-турецкая война 1828–1829 гг.⁶

С точки зрения современной науки тезис А.В. Фадеева о стремлении России, агрессивной и реакционной, к захватам на Балканах, не выдерживает критики. Однако его вклад в начало изучения проблемы, на наш взгляд, существенен, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в работах отечественных балканистов на материалы данной книги, несмотря на то, что с момента ее публикации прошло уже более полувека.

1950–60-е гг. могут быть обозначены как начальный этап изучения отечественными историками вопросов, входящих в проблематику Восточного кризиса 20-х гг. XIX в. Этому в значительной степени способствовало создание в рамках АН СССР Института славяноведения (приказ

³ История дипломатии. С. 405.

⁴ Там же. С. 406.

⁵ Шпаро О.Б. Внешняя политика Капшига и греческий вопрос // Вопросы истории. 1947. № 12; она же. Роль России в борьбе Греции за независимость // Вопросы истории. 1949. № 8; Гуткина И.Г. Греческий вопрос и дипломатические отношения европейских держав в 1821–1822 гг. // Учен. зап. Лeningrad. гос. ун-та. 1951. № 130. Серия ист. наук. Вып. 18.

⁶ Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958. С. 368–369.

был подписан 31 декабря 1946 г.). Одним из наиболее приоритетных направлений его научной деятельности с момента основания являлось изучение объективно-прогрессивной роли политики России на Балканах и русско-славянских связей⁷.

В 1950–60-е гг. шло постепенное накопление документального материала по вышеуказанной проблеме, публиковались работы по отдельным конкретным вопросам, касающимся отношений России с греками, болгарями, сербами, молдаванами и валахами, закладывались основы для будущих серьезных исследований и теоретических обобщений.

И.Г. Гуткина⁸ продолжила изучение вопроса о дипломатической борьбе великих держав в связи с греческим восстанием, указала на постепенную активизацию политики России в греческом вопросе.

Борьбе греческого народа за освобождение и позиции официальной России по греческому вопросу была посвящена научно-популярная работа О.Б. Шпаро «Освобождение Греции и Россия» (М., 1965). Автором подробно описано Наваринское сражение, одно из трех крупнейших морских сражений XIX века (наряду с Трафальгарским и Синопским), и его дипломатическая предыстория. Прежде чем разгромить неприятельский флот, Россия успешно выдержала ожесточенные «дипломатические баталии» с союзниками, препятствовавшими любым ее практическим действиям в пользу повстанцев. Материал, приведенный в этой книге, не оставляет сомнений в том, что все важнейшие акции в 20-е гг. XIX в. на пути к освобождению Греции были осуществлены по инициативе и под воздействием России.

Одним из первых к проблематике русско-болгарских отношений в период Восточного кризиса 20-х гг. XIX в. обратился в 1960-е гг. В.Д. Конобеев, открывший в советских архивах новые документы по данной теме⁹. Исследователь отметил, что хотя в политических планах царского правительства в эти годы не стоял вопрос о Болгарии, при подготовке военных планов нельзя было обойти проблемы взаимоотношений с национальным движением болгар, приняв во внимание, что их земли могут стать театром военных действий. В.Д. Конобеев проанализировал ряд проектов использования болгар в боевых действиях русской армии — выдающегося русского флотоводца Д.Н. Сенявина, генерала А.Ф. Ланжерона и др. Хотя царизм не желал активизировать национально-освободительную борьбу болгарского народа, впоследствии все же было разрешено использовать в военных целях болгарский отряд во главе с Г. Мамарчевым и П. Фокияно. В.Д. Конобееву удалось обнаружить ряд ценных ар-

⁷ См. *Досталь М.Ю.* Как Феникс из пепла... Отечественное славяноведение в период Второй мировой войны и первые послевоенные годы. М., 2009. С. 235.

⁸ *Гуткина И.Г.* Противоречия европейских держав в первые годы греческой войны за независимость (1823–1826) // Учен. зап. Ленинград. пед. ин-та. 1966. Т. 288.

⁹ *Конобеев В.Д.* Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828–1830 гг. // Ученые записки Института славяноведения. М., 1960. Т. XX.

живных материалов о миссии представителя болгарской эмиграции А. Невочича в Главную квартиру русской армии в 1828 г. с целью просить Николая I взять Болгарию под защиту и покровительство и оказать ей помощь в деле достижения автономии.

В последующие годы к этой же проблематике обратился кишиневский историк И.И. Мещерюк¹⁰, изучивший некоторые аспекты развития болгарского национально-освободительного движения на завершающей стадии Восточного кризиса и отношение к нему царского правительства.

Уже в 1960-е гг. советские историки сформулировали следующий важный вывод: во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг., в отличие от 1806–1812 гг., требование национальной автономии становится политической целью не отдельных лиц, а всего болгарского национально-освободительного движения — оно отражено в десятках коллективных и частных обращений болгар к русским властям.

Важным последствием русско-турецких войн, в том числе войны 1828–1829 гг., стало массовое переселение болгар в Россию — из-за опасений турецких репрессий. С разрешения русского правительства болгары селились на юге России — в южной части Бессарабии (Буджак), в Крыму и Новороссийском крае.

Первым, еще в конце 1940-х гг., к этой теме обратился С.Б. Бернштейн¹¹, в 1960-е гг. ею занимался И.И. Мещерюк¹². Эти ученые опубликовали и проанализировали в своих работах интересные документы, что позволило им выделить несколько этапов в переселении болгар в Россию.

Адрианопольский мир 1829 г., возвращавший все болгарские территории под власть султана, принес горькое разочарование болгарам, не получившим автономии. С уходом 2-й армии создавалась реальная угроза репрессий со стороны турецких войск, так как многие болгары участвовали в военных действиях на стороне России. Это было учтено русской дипломатией при подписании мирного договора, в XIII статье которого говорилось об амнистии тем, кто выступал на стороне какой-либо из договаривающихся сторон. Кроме того, всем желающим болгарам разрешалось на протяжении 18 месяцев после заключения мирного договора продать свое имущество и переселиться с семьями в другую страну, избранную по их усмотрению. Таким образом, открывалась легальная возможность эмиграции болгарского населения из Османской империи.

¹⁰ Мещерюк И.И. Русский царизм и национально-освободительное движение болгарского народа в 1828–1829 годах // Колониальная политика и национально-освободительное движение (Из новой и новейшей истории Балкан, Ближнего и Среднего Востока). Кишинев, 1965.

¹¹ Бернштейн С.Б. Страница из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. // Ученые записки Института славяноведения. М., 1949. Т. I.

¹² Мещерюк И.И. Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828–1834 гг. Из истории развития русско-болгарских дружественных связей. Кишинев, 1965; *он же*. Переселение болгар и гагаузов в Буджак // Болгария, сестра родная. Кишинев, 1967.

Болгарские историки С. Дойнов, Е. Хаджиниколова, В. Трайков и др. утверждали, что Петербург был заинтересован в привлечении болгар в качестве рабочей силы для освоения южнорусских земель и с этой целью проводил организованную эмиграцию болгарского населения. Иную точку зрения высказал С.Б. Бернштейн. Ученый документально обосновал следующий вывод: в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. отношение правящих кругов России к болгарской эмиграции изменилось ввиду уменьшения числа свободных земель и больших материальных затрат на устройство переселенцев. Эта точка зрения утвердилась в советской историографии. В своих работах по данной теме исследователи показали, что эмиграция болгар была вызвана, прежде всего, стремлением спастись от притеснений и физического истребления со стороны турок, а не эмиграционной политикой Петербурга.

В 1960-е гг. начал свою научную деятельность известный отечественный историк В.Я. Гросул. В одной из первых своих работ, опубликованной в 1964 г.¹³, он обратился к вопросу об участии молдаво-валашских добровольцев в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и при этом ввел в научный оборот немало ценных архивных материалов.

Наряду с этим В.Я. Гросул изучил вопрос о реформах в Молдавии и Валахии, которые начало проводить здесь царское правительство уже в 20-е гг. XIX в.¹⁴, и, прежде всего, подготовку конституций — Органических регламентов. Исследователь отметил, что русское правительство не навязывало реформ Дунайским княжествам — там созрели для этого предпосылки. Отмечая ограниченный и классовый характер реформ, как и всей политики России в княжествах, В.Я. Гросул показал, что они, тем не менее, сыграли в тот период важную роль для развития в Молдавии и Валахии сельского хозяйства, промышленности, торговли, культуры, просвещения. Реформы содействовали и созданию благоприятных условий для объединения в будущем Дунайских княжеств в единое государство. В то же время ученый подчеркивает, что, проводя реформы в Молдавии и Валахии, царизм пытался укрепить здесь свое политическое влияние.

В качестве следующего и главного этапа в изучении отечественными историками темы «Восточный кризис 20-х гг. XIX в., русско-турецкая война 1828–1829 гг. и Адрианопольский мир» следует выделить 1970–1980-е гг. В этот период весь комплекс вышеуказанных вопросов исследовался историками бывшего СССР довольно интенсивно, по нарастаю-

¹³ Гросул В.Я. Молдаво-валашские добровольцы в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. и роль России в воссоздании национальных армий в Дунайских княжествах // Учен. зап. Кипиневск. ун-та. Кишинев, 1964. Т. 73.

¹⁴ Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30-е годы XIX века). М., 1966; Гросул В.Я., Чертан Е.Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969 (главы о реформах написаны В.Я. Гросулом).

щей. На наш взгляд, это было связано, во-первых, со 150-летием событий и ростом в связи с этим интереса к ним общественности и не только научной, а во-вторых, со значительными достижениями советских историков в деле поиска и публикации архивных документов по балканской политике России. И как результат — многочисленные опубликованные статьи, монографии и коллективные обобщающие труды, в которых рассматривались проблемы, связанные с Восточным кризисом 20-х гг. XIX в.

Эта тематика достаточно подробно освещена в книге Н.С. Кицяпиной «Внешняя политика России первой половины XIX в.» (М., 1974), а затем в коллективной монографии «Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII – начало XX в.» (М., 1978), где авторами главы по интересующему нас периоду являлись В.А. Георгиев и В.И. Шермет. В этой книге использованы обширные архивные материалы, подвергнуты обоснованной критике работы некоторых западных авторов.

Рассматриваемая нами тема представлена также в монографии И.С. Достян «Россия и балканский вопрос» (М., 1972). Прежде всего, исследовательница остановилась на дипломатических акциях Петербурга, начиная с лета 1821 г., в отношении Турции, а также показала те трудности, с которыми столкнулась российская дипломатия на всех этапах Восточного кризиса, и изложила конкретные предложения России по «умиротворению» Греции. В книге подчеркивается, что в этот период «царское правительство не стремилось доводить дела до развала Турции, предпочитало урегулировать русско-турецкие разногласия дипломатическим путем и решилось на войну только тогда, когда не было иного выхода»¹⁵.

Обращаясь к вопросу о русско-турецкой войне 1828–1829 гг. И.С. Достян справедливо отмечает, что в плане операций на балканском фронте сила турецкой армии, ее способность к сопротивлению явно недооценивались, что наглядно продемонстрировала неудачная для России кампания 1828 г.

На страницах монографии И.С. Достян нашел отражение и вопрос о решениях Особого секретного комитета, заседание которого состоялось в Петербурге 4(16) сентября 1829 г. (уже после заключения Адрианопольского мира). На нем был одобрен курс политики, направленный на поддержание целостности и неприкосновенности Османской империи. Материалы, скрупулезно проанализированные исследовательницей, позволили ей сделать вывод о том, что в 1829 г. российская дипломатия готовилась выдвинуть на обсуждение европейских кабинетов план создания на Балканах нескольких независимых монархических государств и предложить установить такой режим в районе Константинополя и Черноморских проливов, который был бы наиболее благоприятным для экономических и стратегических интересов России.

¹⁵ Достян И.С. Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в. С. 313.

Среди коллективных обобщающих трудов по теме, изданных в «советский» период, следует выделить «Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. (М., 1983) — авторы Г.Л. Арш, В.Н. Виноградов и И.С. Достян. В этой работе подведены итоги предшествующим исследованиям по истории русско-греческих отношений и политики России в отношении Греции в годы Восточного кризиса 20-х гг., проанализирована политика великих держав и их дипломатическая борьба в этот период. В труде отмечается большое значение восстаний в Дунайских княжествах и греческих землях в возникновении кризиса, который, «продолжаясь в течение почти целого десятилетия оказал сильное влияние на весь сложный комплекс международных отношений в Европе и, в конечном счете, значительно подорвал основы Священного Союза»¹⁶. Авторы труда подчеркивают, бесспорно, важный момент: осуждая восстание, российское правительство не собиралось мириться с политикой репрессий, которую осуществляли османские власти в отношении греков. И не только не собиралось, но и не мирилось, а активно действовало в их защиту, отстаивая на международной арене такое решение греческого вопроса, которое было наиболее благоприятным для национальных интересов эллинов. И еще один важный вывод: в ходе подготовки к войне оформился принцип отказа Петербурга от территориального расширения на Балканах, которого Россия затем придерживалась в течение всего XIX в. Этот отказ был зафиксирован в Петербургском протоколе (март-апрель 1826 г.), июльском 1827 г. договоре России, Великобритании и Франции, в царском манифесте об объявлении войны и подтвержден Адрианопольским мирным договором.

В начале 1970-х гг. ряд работ по интересующей нас проблематике опубликовал ярославский ученый В.А. Ляхов¹⁷. В них он рассмотрел действия русской армии и флота в войне 1828–1829 гг. на Кавказском и Балканском фронтах, дипломатическую борьбу великих держав вокруг греческого вопроса, отношение Петербурга к национально-освободительной борьбе болгарского народа, подготовку и заключение Адрианопольского мирного договора. В трудах В.А. Ляхова широко использована дореволюционная историческая литература, приведено немало новых архивных документов. В целом его выводы по ключевым вопросам не отличались от выводов других отечественных историков, например, об объективно-прогрессивной роли России для будущего балканских народов, о большом значении Адрианопольского трактата в деле достижения ими независимо-

¹⁶ Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг. М., 1983. С. 145.

¹⁷ Ляхов В.А. Русская армия и флот в войне с Османской Турцией в 1828–1829 годах. Ярославль, 1972; *он же*. Роль России в освобождении Греции (1821–1829 гг.) // Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та. Ярославль, 1968. Вып. 69; *он же*. Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и национально-освободительное движение болгарского народа // Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та. История. Ярославль, 1970. Вып. 76; *он же*. Адрианопольский мир и его историческое значение // Учен. зап. Ярослав. пед. ин-та. Вопросы истории. Ярославль, 1972. Вып. 88.

сти. Вместе с тем, «критикуя» царизм за «равнодушие» и недостаточное внимание к судьбе болгар в 1820-е гг.¹⁸, В.А. Ляхов не учитывал собственных интересов России и приоритетов ее внешней политики.

В 1980-е гг. целый ряд статей и монографию по истории русско-английских отношений в период Восточного кризиса 20-х гг. издал В.Н. Виноградов¹⁹. Материал, приведенный в них, позволил исследователю сделать обоснованный вывод о том, что дипломатическая подготовка войны 1828–1829 гг. увенчалась успехом, так как России удалось обеспечить невмешательство великих держав в конфликт. В трудах В.Н. Виноградова вновь подчеркивается, что в этот период окончательно оформился отказ правящих кругов России от планов территориального расширения за счет Балкан. Экспансионистские черты политики России отныне стали выражаться в стремлении укрепить и расширить свое влияние в регионе, опираясь на консервативные слои балканского общества. Экспансионизм принял политический характер, и его пагубное влияние на развитие социальных, политических и идеологических процессов на Юго-Востоке Европы было очевидно. Проявлением этого курса явилось участие царизма в подавлении революционного движения в Дунайских княжествах в 1848 г.

Завершающий этап Восточного кризиса был подробно изучен в 1970-е гг. В.И. Шереметом. В его работах²⁰ раскрыты особенности внутреннего и международного положения Турции в связи с политикой великих держав. Центральное место в монографии «Турция и Адрианопольский мир 1829 г.» отведено комплексу вопросов о подготовке и заключении этого важнейшего акта. Автор подробно рассмотрел материалы заседания в сентябре 1829 г. в Петербурге Особого комитета по Восточному вопросу, выработавшего рекомендации для деятельности русской дипломатии в отношении Турции — их суть сводилась к восстановлению мирных и по возможности дружественных отношений с Османской империей. Одно из главных заключений автора: проиграв войну, турецкие правящие круги во главе с султаном Махмудом II предприняли шаги к улучшению отношений с Россией.

В отечественной историографии отмечается огромное значение Адрианопольского мирного договора для балканских народов, в первую очередь, для греческого.

¹⁸ Ляхов В.А. Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и национально-освободительное движение болгарского народа... С. 41.

¹⁹ Виноградов В.Н. Джордж Капнинг, Россия и освобождение Греции // Новая и новейшая история. 1981. № 6; *он же*. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985; *он же*. Восточный вопрос и Балканы. Размышления о современном этапе исследований // Новая и новейшая история. 1989. № 6.

²⁰ Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975; см. также: Восточный вопрос во внешней политике России. Концы XVIII – начало XX в. М., 1978 (автор соответствующего раздела — В.И. Шеремет).

И.С. Достян называет Адрианопольский трактат «вершиной достижения политики правительства Николая I в балканском вопросе, а также важным рубежом во всем его внешнеполитическом курсе»²¹.

Укрепление и международное признание автономного статуса Дунайских княжеств и Сербии и образование Греческого независимого государства, как пишут авторы труда «Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг.», явились «вечным памятником роли России» в этом регионе²².

Адрианопольский мир, делает вывод В.Н. Виноградов, подвел итог не только войне, но и определенной фазе освободительного движения, зафиксировал, пусть в неполном, урезанном виде, требования греков, сербов, молдаван и валахов. Поэтому есть все основания говорить об эпохе Адрианопольского мира для Юго-Восточной Европы²³.

В целом следует признать, что в 1970–80-е гг. тема Адрианопольского договора была хорошо изучена отечественными историками. Он был проанализирован как в узком (ход переговоров), так и в широком смысле (историческое значение договора, его влияние на развитие Балкан и Турции, его место в системе международных отношений и внешней политике России).

В вышесказанный период отечественными историками было опубликовано также немало работ, посвященных отношениям каждого из балканских народов с Россией, их политическим, общественным и культурным связям с российской общественностью в период Восточного кризиса. Наибольшее внимание, разумеется, уделялось русско-греческим связям²⁴.

Борьба греков за национальное освобождение вызывала в России большое сочувствие, она всколыхнула все слои общества. Как отмечает И.С. Достян, единодушная настроенность общественного мнения в пользу

²¹ Достян И.С. Россия и балканский вопрос... С. 338.

²² Международные отношения... С. 295.

²³ Виноградов В.Н. Восточный вопрос и Балканы. Размышления о современном этапе исследований... С. 70.

²⁴ Ари Г.Л. Этеристское движение в России (Освободительная борьба греческого народа в начале XIX в. и русско-греческие связи). М., 1970; *он же*. Греческая революция 1821–1829 годов // Новая и новейшая история. 1971. № 3; *он же*. Материалы к истории русско-греческих связей начала XIX века // Балканские исследования (далее — БИ). М., 1982. Вып. 8; Достян И.С. Русия и гръцкият въпрос по време на руско-турската война през 1828–1829 гт. // Сто и петдесет години от гръцкото въстание 1821–1828. София, 1973; *она же*. Руският участник гръцеската революция // БИ. М., 1978. Вып. 4; Баландина Н.Н. Греческое восстание 20-х годов XIX века и русская литература // Взаимосвязь русской и советской литературы с литературой стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1980; Белоброва О.А. О греческой теме в русском искусстве первой трети XIX в. // БИ. М., 1980. Вып. 6; *она же*. Греческая тема в русской книжной иллюстрации первой половины XIX в. // БИ. М., 1989. Вып. 11; Колмыков С.Я. Деятели русской культуры о национально-освободительной борьбе греческого народа // Там же; Нарочницкий А.Л. Греческое национально-освободительное движение и Россия (1801–1831) // БИ. М., 1982. Вып. 7; Оганян Л.Н. А.С. Пушкин и поэты пушкинской поры о греческом национально-освободительном движении // Россия и Юго-Восточная Европа. Кипинев, 1984 и др.

помощи восставшим грекам, хотя и складывалась под сильным влиянием традиционных симпатий русских к единоверцам, томящимся под игом турок, однако имела в то же время важную социально-экономическую сторону, отражая заинтересованность части господствующего класса в безотлагательном и выгодном для интересов России решении Восточного вопроса²⁵.

Эта тема рассматривается и в книге О.В. Орлик «Декабристы и европейское освободительное движение» (М., 1975). В ней показано, что революция в Греции, восстания А. Ипсиланти и Т. Владимиреску в Молдавии и Валахии привлекли особое внимание декабристов. Исследовав их связи с деятелями греческого освободительного движения — этеристами, О.В. Орлик показала влияние событий на Балканах начала 1820-х гг. на формирование программных положений и тактических позиций российского революционного движения. Важным выводом, к которому пришли декабристы, подчеркивает О.В. Орлик, стало осознание связи социального и национального аспектов освободительных движений на Балканах. Это побуждало их выступать за помощь восставшим и осуждать политику Александра I, отказавшегося поддержать антиосманскую борьбу угнетенных народов.

И.С. Достян²⁶ сосредоточила внимание на проблеме идеологического влияния балканских, в том числе греческих, событий на декабристов. Автор отмечает, что задолго до революционных выступлений 1820-х гг. в русских правительственных кругах и обществе был выдвинут тезис, весьма удобный и для освободительного движения балканских народов, и для политики царизма в Восточном вопросе, — о том, что борьба угнетенных христиан против власти Порты не имеет ничего общего с революционными выступлениями европейских народов против своих законных монархов.

Одной из заслуг И.С. Достян явилось подробное, с привлечением обширного архивного материала, рассмотрение вопроса о балканской «составляющей» внешнеполитических взглядов П.И. Пестеля в период Восточного кризиса, а также исправление целого ряда неточностей, укоренившихся в предшествующей исторической литературе. Документы, связанные с именем Пестеля (служебные записки и рапорты, проект «Царство Греческое»), «показывают, что вождь Южного общества видел решение балканской проблемы в национальном освобождении народов, находившихся под властью Османской империи, и создании в Юго-Восточной Европе нового государства. По отношению к такому государству послереволюционная Россия вела бы «покровительственную политику», принципиально отличную от внешнеполитического курса самодержавной России»²⁷.

²⁵ Достян И.С. Россия и балканский вопрос... С. 213.

²⁶ Достян И.С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980.

²⁷ Достян И.С. Русская общественная мысль... С. 252.

Значительный интерес представляет документальный очерк Г.Л. Арша о последних годах жизни А. Ипсиланти²⁸. Автором был обнаружен ряд уникальных материалов, из которых следует, что русский дипломатический представитель в Константинополе Г.А. Строганов после поражения этеристского восстания 1821 г. пытался спасти жизнь и сохранить свободу А. Ипсиланти. Однако по распоряжению Меттерниха он, его братья и друзья были захвачены на австрийской территории и оказались в плену в Мукачевском замке, а затем в Трезисенс.

Г.М. Пятигорский²⁹ привел немало интересных документов о различных формах оказания помощи восставшей Элладе греческим населением России, в частности, о деятельности созданного в 1821 г. Греческого филантропического общества, а также Одесской греческой вспомогательной комиссии (1821–1831 гг.), главной задачей которой было распределение денежных средств, поступающих в фонд помощи греческим беженцам, нашедшим убежище в России.

События начала 1820-х гг. в Дунайских княжествах, прежде всего, восстание под руководством Т. Владимиреску, а также позиция России нашли отражение в статьях В.Я. Гросула и Е.Л. Семсповой³⁰, написанных на основе новых архивных материалов.

В период Восточного кризиса продолжали развиваться русско-сербские связи. В 1970–1980-х гг. в их изучении отечественные историки сделали значительный шаг вперед. В уже рассмотренных выше трудах И.С. Достяна, а так в работах молодой в то время исследовательницы Е.П. Кудрявцевой³¹ подчеркивалось, что сербский вопрос занял важное место при подготовке и заключении Аккерманской конвенции 1826 г. Ее «Отдельный акт» о Сербии еще раз подтверждал право сербов на самоопределение. Исследователями приведены материалы, показывающие, что в годы русско-турецкой войны 1828–1829 гг. царское правительство отказалось от привлечения сербов к военным действиям, опасаясь вызвать обвинения европейских держав в поддержке революционных выступлений на Балка-

²⁸ Арш Г.Л. Тайный узник венского двора: Александр Ипсиланти в австрийских крепостях // Новая и новейшая история. 1987. № 2.

²⁹ Пятигорский Г.М. Деятельность Одесской греческой вспомогательной комиссии в 1821–1831 гг. (по материалам Государственного архива Одесской области) // БИ. М., 1982. Вып. 8; *он же*. Восточный кризис 20-х годов XIX в. и греческая эмиграция Одессы // Советское славяноведение. 1985. № 1.

³⁰ Grosul V.J. Rusia si răscoala lui Tudor Vladimirescu // Aurora. Bucuresti, 1971. Nr. 10; Семспова Е.Е. Восстание 1821 г. в Валахии и Россия (некоторые аспекты проблемы) // БИ. М., 1974. Вып. I.

³¹ Кудрявцева Е.П. Роль России в образовании автономного сербского государства. 1815–1830 гг. Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1985; *она же*. Сербский вопрос во внешней политике России в первой половине 20-х годов XIX в. // Депопир. В ИНИОН АН СССР. 1981; *она же*. Русско-сербские отношения в 1816–1821 гг. // Социальная структура и общественные движения Европы и Америки. М., 1984.

нах. Вместе с тем, как следует из документов, формировавшиеся без санкции российских и сербских властей добровольческие сербские отряды участвовали в военных операциях на стороне России, а Милош Обренович, сохраняя по совету из Петербурга мирные отношения с Портой, поддерживал контакты с русским правительством и военным командованием и систематически сообщал в русский штаб сведения о передвижении турецких войск.

В 1980-е гг. было продолжено изучение проблемы переселения болгар в Россию после русско-турецкой войны 1828–1829 гг. При этом немало новых фактов стало достоянием науки благодаря уникальным архивным находкам О.В. Медведевой³². Основываясь на документах, исследовательница пришла к выводу, что русские власти не являлись организаторами этой эмиграции. Более того — предоставляя болгарам право переселения в любую страну по их выбору, в Петербурге не ожидали такого большого наплыва переселенцев. Поставленная перед дилеммой: сохранить мир с Турцией и не потерять свой авторитет среди православного населения Османской империи, Россия оказала помощь болгарам в их эмиграции, но вместе с тем, исходя из своих интересов, предприняла ряд мер по ее ограничению.

В «советский» период развития отечественной балканистики интенсивно велась и публикаторская работа, в том числе, по проблеме Восточного кризиса 20-х гг. XIX в. Большим достижением в этом плане является издание «Внешняя политика России XIX и начала XX в.»³³. В нем представлены важнейшие инструкции и рескрипты русским дипломатам за границей, доклады министров, протоколы совещаний высших царских сановников, официальные дипломатические акты (договоры, ноты, декларации и т. д.); материалы, освещающие различные аспекты военной, торговой, финансовой политики России в их связи с международными отношениями. Документы, собранные и опубликованные советскими учеными, позволяют анализировать цели и методы политики России в балканском регионе, проследить процесс укрепления ее связей с балканскими народами.

Итак, даже беглый обзор «советского» этапа развития отечественной балканистики свидетельствует о том, что он был весьма плодотворным и отмечен значительными достижениями наших ученых. И хотя сейчас модно провозглашать, что с началом перестройки в исторической науке произо-

³² *Медведева О.В.* Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы (по неопубликованным документам Архива внешней политики России) // Советское славяноведение. 1988. № 4; *она же.* Проблема болгарской эмиграции 1830 г. в деятельности российской дипломатии (по неопубликованным документам АВПР) // Известия на държавните архиви. София, 1989. Т. 58.

³³ *Внешняя политика России XIX и начала XX в.: Документы российского Министерства иностранных дел.* Отв. ред. — акад. А.Л. Нарочницкий. М., 1974–1985. Серия II. 1815–1830. Т. 1–6.

шел коренной перелом, я не могу в полной мере приложить данное утверждение к трудам уже упоминавшихся мной неоднократно уважаемых исследователей. Да, конечно, в советскую эпоху ученые часто делали обязательные для того периода «марксистские реверансы», но это не влияло на научное качество их трудов. Они всегда старались, опираясь на документы и факты, уходить от прямолинейных и односторонних оценок и, несмотря на трудности переходного периода, остались верными своему призванию.

1990-е годы, уже ушедшие в историю, но памятные всем нам, были непростым временем — и в житейском, и в профессиональном плане. Думаясь, их следует особо выделить с точки зрения развития историографии по рассматриваемой нами проблеме, хотя, безусловно, они являются логическим продолжением предыдущего этапа. Да и имена исследователей практически те же. И, тем не менее, вдумчиво и исторопливо изучая научную литературу 1990-х гг., нельзя не отметить то новое, что отличает ее от трудов предшествующего периода.

Во-первых, появились новые объекты исследования. Для нашей темы это специальное и глубокое изучение жизни и деятельности тех исторических деятелей, которые внесли немалый вклад в балканскую политику России 20-х гг. позапрошлого столетия.

«Долгое время наша историография была безликой. Историки, увлекаясь показом “масс”, ограничивались лишь упоминанием о тех или иных государственных, военных и дипломатических деятелях... Исключение составляли лишь революционеры, да и то далеко не все, и уж совсем под запретом находились монархи, представители консервативного лагеря, большинство генералов и царских сановников». Так писал покойный академик Ю.А. Писарев в своей последней статье, опубликованной уже после его смерти³⁴.

С конца 1980-х гг. ситуация начала меняться, в том числе и в балканистике. Применительно к Восточному кризису 20-х гг. XIX в. речь идет о работах О.В. Орлик о П.Д. Киселеве, участнике русско-турецкой войны 1828–1829 гг., впоследствии видном государственном деятеле России, и Е.П. Кудрявцевой о графе А.Ф. Орлове, чья подпись как полномочного представителя Российской империи стоит под Адрианопольским мирным договором³⁵.

Во-вторых, не могу не упомянуть о стиле исторических трудов по рассматриваемой теме. Раньше по стилю они были, за редким исключением, весьма схожи, написаны по определенным стереотипам, с употребле-

³⁴ Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению истории первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1993. № 3.

³⁵ Орлик О.В. П.Д. Киселев как дипломат. Органические регламенты Дунайских княжеств // Российская дипломатия в портретах. М., 1992; она же. П.Д. Киселев // Орлик О.В. Государственные люди России первой половины XIX в.: Пути и судьбы. Очерки. М., 2000; Кудрявцева Е.П. Любимец императора Николая I. А.Ф. Орлов и его миссия на Ближнем Востоке // Российская дипломатия в портретах. М., 1992.

нием одной и той же лексики. К тому же на завершающей стадии подготовки к печати их, как правило, редактировали одни и те же редакторы издательства «Наука». В 1990-е гг., как представляется, появилось больше свободы не только для идей и концепций, но и для манеры изложения исследуемого материала. Особенно наглядно это видно в трудах, посвященных жизни и деятельности исторических деятелей. В них ученые позволяют себе «лирические» отступления, ироничные замечания, экскурсы в прошлое и современность, широко привлекают художественную литературу. Именно поэтому их творчество стало более ярким, индивидуальным, а потому интересным для них самих и для читателей.

Некоторые вопросы в 1990-е гг. изучались под новым углом зрения; несмотря на многочисленные трудности, продолжался интенсивный поиск еще не опубликованных архивных материалов.

Среди работ, вышедших в 1990-е гг. и посвященных теме Восточного кризиса, прежде всего, хотелось бы отметить коллективный труд «История внешней политики России. Первая половина XIX в.» (М., 1995) — ответственный редактор и автор главы о 20-х гг. XIX в. О.В. Орлик. В данной работе использованы новые архивные материалы, дополняющие и уточняющие ранее известные факты; подняты некоторые важные, но малоисследованные проблемы: о целях и последствиях российской внешней политики, которая была призвана обеспечить государственные, классовые и национальные интересы России; о перешетении в этой политике словных и общенациональных задач, что выражалось, в частности, в усилиях урегулировать с Турцией вопрос о режиме Черноморских проливов.

Вообще тема Проливов, начиная с 1990-х гг., стала в отечественной историографии довольно популярной, о чем свидетельствует публикация целого ряда трудов по разным периодам. Хотелось бы остановиться на коллективной монографии, выпущенной в 1990 г. под грифом Института российской истории РАН — «Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия)» (автор соответствующего раздела — Е.П. Кудрявцева). Интересующей нас проблематике исследовательница посвятила немного страниц, однако ее позиции по всем главным вопросам обозначены предельно четко. Во-первых, Е.П. Кудрявцева констатировала, что в период Восточного кризиса 20-х гг. XIX в. «в планы царского правительства не входило занятие Константинополя», ибо «общеевропейские проблемы после такого шага грозили затмить все выгоды предпринятых действий». Во-вторых, заключенный 2(14) сентября 1829 г. Адрианопольский мир был призван доказать европейским державам отсутствие у России захватнических планов. В-третьих, автор специально обратилась к анализу 7-й статьи договора, которая была составлена с учетом интересов русской морской торговли. И, наконец, заключение Е.П. Кудрявцевой о последствиях победоносной войны: «Адрианопольский мир укрепил влияние России в Турции, особенно в ее балканских провинциях, населенных православными славя-

нами. Рост влияния державы-покровительницы на христианское население и державы-победительницы на Порту способствовал общему укреплению позиций России в регионе, а значит, и в Проливах)³⁶.

В 1990-е гг. появились и две весьма интересные индивидуальные монографии по рассматриваемой тематике, написанные в лучших традициях отечественной балканистики. Первая из них — книга О.В. Орлик «Россия в международных отношениях. 1815–1829: от Венского конгресса до Адрианопольского мира» (М., 1998). В соответствующем разделе этой работы были выделены главные этапы Восточного кризиса 20-х гг.; подчеркивалось, что участие России в решении Восточного вопроса, влияние на судьбы балканских народов отвечало ее геополитическим интересам. на Балканах и в Средиземноморье. О.В. Орлик сформулировала следующий важный вывод: политику России в этот период определяло персплетение политических и военно-стратегических расчетов Петербурга, направленных, прежде всего, на достижение собственных целей. В монографии дано емкое определение такой политики: «политический экспансионизм». Документы, приведенные исследовательницей, убедительно свидетельствуют, что Россия в период Восточного кризиса не стремилась установить свою гегемонию в регионе и тем более завладеть Проливами. Для нее оптимальным решением было создание самостоятельных балканских государств и установление благоприятного режима в Черноморских проливах.

Нельзя не упомянуть также монографию В.И. Шеремета «Империя в огне: Сто лет войн и реформ Блистательной Порты» (М., 1994), написанную на обширном корпусе документов прекрасным, ярким стилем, отличающим этого автора. В данном труде авторитетный российский турколог и балканист рассматривает также русско-турецкую войну 1828–1829 гг., формулирует обоснованные выводы, уже утвердившиеся в отечественной историографии.

Следует отметить также вышедшие в 1990-х гг. сборники документов по нашей теме. Речь, прежде всего, идет о двух томах II серии уже упоминавшегося выше издания «Внешняя политика России XIX – начала XX в.» — т. VII (1992) и т. VIII (1995), в которых содержится немало материалов по интересующему нас периоду 1820-х гг. К сожалению, пока они мало использовались исследователями.

Несомненный интерес представляют также опубликованные в 1990-е гг. статьи и монографии отечественных историков — Е.П. Кудрявцевой, Ю.П. Аншакова, В.Н. Виноградова, Г.Л. Арша, в которых рассматриваются связи России с представителями разных балканских народов в период Восточного кризиса. Эти контакты являлись частью балканской политики

³⁶ Кудрявцева Е.П. Военно-политические союзы России и Турции в конце XVIII – первой трети XIX столетия // Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 108–110.

Петербурга, и отечественные исследователи всегда уделяли их изучению большое внимание. Остановимся на вышедших в 1990-е гг. монографиях.

Русско-сербские отношения всесторонне изучены Е.П. Кудрявцевой «Россия и образование автономного Сербского государства (1812–1833)» (М., 1992). После начала греческой революции международные отношения на Балканах стали зависеть от развития событий в Греции, от переговоров держав по этой проблеме. Как показывает Е.П. Кудрявцева, российская дипломатия была вынуждена резко ограничить в этот период свои акции в Константинополе, касавшиеся сербских проблем. Вместе с тем правительство Александра I не забывало напомнить своим союзникам о желательности действий в защиту сербов от возможных репрессий Порты³⁷. За несколько месяцев до кончины Александра I курс российской политики в Восточном вопросе резко изменился: было решено действовать в отношениях с Османской империей единолично, руководствуясь лишь собственными интересами. В монографии Е.П. Кудрявцевой подробно, с привлечением широкого круга источников изложен ряд важных вопросов данной проблематики: акции правительства Николая I по сербскому вопросу, политические контакты с сербским князем Милошем Обреновичем, участие сербов на стороне России в войне 1828–1829 гг., а также подчеркивается значение Адрианопольского мира в процессе завоевания сербами политической самостоятельности.

Каких-либо спорных проблем в интерпретации политики России в сербском вопросе и русско-сербских политических контактов в 20-е гг. XIX в. у отечественных исследователей нет. Вместе с тем в книге Е.П. Кудрявцевой содержится обоснованная критика некоторых сербских авторов, умаляющих значение России в решении сербского вопроса.

Политика России в отношении Черногории в период Восточного кризиса и русско-черногорские политические связи разработаны в монографии Ю.П. Аншакова «Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856)» (М., 1998). Автор справедливо отмечает сложность и противоречивость русско-черногорских отношений, подчеркивает, что политические контакты Петербурга с правителем Черногории митрополитом Петром I Петровичем Негошем в 1820-е гг. проводились весьма осторожно, чтобы не вызывать недовольство Турции и Австрии — последняя претендовала на расширение своего влияния в этой стратегически важной области.

Привлеченные Ю.П. Аншаковым материалы позволили ему сделать вывод о том, что в 20-е гг. XIX в. существенная поддержка Черногории Петербургом не оказывалась. Однако положительные сдвиги произошли после 1825 г.: были восстановлены русские субсидии, личная пенсия ми-

³⁷ Кудрявцева Е.П. Россия и образование автономного Сербского государства (1812–1833). М., 1992. С. 90–98.

трополиту, расширились контакты по линии церкви, стало более интенсивным переселение черногорцев в Россию.

В первом десятилетии XXI в., неумолимо движущемся к своему завершению, интерес отечественных исследователей к проблеме Восточного кризиса 20-х гг. и связанных с ним вопросов, сохранялся. Об этом свидетельствует, например, издание сборника статей, посвященного 100-летию академика А.Л. Нарочницкого «Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI — начало XX века» (М., 2007). В нем были опубликованы две интересные статьи по рассматриваемой нами проблематике: В.Н. Виноградова «Балканы — выход из тени Священного союза» и Е.П. Кудрявцевой «Основные направления балканской политики России в первой половине XIX века».

В.Н. Виноградов детально проследил развитие русско-турецких отношений в 1820-е гг., вплоть до начала военных действий в 1828 г., когда не было «ни мира, ни войны», но было «много суеты», по его выражению³⁸. Исследователь вновь, как и в более ранних своих трудах, подчеркнул, что дипломатическая подготовка к войне с Турцией была проведена российской дипломатией весьма успешно.

Е.П. Кудрявцева в своей статье отметила, что требования, предъявляемые России к Порте в этот период, были весьма умеренны и не предполагали разрушения Османской империи, чего в первую очередь опасались в Европе³⁹.

Нельзя не отметить также фундаментальный труд «Очерки истории министерства иностранных дел. Том первый. 860–1917 гг.» (М., 2002) — автор соответствующего раздела Е.П. Кудрявцева. Здесь вновь подтверждается точка зрения отечественной историографии: в войне 1828–1829 гг. занятие Константинополя русскими войсками не входило в планы правительства — «... такая перспектива скорее пугала российских политиков»⁴⁰. В это же время Николай I принимал во внимание возможность подобного развития событий. Е.П. Кудрявцева подробно останавливается на вопросе о заседании Особого комитета, созванном 4 сентября 1829 г. Николаем I для обсуждения перспектив русско-турецких отношений. Его проанализирована записка Д.В. Дашкова — документ, содержащий детальный анализ ситуации в Европейской Турции и послуживший «своеобразным теоретическим обоснованием русской политики в Османской империи на многие годы». Впоследствии к этой записке обращались видные дипломатические деятели России, например, А.М. Горчаков (1866 г.) и В.Н. Ламздорф (1902 г.)⁴¹.

³⁸ См.: Геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI — начало XX века. М., 2007. С. 183.

³⁹ Там же. С. 206–207.

⁴⁰ Очерки истории министерства иностранных дел. М., 2002. Том первый. 860–1917 гг. С. 295.

⁴¹ Там же. С. 298.

Целый ряд интересных фактов о событиях на Балканах в 1820-е гг. приведены в последней монографии В.Я. Гросула «Русское зарубежье в первой половине XIX века» (М., 2008).

Следует также отметить вышедшую совсем недавно новую монографию Е.П. Кудрявцевой «Россия и становление сербской государственности (1812–1856)» (М., 2009), в которой представлена история Восточного кризиса 20-х гг. XIX в. в целом, наряду с глубоким анализом русско-сербских отношений. Исследовательница вновь подчеркивает значение Аккерманской конвенции 1826 г. и Адрианопольского мирного договора 1829 г. для балканских народов, в том числе для сербов. Прекрасный знаток архивов, Е.П. Кудрявцева и в этом своем труде приводит немало новых документов, в частности, из фондов Российского Государственного архива Военно-морского флота и Российского Государственного Военно-исторического архива, позволивших ей рассмотреть целый ряд не изученных ранее сюжетов (например, о деятельности генерал-лейтенанта Ф. Гейсмара и его связях с сербами в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг.). Наряду с этим Е.П. Кудрявцева вступает в дискуссию, имеющую место в отечественной историографии, о том, что было главным для России на Балканах — поддержка политики *status quo* или помощь освободительному движению балканских народов. Приведя мнения своих коллег — российских и югославских — по данному вопросу, исследовательница дает свой ответ: Россия «добивалась упрочения своего политического влияния, прибегая к тем или иным методам достижения этой цели»⁴².

В заключение хочу еще раз отметить поступательное развитие отечественной послевоенной балканистики в изучении рассматриваемой темы, констатировать значительные достижения российских ученых в написании трудов и публикации документов и выразить надежду на дальнейшее углубленное исследование и Восточного кризиса 20-х гг. XIX в., и русско-балканских связей этого периода, в том числе представителями молодого поколения ученых. Ценным вкладом в историографию проблемы, несомненно, станут материалы данного сборника.

⁴² Кудрявцева Е.П. Россия и становление сербской государственности (1812–1856). М., 2009. С. 225.

Адрианопольский мир 1829 г. и княжества Молдавия и Валахия

Восточный кризис 20-х гг. XIX в. имел самое прямое отношение к княжествам Молдавии и Валахии. Болше того, именно здесь этот кризис, собственно, и зародился, хотя причины его были более глубокими и многосложными и не сводились к проблемам двух княжеств, входивших в то время в систему Османской империи, но имевших в ее составе определенную государственную автономию. Действительно, на территории Дунайских княжеств в начале 1821 г. разразились два восстания, давшие толчок новому Восточному кризису — составной части долговременного восточного вопроса. Речь идет о восстании этеристов во главе с А. Ипсиланти, начавшемся на территории Молдавии, и восстании под руководством Тудора Владимиреску, вспыхнувшем в соседнем Валашском княжестве.

Оба восстания разразились примерно одновременно и были определенным образом между собой связаны¹. Однако, как уже давно показано в литературе, у них имелись не только схожие, но и отличительные черты. Этеристы ставили прямую задачу свержения султанского господства, ибо это означало бы и национальное освобождение, и уничтожение феодальных порядков, поскольку обладателями земельных массивов в Греции были в основном турки. Требования восставших валахов были более сложными. Они носили и антитурецкий, и антифанариотский, и антибоярский характер². Антифанариотская направленность этого восстания выливалась в антигреческие настроения и вела к конфликту между двумя выступлениями, что в скором времени произошло и привело к убийству Тудора Владимиреску. Тем более что последний, убедившийся в невмешательстве России, попытался найти общий язык с османскими властями. Оба восстания были, однако, подавлены турецкими войсками, княжества были ими оккупированы, но новый Восточный кризис на этом не прекратился. Он принял затяжной характер и завершился только с подписанием в 1829 г. Адрианопольского мира.

Для нас важно отметить, что одним из источников этого мира стали требования жителей Молдавии и Валахии, выдвигавшиеся с самого

¹ Семенова Л.Е. Княжества Валахия и Молдавия. Конца XIV – начало XIX в. Очерки внешнеполитической истории. М., 2006. С. 378–379.

² Adaniloie N. 140 de ani de la rascoala condusa de Tudor Vladimirescu // Studii. Buc., 1961. № 3. P. 551.

начала этого кризиса и даже раньше. Уже в мае 1821 г. в княжества были направлены турецким правительством временные правители — каймакамы. В Молдавию в качестве каймакама был назначен Э. Вогориди, в Валахию — К. Негри. Через некоторое время, в 1822 г., в Стамбул были снаряжены специальные делегации от каждого из княжеств. Их задача заключалась в изложении турецкому правительству планов будущего устройства Молдавии и Валахии. Эти планы сводились, прежде всего, к избранию господаря из местных бояр, организации внутренней местной стражи для охраны страны, запрещению иностранцам носить оружие, ограничению иностранцам покупать недвижимость, подчинению иностранных торговцев законам страны, приему на государственную службу только местных жителей, изгнанию греческих игуменов и замене их местными, соблюдению господарем законов страны, подтверждению боярских привилегий. Были и некоторые другие пожелания, причем, некоторые валахские планы несколько отличались от молдавских³.

Однако программами двух делегаций, отнюдь, не ограничивались все проекты преобразований того времени. Более того, их число постоянно увеличивалось и можно с полным основанием сказать, что такого количества проектов реформ княжества прежде не знали. Эти проекты неоднократно публиковались и комментировались⁴, и мы отметим лишь наиболее значительные. Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что подавляющее число этих проектов исходило из среды бояр, но и между ними не было единства. Четко отличались требования крупных, средних и мелких бояр. Например, так называемая Карвунарская конституция, составленная в Молдавском княжестве, вышла из среды мелких бояр. Свои проекты составляли и крупные бояре, в значительном своем числе оказавшиеся в эмиграции — в Австрии или России. Нельзя сказать, чтобы турецкое правительство было абсолютно глухим к требованиям высших слоев Дунайских княжеств. Оно хотело укрепить свои позиции в княжествах, но не без опоры на местное население. Поэтому одно из основных требований, заключавшихся в ликвидации фанариотского господства, было удовлетворено. В 1822 г. господарем Молдавского княжества был назначен И. Стурдза, а господарем Валахии — Г. Гика, оба являвшиеся местными жителями. Но любопытно, что прибыли они в княжества в сентябре 1822 г. в сопровождении турецких войск. Оккупация княжеств продолжалась и никаких серьезных реформ там больше не проводилось, за исключением конфи-

³ Filitti I.C. Framantarile politice si sociale in Principatele romane de la 1821 pana la 1828. Buc., 1932. P.94–95.

⁴ Filitti I.C. Op.cit. P. 94–100; Georgescu V. Memoires et projets de reforme dans les Principautes Roumaines. 1769–1830. Buc., 1970; Гросул В.Я. Реформы в Дунайских княжествах и Россия (20–30 годы XIX века). М., 1966. С. 133–141.

скации богатств местных греческих монастырей. Остальные преобразования носили сугубо частный характер, и вскоре начинает проявляться недовольство уже новыми господами, не сумевшими улучшить положение большинства населения.

Жалобы местного населения вновь увеличиваются, и они по-прежнему направляются в разные страны, в том числе и в Турцию, и в Россию. Однако между этими странами отношения все более обостряются. Не имея возможности поддержать вооруженной рукой восставших греков и валахов, Россия вскоре прерывает с Портой дипломатические отношения. Далее Россия пытается решить Восточный кризис совместно с другими великими державами, но Англия и Франция поначалу были против сколь-нибудь значительного давления на Турцию. Заключение в 1822 г. в Берлине между Россией и Пруссией специального протокола по восточному вопросу никаких серьезных последствий не имело⁵.

Только в середине 1826 г., после того как турецким властям была направлена российская ультимативная нота, подписанная царем 5 марта того же года, турецкие войска были выведены из княжеств и остались лишь отряды бешлиев, то есть турецкие воинские соединения на службе у местных господарей. Постепенно измененис позиции Англии и Франции по отношению к борющейся Греции, определенное сотрудничество в этом отношении с Россией оказало влияние и на русско-турецкие отношения, которые привели к подписанию Аккерманской конвенции, генетически связанной с будущим Адрианопольским миром. Конвенция была подписана 25 сентября (7 октября) 1826 г. на территории России М.С. Воронцовым и А.И. Рибопьером с русской стороны, а со стороны Турции Хади-эфенди и Ибрагимом-эфенди. Еще А.В. Фадеев, основательно изучавший политику России в годы Восточного кризиса 20-х гг., подчеркивал: «Не подлежит сомнению, что Аккерманская конвенция была крупным успехом русской дипломатии»⁶.

Молдавии и Валахии в этой конвенции посвящалась специальная добавочная статья, прежде всего предусматривавшая избрание господарей из местных бояр общим собранием (диваном) сроком на семь лет. Кандидатура этого господаря требовала, однако, утверждения Порты и руководства России. Княжества на два года освобождались от уплаты налогов. В дальнейшем их взимание предусматривалось в соответствии с правилами, установленным соглашением 1802 г. Княжествам, в силу конвенции, предоставлялась свобода торговли и промышленности за исключением поставок, направлявшихся в Турцию в обязательном порядке. В добавочной статье конвенции также предусматривалось составление «общего для каждого княжества устава, который немедленно при-

⁵ Ciachir N. Istoria popoarelor din sud-estul Europei in epoca moderna. Buc., 1987. P. 99.

⁶ Фадеев А.В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958. С. 166.

веден будет в действие». Молдавии и Валахии также касались 3-я и 5-я статья конвенции, по которым Турция должна была полностью восстановить нарушенные ею привилегии обоих княжеств⁷. Таким образом, уже в Аккерманской конвенции были предусмотрены меры, которые, как мы скоро убедимся, получают свое отражение и в условиях Адрианопольского мира. Эти меры явно устраивали население княжеств. Не случайно тот же А.В. Фадеев подчеркивал: «Недаром в Молдавии и Валахии известие о заключении конвенции вызвало всеобщее ликование, а в Сербии отмечено, как национальный праздник».⁸ В современной румынской литературе конвенцию рассматривают также как инструмент для подтверждения Бухарестского мира 1812 г., как антиосманское дипломатическое наступление и видят в ней усиление престижа России на Нижнем Дунае.⁹

Через несколько месяцев, в 1827 г., в княжества был доставлен турецкий хатти-шериф, содержащий также условия конвенции. Среди прочего, государям предписывалось принять необходимые меры для улучшения положения в княжествах и заняться подготовкой «общего регламента для каждой провинции», которые «немедленно будут приведены в исполнение».¹⁰ Уже в мае того же года в Бухаресте учреждается комитет по подготовке нового статута, в который вошли Александр и Георгий Филипешку, Штефан Бэлэчану, Александр Вилара. По-видимому, в работе комитета также принимали участие Г. Брынковяну и К. Кымпиняну¹¹. Соответствующий комитет создается также и в столице Молдавского княжества — Яссах. В его составе были Георгий Катарджи, Михаил Стурдза и Георге Асаки.

Создание комитетов опять воодушевило реформаторские настроения и породило создание новых проектов преобразований. К числу наиболее радикальных можно отнести письмо валашского просветителя Е. Потеки, направленное государю весной 1827 г. В этом письме предлагалось установление равенства всех перед законом, независимо от рождения; пропорциональный налог; избрание гражданских и церковных властей поставить в зависимость от образования и способностей; отмену рабства, то есть крепостничества цыган; законное судопроизводство; улучшить народное образование. Примечательно, что Потека предлагал валашскому государю Г. Гике следовать по пути Петра I и даже восклицал: «О Петр, Петр! Вы являетесь вторым богом!

⁷ Юзефович Т. Договоры России с Востоком политические и торговые. СПб., 1869. С. 58–69.

⁸ Фадеев А.В. Указ.соч. С. 166.

⁹ Ciobotea D., Osiac V. Politica imperiului tarist la Dunarea de Jos (1711–1878). Craiova, 2008. P.58–59.

¹⁰ АВПРИ. ф. Консульство в Яссах, д. 483, ЛЛ.61 об.–62.

¹¹ Filitti I.C. Op.cit. P.140.

Это благодаря Вам Россия даст законы Европы! А мы в нашей Валахии, до каких пор мы будем спать?»¹²

Хорошо известно, что работа комитетов привлекала пристальное внимание русского генерального консула в Бухаресте М.Я. Минчаки и русского консула в Яссах Лелли. В августе 1827 г. Минчаки уведомлял своего ясского коллегу и подчиненного: «Наши усилия ведут к обеспечению княжеств национальным правительством, которое станет постепенно достаточно независимым от Порты, чтобы противостоять при выполнении своих обязанностей вредному влиянию». ¹³ В комитетах шло обсуждение структуры и содержания будущего регламента и, можно сказать, что материалы комитетов, хорошо известные русским дипломатам, были в дальнейшем одним из источников будущего мирного договора.

Тем временем русско-турецкие отношения все ухудшались, что не могло не сказаться и на работе по подготовке реформ в княжествах. Уже в октябре 1827 г. господарь Валахии получает из Турции фирман, где прямо подчеркивалось: «Дошло до сведения высокой Порты, что валахские бояре намереваются врученную тебе нами область обратить в европейскую провинцию, переменяя нынешние ее обычаи и порядок, почему облекая тебя, князь валахский, властно употребить меч и палицу для уничтожения сего зловредного замысла и восстановления всего в прежнем виде с тем, что в дело сие некоторое консульство не может вмешиваться, в противном случае, какое бы участие с их стороны взято ни было, надлежит остановить его без уважения и следовать точному смыслу сего фирмана»¹⁴. Через два месяца, в декабре 1827 г., султан Махмуд II объявил об отказе от всех прежде заключенных договоров с Россией, в том числе и Аккерманской конвенции. Мусульмане призывались к священной войне против неверных, и, естественно, новая война вскоре разразилась. 14 (26) апреля 1828 г. Николай I подписал манифест о войне, а 25 апреля (7 мая) русские войска вступили на территорию княжеств.

Еще накануне войны был подписан рескрипт главнокомандующему П.Х. Витгенштейну, где, среди прочего, предписывалось «не производить в военное время никаких изменений». ¹⁵ В соответствии с этим рескриптом в княжествах вместо двух господарей назначался полномочный председатель (президент) диванов граф Ф.П. Пален, руководивший их гражданской администрацией. Однако война затягивалась, и ему пришлось заниматься и внутренним их устройством. В начале 1829 г. на место дипломата Палена был назначен генерал П. Желтухин, при котором создается ко-

¹² РГВИА. Ф. 438. Д.63. Л. 2 об.; *Гросул В.Я.* Реформы в Дунайских княжествах и Россия... С. 144–145.

¹³ АВПРИ. Ф. Консульство в Яссах. Д.459. Л.25 об.

¹⁴ Цит. по: ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 4478. Л.203.

¹⁵ *Заблюцкий-Десятовский А.П.* П.Д. Киселев и его время. Т. IV. СПб., 1882. С. 56–58.

митет реформ, начавший свою работу 19 июня в Бухаресте. Комитет состоял из двух секций — молдавской и валашской. В молдавскую секцию входили Йордаке Катарджи, Костаке Конаки, Костаке Кантакузино-Пэшкану, Михаил Стурдза, в валашскую — Георгий Бэляну, Этьен Бэлэчану, Александр Вилара, Йордаке Филиппеску.

Тем временем чувствовалось, что война скоро закончится, и усилилась подготовка к заключению мира. Собственно эта подготовка никогда не прекращалась. Еще в момент объявления войны, 14 апреля, Нессельроде послал письмо великому визирю Османской империи Мехмеду Селимпаше, где излагались условия будущего мира и, среди прочего, содержалось требование о подтверждении привилегий Дунайских княжеств. Во время войны, как отмечается в литературе, российские условия замирения не претерпели сколь-нибудь существенных изменений.¹⁶ К вопросу о заключении мира русское правительство возвращалось неоднократно. Однако из документов военного времени представляет особый интерес обширная инструкция К.В. Нессельроде А.Ф. Орлову, который вскоре возглавит русскую делегацию на Адрианопольских переговорах, одобренная императором Николаем I. К ней прилагались также проекты мирного договора и отдельного акта о Молдавии и Валахии. Эта инструкция, составленная не позднее 26 апреля (8 мая) 1829 г., свидетельствует о серьезном внимании российского руководства к вопросам Дунайских княжеств. Особо упоминаются условия, изложенные в начале войны, в первую очередь соблюдение прежних договоров и прежде всего Аккерманской конвенции.

Несколько позднее, вновь возвращаясь к этой конвенции, Нессельроде пишет следующее: «Однако мы вскоре убедились, что в действительности эта конвенция составляет желать много лучшего для благополучия обеих провинций. Возвращая их в целости Порте, мы имеем право оговорить в их пользу несколько существенных преимуществ, которыми они до сих пор не пользовались». То есть еще в то время, до начала мирных переговоров, русская сторона желала обговорить в пользу княжеств ряд новых привилегий. В чем же они заключались? По словам Нессельроде, эти дополнительные преимущества должны были относиться к основным учреждениям княжеств, нерушимости прежних привилегий, безопасности их территории, устранению препятствий, созданных для их промышленности и торговли, которые предполагалось обговорить в отдельном акте, прилагаемом к основному договору и составить его органическую часть. При этом акцентировалось внимание на два важнейших для Валахии и Молдавии пункта.

Первый означал отмену требуемых Портой платы натурой и замены ее ежегодной денежной данью и пошлиной на инвестицию, взимаемой

¹⁶ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы российского Министерства иностранных дел. (В дальнейшем — ВПР). Серия II. Т. VIII (XVI). М., 1995. С. 598.

при смене господарей. Это изменение требований к княжествам, по мнению Нессельроде, значительно облегчит положение их населения. Вторым пунктом был не менее значительным. Он предполагал возвращение Молдавии и Валахии захваченных турками районов на левом берегу Дуная. Речь в данном случае шла о уже занятых русскими войсками Брэила, Турны и, в случае занятия ими, и Джурджи. Собственно, еще тогда планировалась передача этих райа Валахии, то есть возвращение княжеству значительных территорий, прилегающих к левому берегу Дуная.

Кроме этих двух пунктов, относимых Нессельроде к числу первостепенных, он перечисляет еще несколько других, несомненно, тоже очень важных. Прежде всего, предполагалось сделать правление господарей пожизненным. Далее следовало предложение устройства карантинных пунктов, которые, по словам российского министра, преграждали бы княжества от районов, где распространяется чума, предохраняли бы также и ближайшие российские губернии. Нессельроде при этом не писал, но, конечно, хорошо понимал, что устройство подобных карантинных пунктов фактически создаст соответствующие пограничные учреждения, препятствовавшие проникновению нежелательных элементов из-за границы, прежде всего из Турции. Следующий пункт, тоже, несомненно, важный, касался устройства в княжествах местной милиции, то есть армии и упразднения отрядов бешлиев — турецких вооруженных формирований на службе господарей. По словам Нессельроде, бывших «источником бессмысленных притеснений и поводом для частых беспорядков».

В этой же инструкции предусматривались обязательства Порты подтвердить административные регламенты, которые предполагалось ввести в обоих княжествах во время оккупации их русскими войсками¹⁷. Как отмечалось, к этой инструкции прилагался проект мирного договора, написанный Д.В. Дашковым,¹⁸ составившим тогда же и проект нового статуса Дунайских княжеств. Вообще, Д.В. Дашков — один из виднейших политических деятелей тогдашней России, вскоре ставший министром юстиции, в то время основательно занимался Дунайскими княжествами. Он был автором инструкций, хорошо известных в литературе, где излагались основы преобразований в Дунайских княжествах. Император Николай I ознакомился с этими инструкциями и утвердил их 6 (28) июня 1829 г.¹⁹ Инструкции были положены в основу работы уже упоминавшегося комитета реформ, состоявшего из двух секций.

После составления апрельской инструкции Орлову прошло примерно четыре месяца, пока турецкое правительство 10 (22) августа согласи-

¹⁷ Внешняя политика России... С. 195–198; 587.

¹⁸ Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975. С. 205–206.

¹⁹ Гросул В.Я. Указ. соч. С. 191–192; *Analele parlamentare ale Romaniei*. V. I (2). Buc., [1890]. P. 18–50.

лось начать переговоры на условиях, выдвинутых российской стороной. Переговоры начались через неделю, причем каждая из сторон испытывала проблемы с определением состава своих делегаций. Участвовавший в подписании Аккерманской конвенции генерал-губернатор Новороссии и Бессарабской области М.С. Воронцов категорически отказался от включения его в состав русской делегации, поскольку имел собственные взгляды на формирование будущих отношений с Портой. Первым представителем России на переговорах был назначен А.Ф. Орлов, уже введенный в курс дела упомянутыми инструкциями Нессельроде, да и другими источниками. Вторым представителем России на переговорах стал Ф.П. Пален, возглавлявший русскую гражданскую администрацию в княжествах и хорошо знавший ситуацию в этих провинциях. Его назначение свидетельствовало о том значении, которое придавалось Молдавии и Валахии при заключении нового российско-турецкого договора. Важно также то, что переговоры проходили в ставке русского главнокомандующего 2-ой армией И.И. Дибича, сменившего на этом посту Витгенштейна в начале 1829 г.

Переговоры в Адрианополе прошли через два этапа. Первый продолжался с 30 августа по 3 сентября, второй — с 12 по 14 сентября по новому стилю. Мир, завершивший очередную русско-турецкую войну, был подписан 2 (14) сентября и Молдавии и Валахии была там посвящена V статья и отдельный акт этого договора. Статья V провозглашала, что все привилегии, когда-либо дарованные княжествам Молдавии и Валахии, будь-то капитуляции, договоры, заключенные между Россией и Турцией, или хатти-шерифы, сохраняются в силе. Молдавии и Валахии «предоставляется свобода богослужения, совершенная безопасность, народное независимое управление и право беспрепятственной торговли».

Отдельный акт, кроме подтверждения предыдущих соглашений и особенно Аккерманской конвенции, предусматривал ряд новых положений, требовавших еще своей реализации, впрочем, как и многие другие пункты предыдущих трактатов. Если Аккерманская конвенция подтвердила семилетний срок правления господарей, то Адрианопольский мир, как это предусматривалось апрельской инструкцией Орлову, сделал его неограниченным. Господарь отныне мог покинуть престол или по собственному желанию, или за совершенные преступления, которые предварительно должны были расследовать представители России и Турции согласно положению Аккерманской конвенции. Вместе с диванами он получает право ведать внутренним управлением княжества и совершать его в соответствии с мирными договорами и хатти-шерифами, ни в чем не нарушая их.

Жителям Турции строго запрещалось переходить на левый берег Дуная и вторгаться на территорию княжеств. Все земли, занимаемые

турками в Молдавии и Валахии, возвращаются этим странам. Турки лишаются, таким образом, своих крепостей и отныне теряют всякую возможность возводить любые укрепления в княжествах. Мусульманам запрещается право жительства в этих местах, и только купцы, имея специальные разрешения, могут приезжать в Молдавию и Валахию и закупать различные товары. Те мусульмане, которые имели недвижимое имущество в княжествах, обязуются в течение 18 месяцев продать его местным жителям и покинуть пределы обеих стран.

Для защиты своих жителей от болезней княжествам предоставлялось право устанавливать санитарные кордоны по Дунаю или в других местах, строить карантинные пункты, правилами которых должны были подчиняться и все приезжающие иностранцы (как мусульмане, так и христиане). Для защиты карантинных пунктов, охраны границ, обеспечения безопасности внутри княжеств обеим странам предоставляется возможность сформировать армии, численность которых будет определена государями и диванами.

Турция обязывалась прекратить заготовку припасов для Константинополя, турецких крепостей и других потребностей внутри княжеств. Молдавия и Валахия навсегда освобождались от принудительной поставки продовольствия, строевого леса и других товаров. Порте воспрещалось набирать рабочих для работы в крепостях или требовать выполнения каких-либо натуральных повинностей. Ввиду того, что все это должно было повлечь за собой крупные материальные потери со стороны Турции, Молдавия и Валахия, кроме ежегодной дани, известной под названием харача, идие и рекабийе, установленной в 1802 г., обязываются выплачивать Турции дополнительные суммы, которые будут определены впоследствии. Кроме того, в случае вступления на престол нового государя княжество должно заплатить сумму, равную ежегодной дани. Никаких других приношений больше Порты не имела права требовать.

Вновь провозглашалась установленная еще Аккерманской конвенцией полная без всяких ограничений свобода торговли, за исключением только тех случаев, когда господа с согласия диванов сочтут нужным приостановить вывоз припасов, необходимых для пропитания края. Жители получали полное право плавать по Дунаю на своих собственных судах и торговать в различных местах Турции, не подвергаясь никаким притеснениям.

Турция обязывалась освободить княжества от уплаты дани на два года и «утвердить учреждения, касающиеся до управления княжеств и начертанные, согласно с желанием, изъявленным собраниями почтеннейших обитателей края, во время занятия княжеств войсками императорского российского двора. Сии учреждения должны на будущее время

служить основанием по управлению княжеств, поскольку оные не будут противны правам верховной власти блистательной Порты».²⁰

Таково было основное содержание нового русско-турецкого трактата, имевшего прямое отношение к Дунайским княжествам. Как можно заметить, многое уже было записано в Аккерманской конвенции, но, конечно, русская делегация руководствовалась, прежде всего, апрельскими инструкциями, предназначенными А.Ф. Орлову. Даже беглое ознакомление с условиями мира может свидетельствовать о их благоприятном характере для княжеств. Без сомнения, в ряду многочисленных договоров и соглашений, когда-либо заключенных между Россией и Турцией, нет ни одного трактата, который бы сыграл более значительную роль для Молдавии и Валахии.

Претворение условий трактата в жизнь требует особой работы и выходит за рамки данного исследования. К тому же многое уже сказано в литературе, как на русском, так и на других языках²¹. Остановлюсь лишь на некоторых моментах. Прежде всего, о территориальных изменениях. В современных работах, как на русском языке²², так и на румынском²³, эти изменения обычно лишь упоминаются, хотя иногда и с некоторыми комментариями.²⁴ В действительности, для Валахии они имели огромное значение.

Были упразднены турецкие крепости на левом берегу Дуная, представлявшие прямую угрозу для княжества, которые, к тому же, в значительной степени должны были их содержать, регулярно поставляя продовольствие и другие припасы. Получив Брэилу, Джурджу и Турну, Валахия приобрела таким образом три дунайских порта, способствовавших резкому оживлению местной торговли. Вскоре Брэила стала самым крупным портом княжеств. В марте 1830 г. представители России, Турции и обоих княжеств занялись также разграничением земель по Дунаю. В результате княжествам было передано 88 островов и земли трех упомянутых городов. Площадь возвращенных земель составляла около 450 тыс. погонов, то есть почти 230 тыс. гектаров. Из них около 190 тыс. погонов возвратили собственникам, имевших на это доказательства, а остальные перешли в собственность государства. Таким образом, государству было передано почти 260 тыс. погонов, которые об-

²⁰ Юзефович Т. Указ.соч. С. 74–84; ВПР. Т.VIII (XVIII). С. 267, 272–274.

²¹ Гросул В.Я. Указ.соч.; *Eliade P.* La Roumanie au XIX e siecle. T. II. Les trios presidents plenipotentiaries (1828–1834). Paris, 1914; *Emerit M.* Les paysans roumains depuis le traite d, Adrianopole jusqu, a la liberation des terres (1829–864). Paris, 1937; *Filitti I.C.* Principatele romana de la 1828 la 1834. Ocupatia ruseasca si Regulamentul organic. Buc., [1934].

²² *Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю.* Россия и Турция (проблемы формирования границ). М., 1999, С. 50.

²³ *Ciobotea D., Osiac V.* Op.cit. P.65.

²⁴ *Stroia M.* Intre Levant si Europa moderna 1774–1848. Buc., 2006. P. 180.

разовали первую крупную государственную собственность, приносявшие доход в 488099 лей. Происходит изменение прежних жудецов (округов) Валахии. Главный город жудеца Влашка переходит в Джурджу, Телсормана в Турну, основывается новый жудец Брэила с резиденцией в этом же городе. Эти новые города получили и новос для Валахии городское управление, ставшее примером для городского управления обоих княжеств.²⁵ Примечательно, что эта перестройка производилась, по словам генерала П.Д. Киселева, «более сообразно с пользами торгующего класса»²⁶.

Действительно, Адрианопольский мир, объявивший свободу торговли для княжеств оказал большое воздействие на оживление их экономики.²⁷ В румынской литературе прямо писалось: «Адрианопольский трактат, последствия его, составляют эпоху в экономической жизни княжеств»²⁸. Только за десять лет посевная площадь под зерновые и картофель в Молдавском княжестве выросла в два раза²⁹. Примерно так же росли площади под посевы и в Валахии. Резко возрастает торговый оборот обоих княжеств. Экспорт Валахии с 1831 по 1844 гг. увеличился в два с половиной раза, Молдавского княжества — более чем в два раза³⁰. Княжества становятся одними из самых крупных экспортёров хлеба в Европе и, более того, конкурентами России в этом отношении. Ещё Е.В. Тарле по этому поводу писал: «После Адрианопольского мира и освобождения Молдавии и Валахии от прежних стеснений (прежде всего от запрета вывозить зерновые продукты куда бы то ни было, кроме Константинополя) вывоз из новоприобретенных дунайских портов Измаила и Рени пал почти втрое уже с 1837 по 1839 гг.»³¹. Польза для «торгующего класса», действительно, была весьма значительной. Не случайно видный румынский экономист Ш. Зелетин именно с Адрианопольского мира (не без оснований) начинает историю румынской буржуазии.³²

Под руководством русской гражданской администрации, которую с ноября 1829 г. возглавил генерал П.Д. Киселев, были проведены в княжествах широкомасштабные реформы. Уже вскоре после того, как он получил эту новую должность, в начале 1830 г. Киселев писал: «... главным делом почитаю приобрести для России богатство онаго (края — В.Г.) тор-

²⁵ Гросул В.Я. Указ. соч. С. 227.

²⁶ РГВИА. Ф. 438. Д. 73, л. 13.

²⁷ Подробнее об экономике княжеств в рассматриваемый период см.: *Opritescu M.* Economia in Principatele Romanе. 1829–1866. Buc., 2001.

²⁸ *Axenciuc V., Tiberian T.* Premisele economice ale formarii statului national unitar roman. Buc., 1979. P. 59–74.

²⁹ *Emerit M.* Op.cit. P.231.

³⁰ Гросул В.Я. Указ. соч. С. 350–351.

³¹ Тарле Е.В. Сочинения. Т. IX. М., 1959. С. 57.

³² См.: *Zeletin St.* Burghesia romana. Originea si rolul ei istoric. Buc., 1925.

говлею и покорить молдаван и валахов на будущее время нашим воспитанием и введением наших обычаев и нравов»³³. Реформы проводились практически все время нахождения Киселева в княжествах. Причем он постоянно вникал в деятельность комитета реформ, сообразуясь с правительственными инструкциями.³⁴ Эти инструкции поступали регулярно, поскольку за проведением этих реформ постоянно наблюдали и гражданские власти, прежде всего руководство Министерства иностранных дел³⁵, и власти военные, ибо Киселев находился в двойном подчинении, являясь также командующим русскими вооруженными силами, находившимися в княжествах. Наблюдал за проведением реформ в княжествах и сам император Николай I, принявший представителей комитета реформ, когда они осенью 1830 г. прибыли в Петербург³⁶.

Центральным пунктом этих реформ стали Органические регламенты Валахии и Молдавии — можно сказать, первые конституции княжеств, введенные в действие в 1831–1832 гг. Для своего времени они, несомненно, играли позитивную роль, провозгласив принципы законности, установив административный порядок и многое другое. С точки зрения специалистов-тюркологов, хорошо знающих общее положение Османской империи того времени, «по условиям Адрианопольского мира Россия способствовала введению значительных изменений в государственном устройстве Дунайских княжеств по так называемому Органическому регламенту, которые расширили их автономные права»³⁷. Они закрепили создание национальных регулярных армий Молдавии и Валахии, созданных в 1830 г. и бывших одной из составляющих частей проводившихся реформ. Реформы 1820–1830-х гг. получили значительное отражение в литературе, в том числе и в изданиях последних десятилетий³⁸. Многое зависит от установок соответствующих авторов. Некоторые современные авторы или вскользь касаются³⁹, или, фактически даже замалчивают их в специальных работах, посвященных взаимоотношениям России и княжеств в рассматриваемый период, делая акцент на российском протекторате, но, не сравнивая его с предшествующим време-

³³ *Заблоцкий-Десятовский А.П.* Граф П.Д. Киселев и его время. Т.1. СПб., 1882. С. 339.

³⁴ *Гросул В.Я.* Павел Дмитриевич Киселев // *Российские реформаторы XIX – начала XX в. М., 1995.* С. 95.

³⁵ ВПР. Т. XVII. М., 2005. С. 122–128, 155–156, 177–181, 185–191, 602–603.

³⁶ ВПР. Т. XVII. С. 155–156, *Гросул В.Я.* Реформы... С. 245.

³⁷ *Дулина Н.А.* Османская империя в международных отношениях (30–40-е годы XIX в.). М., 1980. С. 25–26.

³⁸ *Гросул В.Я.* Реформы...; *Достян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972; *Международные отношения на Балканах. 1815–1830 гг.* М., 1983; *Формирование национальных независимых государств на Балканах (конец XVIII — 70-е годы XIX в.).* М., 1986; *Джанаридзе Э.А.* Общественно-политическое движение в Дунайских княжествах (из предистории революции 1848 г.). М., 1991.

³⁹ *Stroia M.* Op.cit. P.178–184; *Ciobotea D., Osiac V.* Op.cit. P. 64–68.

нем и реальными сдвигами в устройстве государственных и общественных структур.⁴⁰ Вместе с тем, те авторы прошлого, которые отмечали политическое возрождение княжеств с 20-х гг. XIX в., конечно, имели для этого полное основание⁴¹. Благоприятные для княжеств положения Аккерманской конвенции и Адрианопольского мира и умелую роль в этом российской дипломатии подчеркивают и авторы вышедшей на русском языке истории Румынии, подготовленной современными румынскими авторами⁴². Адрианопольский мир, несомненно, сыграл особую позитивную роль для Валахии и Молдавии, и ни один беспристрастный автор этого отрицать не может.

⁴⁰ См.: *Stan A. Protectoratul Rusiei asupra Principatelor Romane. 1774–1856.* Бух., 1999.

⁴¹ *Гросул В.Я., Чертан Е.Е.* Россия и формирование румынского независимого государства. М., 1969, С. 37–40.

⁴² История Румынии. Координаторы Иоанн-Лурел Поп, Иоанн Болован. М., 2005. С. 423.

Военная кампания 1828 г. и «открытие» русскими Болгарии (по воспоминаниям русских офицеров)

В первой трети XIX в. о болгарском народе, его истории и современном состоянии широким слоям русской общественности было известно совсем немного. Сведения черпались из фрагментарных отрывков в исторических сочинениях В.Н. Татищева, И.Н. Болтина, М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина и других историков, из достаточно скудных и противоречивых сообщений в русской периодической печати. С описанием европейских владений Турецкой империи русский читатель был знаком в основном по западноевропейской литературе¹. Даже ученые-слависты в то время имели весьма слабое представление о болгарском языке². Дефицит информации, как отмечал историк Ю.И. Венелин, породил в конце 1820-х годов мнение, выраженное «в одном московском журнале», что «задунайские славяне все перевелись, и что там не слышны больше славянские звуки»³.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. памятна не только своими победами и Адрианопольским миром, но еще и тем, что русские войска впервые перешли Балканы и вступили на болгарскую землю, в которой еще никогда не бывали. Интерес в русском обществе к войне был настолько высок, что первые публикации о ней в виде писем другу, популярной тогда форме изложения, были помещены уже в сентябрьских номерах журнала «Сын отечества и Северный архив» в 1829 г. Их автором был подполковник Генерального штаба Ладыженский. Воспоминания об этой войне не переставали появляться и в последующие годы. Крымская война и русско-турецкая война 1877–1878 гг. вызвали очередную волну публикаций походных записок о войне 1828–1829 гг. Впрочем, и в XX в. русские дореволюционные журналы охотно предоставляли свои страницы подобным запискам.

Участники кампаний 1828 и 1829 гг. много и подробно рассказывали о сражениях, в которых им довелось принимать участие. Кроме того, со-

¹ Беринштейн С.Б. «Библиографические листы» П.И. Кеппена // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. М., 1981. Т. 41. Вып. I. С. 47, 56, 57; Достян И.С. Българите в руската литература и периодичен печат през първите десетилетия на XIX в. // Българското възбуждане и Русия. София, 1981. С. 208–209.

² Там же. С. 56.

³ Венелин Ю.И. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838. С. 4.

общая о трудностях походов по Европейской Турции и особенностях быт-важной жизни, они весьма подробно описывали свой путь по чужой стране, оживляя и дополняя, таким образом, карты Турции, которые в 1828 г., по свидетельству офицера Генерального штаба А.И. Веригина, впоследствии генерал-адъютанта, «были крайне неудовлетворительны. На лучшей из них, изданной генералом Хатовым, часть Малых Балкан за Варной оставлена была в пробеле с надписью: “Горы, покрытые лесом”»⁴. Хотя в предвидении войны штабом 2-й армии был проведен сбор сведений о районе предполагаемых действий, составлена особая топографическая записка, кроки⁵ исследованных путей, тем не менее, эта земля все же оставалась плохо изученной. Офицеры русской армии стремились поэтому донести свои впечатления о природе, ландшафте, климате, городах и разноплеменном населении Болгарии и Румелии, в первую очередь о турках, греках и болгарях. Эти сведения формировали у читателя представления о Болгарии и болгарском народе, тяжелая судьба которого под властью турок начинала волновать русское общество. Выявление образа Болгарии в целом, составленного по наблюдениям офицеров — участников русско-турецкой кампании 1828 г., является задачей данной статьи. Следует сказать, что количество записок, воспоминаний и упоминаний о русско-турецкой войне 1828–1829 гг. достаточно велико, и их целостный анализ требует отнюдь не объема статьи, поэтому в данной работе рассматривается лишь часть этих материалов, в которых, однако, вполне отражается вся совокупность опубликованных сведений.

Как известно, основные действия кампании 1828 г. развернулись в северо-западной части Болгарии, в треугольнике между крепостями Силистрия, Шумла и Варна. 7-й корпус под командованием великого князя Михаила Павловича 3 июня штурмовал важнейшую крепость Нижнего Дуная Браилов, которая сдалась 7 июня. Тем временем главные силы во главе с главнокомандующим 2-й армии генерал-фельдмаршалом графом Витгенштейном и императором Николаем I осуществили переправу через Дунай у деревни Сатуново и вступили в Добруджу. После падения крепостей Мачин, Гирсово, Тулча и Кюстенджи большая часть русских войск была стянута к Карасу (Черна Вода). Было решено через Базарджик и Енибазар идти к Шумле, являвшейся ключом малых Балкан. Однако атаковать с 30 тысячами крепость, где к концу июня собралось 40 тысяч отборных турецких сил во главе с сераскиром Гуссейном-пашей, было признано нецелесообразным. Для обеспечения флангов к крепости-порту Варне и в Праводы, важному узлу путей к Балканам, были посланы отряды Сухтелена (4500 человек) и Бенкендорфа (3 тыс. чел.). В конце июля к

⁴ Веригин А.И. Воспоминания об осаде Варны // Русская старина (РС). 1879. Т. 24. № 3. С. 511.

⁵ Кроки (от фр. *croquis*) — план местности, наскоро сделанный путем глазомерной съемки (в топографии).

Варне подошел Анапский отряд князя Меншикова и Черноморский флот под командованием адмирала Грейга. Для подкрепления русских сил у Варны была двинута гвардия. Из-за неожиданно больших потерь в русских войсках от пребывания в нездоровой местности и из-за необходимости размещения гарнизонов в покоренных крепостях, что также ослабляло действующую армию, пришлось ввести дополнительные силы. 2-й пехотный корпус (25 тыс. чел.) под командованием генерала от инфантерии князя А.Г. Щербатова получил Высочайшее повеление выступить в поход и 12 сентября подошел к крепости Силистрия, сменив 10-тысячный корпус генерала Л. Рота, направленный к Шумле. После продолжительной осады 27 сентября Варна сдалась. Однако блокада Шумлы, как и осада Силистрии в 1828 г., не увенчалась успехом. Русские войска были отведены на зимние квартиры в ожидании следующей кампании.

Итак, с переправой через Дунай на левый берег русские воины вступали на землю Османской империи. В записках генерал-майора Л.А. Симанского, генерал-майора П.Я. Купреянова, которые 27 мая форсировали Дунай, это событие было скупо отмечено, как переправа «при сильном неприятельском огне». Офицеры гвардии, выступившей из Петербурга в начале апреля и после «четырёхмесячного ежедневного похода» подошедшей к Дунаю, были более эмоциональны в своих воспоминаниях. Так, неизвестный автор из лейб-гвардии Егерского полка, вспоминал, что из Сатуново пошли «плотиной по болотам, поросшим высокими пожелтевшими тростниками, подошли к Дунаю. Противоположный берег высился перед нами, покрытый растительностью, вправо — небольшая крепостица Исакча, влево — высокий курган. По мосту, устроенному из барок, мы в начале августа перешли широкий и желто-мутный Дунай в Турцию и расположились лагерем у кургана»⁶. Подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Н.А. Лукьянович добавлял: «Местоположение правого берега реки живописно и выгодно для военной обороны»⁷.

Но уже первые встречи с турецкими городами разочаровывали офицеров. Прапорщик 7-й артиллерийской бригады П.Н. Глебов, впоследствии генерал-лейтенант, военный историк, записал: «Вот и Исакча, жалкая и ничтожная крепостица на правом берегу Дуная, в которой не с большим одна мечеть и высокий минарет..., и с небольшим одна кофейня для распространения между неверных умственной лени и веры в фатализм, этой чудной тишины души, известной у нас под названием *кефа*»⁸. Гвардия в

⁶ 25 лет лейб-гвардии в Егерском полку (из записок старого егеря) // Военный сборник (ВС). 1877. № 2. С. 369.

⁷ Лукьянович Н.А. Три месяца за Дунаем в 1828 году // Сын отечества и Северный архив (СОСА). 1833. Т. 33. № 2. С. 108.

⁸ Глебов П.Н. Воспоминания армейского офицера // Отечественные записки (ОЗ). 1839. Т. 4. № 7. С. 230.

августе останавливалась на 3-хдневный отдых у Исакчи, которая тогда была «совершенно разорена».

Первые пройденные версты по неприятельской территории восхищали своей природой не только Лукьяновича: От Исакчи до Бабадага «места прекрасные — настоящий английский сад. От Дуная до г. Бабадага, что составляет 2 добрых солдатских перехода, мы шли широкою аллею прекрасного сада»⁹. Генерал-майор Симанский, командир 3-й бригады 10-й пехотной дивизии, застал еще «деревья в цвету сильном, полном, благоухающем». Ф.П. Фонтону, офицеру Генерального штаба, также понравились окрестности Бабадага, которые «есть прекрасный уголок земли». Вид на город «прелестный», он «лежит в романтической долине, у подошвы горы Бадабага». Фонтон, служа в дипломатической канцелярии при Главной квартире, отлично знал, что Россия в этой войне заранее отказалась от территориальных приобретений, и, тем не менее, позволил себе предположить: «Если мы бы завоевали этот край до Карасу, то есть до мнимого прежнего русла Дуная, то можно б было здесь прекрасные выстроить хутора. Но что делать! Надобно от милых надежд отказаться!»¹⁰.

Но князь Н.С. Голицын, офицер Генерального штаба, направляясь от Исакчи к Бабадагу в августе, как и Лукьянович, об этой местности был совсем иного мнения: «Второй переход наш был до Бадабага, мы шли по пресловутой «Добрудже» более обильной болотами и озерами, чем лесами и горами, а если и встречались холмы, то совершенно обнаженные от всякой растительности, поэтому и вид был однообразный и унылый и за отсутствием тени солнце пекло без жалости, да к тому же по всему этому главному пути сообщения армии валялись зловонные трупы павших лошадей и волов из-под воснных транспортов. Но с приближением к Бабадагу местность становилась все гористее и лесистее, и, наконец, к самому Бабадагу, лежавшему в глубокой горной котловине, мы спустились с высоких гор и расположились лагерь в расстоянии около версты от города»¹¹.

В Бабадаге Симанский отметил «прекрасные 2 фонтана, мечеть, казармы на 3 тыс. человек; но улицы узки, строения ветхое, кривое, дурное, жильцы Бабадага ушли в Кюстенджу и Шумлу. От Бабадага верст 8 дорога прекрасным тенистым лесом, потом степью»¹². Бабадаг был первым турецким городом, который удалось осмотреть Лукьяновичу: «Он построен в большой долине, кругом его виноградные сады и места живо-

⁹ Лукьянович Н.А. Три месяца... С. 108.

¹⁰ Фонтон Ф.П. Воспоминания Фонтона. Юмористические, политические и военные письма из Главной квартиры Дунайской армии. 1828–1829. Лейпциг, 1862. Т. 1. С. 68.

¹¹ Записки князя Н.С. Голицына // РС. 1881. № 9. С. 102.

¹² Симанский Л.А. Походные записки за 1828 г. от 29 мая, т.е. от поступления полков бригады в действие против неприятеля в отряде ген-лейт. кн. Мадатова, ген-лейт. Ридигера и ген-майора Ахинфиева // Журнал Русского военно-исторического общества (ЖРВИО). 1911. Кн. 3. С. 12–13.

писные: с одной стороны синелось обширное озеро, с других сторон возвышались горы и утесы, покрытые кое-где кустарником. Но внутренность Бабадага вовсе не живописна... Кроме дома, принадлежавшего бывшему паше, и теперь занятого русским комендантом, кроме казарм регулярных войск — строения обширного, но не прочного, из рыхлого плитника выстроенного, в котором помещен госпиталь, и еще кроме 2 или 3 домов, все прочие были развалины. Густой дым облаками носился над зданиями, белыми струйками поднимался от груд обгоревших камней, везде разбросанных, смрад и пепел наполняли воздух... Базар, где в небольших деревянных лавках или лучше сказать балаганах, покрытых вместо разломанных кровель, рогожами и парусиной, греки продавали турецкий табак, стамбульский изюм, картофель, чеснок, яблоки и незрелый виноград. В городе из природных жителей не было никого: все они разбежались по окрестным лесам. Мы встретили одних только греков и недавно предавшихся на нашу сторону некрасовцев»¹³. Однако многим офицерам, например, Фонтону, посетить Бабадаг, «оазис среди огромной гнусной степи», не удалось: «вход в селение всем воспрещен ради чумы»¹⁴.

Выступив из Бабадага, гвардия шла «дефилеею. По обеим сторонам сей узкой дороги, весьма похожей на дно глубочайшего рва, возвышаются до облаков горы, покрытые дубовым лесом. В этом ущелье бьет фонтан воды здоровой и особенно приятной вкусом — а это большая редкость в сих местах»¹⁵. «В 16 верстах от Бабадага картина переменяется: лес редет, горы становятся отложе; наконец, глазам нашим открылась необозримая голая степь, которая простиралась на 180 верст, на всем этом пространстве кроме неба, степи и Черного моря мы ничего не видали!»¹⁶.

О дефиците воды и топлива в Добрудже в России хорошо знали и до войны. «Пространство Добруджи, — писал подполковник И.П. Липранди, отличается отсутствием воды, как на поверхности земли, так и в недрах ея, в особенности воды хорошего качества. Колодцы весьма редки и чрезвычайно глубоки, и вода ...отзывается тиною или известью, иногда горьковата, солоновата и т. п. ...В Добруджи топлива вблизи нет. И жители большею частью довольствуются кизиком, которым и запасаются»¹⁷. Капитан А.О. Дюгамель в своих записках уточнял: «За исключением Бабадага, обладающего сильными источниками, вся Добруджа вообще страдает недостатком воды»¹⁸.

¹³ Лукьянович Н.А. Три месяца... С. 108–109.

¹⁴ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 71.

¹⁵ Лукьянович Н.А. Три месяца... С. 109.

¹⁶ Там же. С. 109–111.

¹⁷ Липранди И.П. Особенности войн с турками. Отрывок из книги: «Некоторые замечания по поводу 2 статей под заглавием: Малая война И.П. Липранди». СПб., 1851. С. присовокуплением 6-ти статей о том же предмете. СПб., 1877. С. 166–167.

¹⁸ Дюгамель А.О. Автобиография // Русский архив (РА). 1885. № 2. С. 194.

Несмотря на все предпринятые заранее меры и предупреждения о свойствах воды в Добрудже, русская армия жестоко страдала от зноя и жажды. Генерал-майор Купреянов подчеркивал, что «особенно ощутителен был недостаток воды при наступлении на Базарджик. Для целой бригады отводилось иногда по 2 и по 3 колодца... и солдаты всю ночь проводили в добывании воды. Для предупреждения ссор и драк необходимо было ставить при них караулы». Редкие при селах колодцы были чрезвычайно глубокие, большей частью сажень в 20 глубиной, иногда до 50 и 70 сажень¹⁹. «По неимению канатов и посуды воду доставали манерками²⁰ и кашеварными котлами, которые по несколько нацспляли на веревке, связанные концами и наставленные ремнями и даже этишкетами²¹, от чего при малейшей неосторожности они обрывались или развязывались, и котлы и манерки оставались на дне колодцев, за ними спускались солдаты»²².

При выборе привалов для войск «руководствовались сведениями, заключенными в маршрутах, составленными» до начала войны «свитскими офицерами, находившимися в Константинополе под дирекцією генерала Берга. Эти маршруты составлены были очень аккуратно и дельно. Но по случаю непрочности собственности в Турции весьма часто случается здесь, что селения или добровольно, или по принуждению перемещаются. Где были селения, и фонтаны, и колодцы, там ничего не оказывается»²³. Это несоответствие между жесткой реальностью Добруджи военного времени и разработанными в Петербурге планами, о чем писал Фонтон, постарались учесть при выдвижении главных сил от Карасу к Шумле через Базарджик. Так, в Карасу Липранди получил Высочайшее повеление обозреть все фонтаны в Базарджике и на расстоянии 3 верст от города и расписать их по полкам. «Каждая лошадь в армии при соблюдении совершенного порядка могла в 3 дня напиться только один раз. Затем вода нужна была еще для людей, огромного числа волов, подвижных лазаретов и магазинов»²⁴, — указывал Липранди. Кроме того, подчеркивал Лукьянович, «в эту войну турки из мщения к христианам испортили почти все фонтаны, а колодцы забросали мертвыми телами, мылом, кожами и другими нечистотами; а потому мы терпели чрезвычайный недостаток в свежей воде»²⁵.

¹⁹ Лукьянович. Описание турецкой войны 1828 и 1829 годов. СПб., 1844. Т. 1. С. 112.

²⁰ Манерка — походный металлический сосуд для воды у солдат, прикрепляется к ранцу.

²¹ Этишкет — у улан — длинный шпур с двумя кистями на конце, идущий от верха шапки к воротнику.

²² Купреянов П.Я. Действия Праводского отряда в 1828–1829 гг. Посмертные записки генерала Купреянова с планом // ВС. 1875. Т. 101. № 2. С. 162.

²³ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 96.

²⁴ Липранди И.П. Указ. соч. С. 167.

²⁵ Лукьянович Н.А. Три месяца... С. 109.

Генерал-майор Купреянов, шедший в авангарде русской армии, сообщал, что «селения, лежащие по пути следования, при приближении наших войск были оставляемы жителями, потому что турки угоняли всех с собой, понуждая к этому даже пушечными выстрелами. В опустевших деревнях мы находили ямы с ячменем и пшеницей, домашнюю птицу и пасеки; рогатый скот поселяне уводили с собой в горы и леса, но волы и буйволы, во множестве отставая или вырываясь от своих хозяев, возвращались в селения, которым принадлежали, и томимые жаждою с ревом как бешеные бегали по степям, отыскивая воды, и в большом числе доставались нашим фуражирам»²⁶. Из-за нехватки воды падеж лошадей был огромный, несмотря на то, что пастбища в Добрудже, покрытые «роскошными травами», оказались «чудесны», т.к. «июньское солнце еще не успело выжечь степей»²⁷. Офицеры гвардии, в августе проходившие по уже выгоревшей земле, свидетельствовали: «От дохлого рогатого скота и лошадей, кучами лежащих по дороге, воздух был наполнен зловредными испарениями, мы не видели не только деревца, ... но даже не было и кустарника, чтобы развести огонь для варения пищи. Солдаты принуждены были косить высокий бурьян»²⁸.

Палящий жар Добруджи запомнился и неизвестному автору, офицеру Егерского полка: «До Бабадага местность холмистая и лесная; идти было привольно; но потом пошли голые степи, на которых трава пожелтела от зноя, около покинутых деревень встречались поля, засеянные арбузами и дынями, мы выбирали лучшие, разрубали их саблями и освежали ими наши пересохшие рты. Нам запрещали пить голую воду, потому что в этих местах она нездорова, и мы, офицеры и солдаты, пили ее с уксусом или с вином. Походом жара была страшная, на привале нельзя было сесть на землю, потому что земля раскалилась и растрескалась, а из трещин выбегали и скрывались в них разноцветные ящерицы. Сядешь на барабане, а жажда томит; воды пить не смеешь, потому что легко сделается кровавый понос; скоро нашли средство утолять жажду: стоит выпить небольшой глоток спирту, который у нас в изобилии, и жажда утоляется. 2 раза у нас в лагере случился пожар. Один раз загорелась в степи трава, и ветер гнал пламя на наш лагерь. Обед наш был плохой: рисовый суп и битки; большим лишением было совершенная невозможность иметь молоко»²⁹.

Прохождение по Добрудже было затруднительно не только из-за жары, нехватки воды, топлива, но и из-за ее рельефа, отчего замедлялось движение обозов и артиллерии. «На вид Добруджа представляет точно плоскость. Но ниво этой плоскости очень возвышенный. Она пересека-

²⁶ Купреянов П.Я. Указ. соч. // ВС. 1875. Т. 101. № 2. С. 162.

²⁷ Дюгамель А.О. Указ. соч. С. 194.

²⁸ Лукьянович Н.А. Три месяца... С. 109–111.

²⁹ 25 лет лейб-гвардии в Егерском полку... С. 369.

ется частыми широкими, оврагообразными долинами с утесистыми ска-
тами. Во дне оных через крутые и сухие русла мнимых безводных в это
время ручьев ведут каменные мосты. Они так узки, что едва одна турец-
кая телега (араба) по оным проехать может. В просторнейших из этих
оврагов расположены селения... Переход в 20 или 25 врсст, считая 2-
часовой привал, продолжался, по крайней мере, 10 часов»³⁰, — вспоми-
нал капитан Фонтон.

12 июня русские войска вошли в крепость Кюстенджи, и генерал-
майор Симанский записал в свой походный дневник: «Жителей весьма
мало или почти никого. Смрад от падали и проч. несносный. Укрепления
оной довольно изрядны, но в городе одно только строение замечательно,
это мечеть, небольшая, но отделка оной с чистотой и опрятностью не-
волью при входе в оную доставляет покой души и телу. Я спрашивал
проводников, но их не было»³¹. В августе гвардия встала лагерем в
5 врсстах от Кюстенджи, в который ее не пустили «за недостатком воды».
Неизвестный автор съездил на следующий день в городок: «маленькая
довольно хорошо отделанная крепостица — имеет очень удобную при-
стань и близ нее производится большая ловля устриц»³². Лейб-гвардии
Преображенский полк Лукьяновича также миновал Кюстенджи: «Первый
город после Бабадага была крепость Кюстенджи: она заслуживает осо-
бенного внимания по чистоте строений и некоторому сходству с городами
европейскими. Здесь мы нашли порядочный трактир, содержанием кото-
рого был кипшевский грек. ...Кюстенджи лежит на мысе Черного моря,
имеет хорошую гавань; но укрепление ее неважно, и крепость сия сдалась
почти без сопротивления. Здесь в первый раз я посетил турецкую мечеть;
внутренность ее стен испещрена разными текстами из Корана, а пол и
хоры устланы рогожками, шплетенными из тростника. В здешних лавках
можно было достать не только все необходимое, но даже предметы, слу-
жащие к роскоши»³³. В памяти Голицына остался незабываемый восторг
при первой встрече с Черным морем. «По приближении к Кюстенджи по
возвышенному и лесистому приморскому берегу нам впервые открылся
великолепный вид на исторический «Понт Эвксинский», в полном блеске
яркое солнце и лазурное небо юга! Гавань в Кюстенджи была полна вся-
кого рода судов, а на берегу были массы складов военных запасов и ша-
лашей со всякого рода продажными товарами, преимущественно съест-
ными и питейными. Мы обзавелись нужными в походе припасами и уже

³⁰ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 70.

³¹ Симанский Л.А. Указ. соч. // ЖРВИО. 1911. Кн. 3. С. 21.

³² Воспоминание неизвестного о турецком походе 1828 г. // Шукинский сборник. Вып. 6. М., 1907. С. 270.

³³ Лукьянович Н.А. Три месяца... С. 112.

до самой Каварны следовали все вдоль берега Черного моря, любясь его красотой»³⁴.

В течение июня после падения крепостей Мачин, Гирсово, Тулча и Кюстенджи войска 3-го и 7-го корпусов стягивались к Карасу, где с 6 июня стояла Главная квартира. «Кара-су, что значит Черно-воды, место некрасивое, но зато весьма нездоровое», — писал Фонтон. «Вода соленая, вино кислое, мутное, а что пуще всего солнце горькое и для нас и для бедных лошадей, ибо подножного корма и след исчез»³⁵.

24 июня главные силы тронулись от Карасу в Шумлу через Базаджик, на подступах к которому произошло сражение с турками. Базарджик затем приобрел дурную славу в войсках. С одной стороны, город находился «в тылу военных действий и на распутии многих трактов», и «был, так сказать, притоном для сброда из всей армии». С другой стороны, летом 1828 г. в нем «помещался главный госпиталь», куда отправляли труднобольных из-под Шумлы и Варны. «При чрезмерной тесноте не было никакой возможности доставить выгодное помещение и присмотр для нескольких тысяч больных, кои по малому объему турецких домиков, были в таком мелком раздроблении, что несколько сот человек прислуги было бы недостаточно для удовлетворения нужд каждого больного»³⁶. Смертность поэтому была очень высокой, и число погребенных в этом городе русских воинов в продолжение лета 1828 г. считалось до 10 тыс.»³⁷.

После взятия русскими Базарджика турки перешли в Козлуджу, которую им также пришлось оставить. Генерал-майор Симанский в своем дневнике отметил, что в этом местечке «мечеть большая и кладбище, фонтанов много. Есть чистенькие домики. Сады прекрасные, улицы как обыкновенно кривые и дурные»³⁸. Далее на пути лежал городок Енибазар, сведения о котором также сохранились в записках Симанского от 8 июля: «снаружи он незавиден, 3 или 4 мечети возвышались над городом, я ... слез с лошади и заходил смотреть любопытные дома, вообще они очень снаружи и внутри чисты; но внутри малые клетки, а с наружи навесы от солнца, а в богатых домах род балконов. Шинок или трактир на дворе под деревьями, весь в окнах решетчатых, и в летнее время есть их любимая забава... Посреди вдоль города протекает река, густые ивы осеняют оную, над оной малый павильон, здесь около большое строение, это род базара; кругом везде фонтаны, подле мечеть. Я везде заходил — вода прекрасная, мечеть сохранена»³⁹. Симанский подчеркнул наличие в городе большого числа колодцев.

³⁴ Записки князя Н.С. Голицына // РС. 1881. № 9. С. 104.

³⁵ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 77–78.

³⁶ Записки Иосифа Петровича Дубецкого // РС. 1895. № 5. С. 99.

³⁷ Поливанов И.Г. Из записок И.Г. Поливанова // РА. 1877. Кн. 3. № 12. С. 415.

³⁸ Симанский Л.А. Указ. соч. // ЖРВИО. 1911. Кн. 3. С. 21, 25.

³⁹ Там же. Кн. 4. С. 39.

Шумла «лежит в центре как бы в котле, окруженном с юга, запада и севера высокими почти в обрыв горами, на которых были ничтожные окопы». В Европе эту крепость считали Фермопилами Турции. В Шумлу, почитаемую у турок и болгар неприступной, «со всех, даже отдаленных окрестностей при одном слухе о войне те и другие свозят все свое имущество», — свидетельствовал Липранди. «Самый город, амфитеатром живописно расположенный в глубине узкой долины, производит внушительное впечатление», — писал Дюгамель⁴⁰. С ним соглашался Фонтон: «Вид на Шумлу очарователен. Блестящие в долине сквозь серебристый пар ярких солнечных лучей минареты города! Увлекательный обрис окружающих гор, покрытых еще веселою зеленью! Белеющие на них палатки! Движение по тропинкам турецких всадников! Беспреданно меняющиеся оттенки небес!»⁴¹. «Но Шумлу нельзя осаждать регулярною осадой, потому что горы недоступны инженерным работам... Еще менее можно Шумлу блокировать. Вследствие ее 80-верстной окружности, на это требовалось бы до 200 тыс. войска...», — размышлял Фонтон о неверном, на его взгляд, ведении войны.

Недостаток сил у русских (35 тыс. человек) заставил ограничиться лишь блокадой Шумлы с восточного фронта, расположив войска на 10-верстовом участке между деревнями Стража и Морап, где было возведено 27 редутов. Об участии в блокаде крепости вспоминал А.Н. Муравьев, состоявший, как и Фонтон, в дипломатической канцелярии при Главной квартире: «Шумла лежит почти при начале» Балкан, «у подошвы неприступной горы, которой отделилась как остров от других; кругом ее есть прекрасные и обширные долины, богатые фонтанами и довольно живописные для глаз путника, но однообразные для того, кто 3 месяца видел те же пред собою виды и переносил весь жар и всю суровость климата, беспрестанно меняющегося по различным направлениям горных ветров»⁴².

Неизвестный автор, офицер штаба пехотного корпуса, рассказывал, что «днем... варили щи за неимением нашей православной капусты из чудесного турецкого винограда и потели, или лучше сказать, томились, таяли без всякого милосердия в душной атмосфере под раскаленным докрасна небом Турции». В августе и в сентябре не было «ни одной вылазки, ни одной перестрелки. Во время войны турецкие селения пусты: поезжай куда хочешь: все жители мирные и военные по крепостям. И хорошо делают. Они знают свой климат и его последствия при продолжительной осаде крепостей для неприятельского войска, а потому сидят и выжидают отступления»⁴³. Развитию эпидемий лихорадки и тифа способствовали не только климат, перебои в снабжении продовольствием и фуражом, что

⁴⁰ Дюгамель А.О. Указ. соч. С. 194.

⁴¹ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 116.

⁴² Муравьев А.Н. Мои воспоминания // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 69.

⁴³ Отрывок из походных записок 1828 г. // Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений (ЖЧВВУЗ). 1847. Т. 66. № 261. С. 5, 7.

вызвало массовый падеж лошадей, неготовность лазаретов принять огромное количество больных, но и угнетенное настроение в войсках. Фонтон отмечал «уныние и усталость духа и тела от принужденной праздности»⁴⁴. Снабжение войск под Шумлой обеспечивалось по «тесной» дороге, шедшей через Енибазар. Она «извивалась между ущельями и лесами» и озаменована «ужасными разбоями жителей, которые беспрестанно нападали с тылу на наши обозы во все время нашего стояния под Шумлою, продолжавшееся 3 месяца»⁴⁵, — сообщал Муравьев.

Если в Добрудже, где нет не только воды, но и лесов, «мы не встретили ни одного неприятеля, но за Базарджиком турки стали беспрестанно нападать на наши отряды»⁴⁶, — рассказывал Дюгамель. «За Базарджиком начинают попадаться сперва кустарники, а затем встречаются большие деревья и тенистые леса, местность становится холмистой». Эта всхолмленная равнина, заключенная между Туртукаем — Гирсовом — Базарджиком — Праводами — Шумлой — Разградом, покрытая густыми лесами, носит название Дели-Орманского леса. Она бездорожна, жители ее редких селений были мусульманами. «Сильные кавалерийские партии около Енибазара и Козлуджи страшно бушуют»⁴⁷, — написал Фонтон 30 августа (11 сентября) 1828 г.

В сентябре русские войска из-под Шумлы были посланы к Варне, чтобы усилить корпус, осаждавший ее. «Дорога из Шумлы в Енибазар и далее до Кюстенджи усеяна была лошадиными и воловьими стервами»⁴⁸, так глазам, как носу неприятными, вокруг которых вороны и псы жадно пиршествовали»⁴⁹, — писал Фонтон. Он подчеркнул, что покинул Шумлу с радостью. У Шумлы для наблюдения остался граф Витгенштейн с небольшими частями 3-го и 7-го корпусов.

В августе гвардия, двигаясь на Варну, из Кюстенджи следовала через Мангалию, оставляя Базарджик справа. Неизвестный офицер записал, что 11 августа стояли близ Мангалии, где он в первый раз купался в море. «В местечке отличительно хорошая мечеть, где я с Кантакузиным лазил на минарет. 15 августа пришли к Каварне — раскинутому местечку на высокой горе, гавань же в версте в долу — так что из гавани в местечко весьма трудно подняться»⁵⁰.

«Коварна не имеет ничего привлекательного: город мал, улицы узки и нечисты.... Из всех занятых нашими войсками приморских городов Коварна должна почитаться выгоднейшим приобретением. Этот город имеет

⁴⁴ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 145.

⁴⁵ Муравьев А.Н. Указ. соч. С. 69.

⁴⁶ Дюгамель А.О. Указ. соч. С. 194.

⁴⁷ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 150.

⁴⁸ Стерва, т.е. падаль

⁴⁹ Там же. Т. 1. С. 151.

⁵⁰ Воспоминание неизвестного о турецком походе 1828 г. // Щукинский сборник. Вып. 6. М., 1907. С. 270.

лучшую пристань, просторную и довольно надежную, где корабли могут стоять на якоре безопаснее, нежели в других гаванях. Она обратилась в складочное место всех предметов продовольствия для войск из России»⁵¹, — сообщал офицер из штаба Евгения Вюртембергского.

Многие офицеры отмечали запоминающееся расположение Каварны: «город выстроен на высоком приморском утесе и может похвалиться, если не красотой зданий, то, наверное, своим величественным местоположением и хорошей гаванью. В Каварне 3 мечети». Но в Каварне проблемы с водой вновь обострились. «Здесь мы опять терпели крайний недостаток в воде, — вспоминал Лукьянович, ибо ни в городе, ни в окрестностях оно-го вовсе не было воды, годной для употребления. По освидетельствовании медиками оказалась вредною по большому количеству извести, содержащейся в ней. Мы не смели иначе пить ее, как с уксусом, достаточное количество которого и было тотчас отпущено в каждый полк для нижних чинов»⁵².

От Каварны дорога шла вдоль берега до Бальчика, расположенного в узком ущелье среди гор. В Бальчике, «прелестном месте, тонувшем в густых фруктовых садах, мы простояли довольно долго, потому что артиллерия и обозы с большим трудом спускались и подымались по узким дорогам скалистых гор, окружающих Бальчик»⁵³, — записал офицер Егерского полка. Офицер из штаба Евгения Вюртембергского был менее сдержан при описании Бальчика: «Берега моря круты и каменисты, покрыты во многих местах густым кустарником и лесом. В окрестностях Бальчика природа обнаруживает богатство свое и представляет разнообразные картины. Грозные скалы, висящие над головой, каменные утесы, которых вершины теряются в облаках, шум морских волн, разбивающихся у берегов и покрывающих их жемчужною пеною; с другой стороны, цветущие луга, богатые виноградники, фруктовые деревья — все поражает взор путешественника, привыкшего видеть в Булгарии только обширные степи или дикие места, не имеющие никакого разнообразия. Во многих местах находятся фонтаны; высокие деревья доставляют им вечную прохладу»⁵⁴. Сам город, «незначительный и необширный», был построен амфитеатром на самом берегу моря с террасами и красивыми садами. Его «пристань имела то же неудобство, что и гавань Варнская: корабли находятся в открытом море и подвержены всем ветрам. В Бальчике находится несколько фонтанов, улицы узки и худо вымощены по примеру всех турецких городов». По выезде из Бальчика в Варну, до которой было 50 верст, «бесчисленный ряд камней с высечением на них турецкими чалмами, покрывал

⁵¹ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 29–30.

⁵² Лукьянович Н.А. Три месяца... С. 116–117.

⁵³ 25 лет лейб-гвардии в Егерском полку... С. 370.

⁵⁴ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 26.

всю покатошь горы до самого моря и обнаруживал обширное кладбище». Дорога «проходила через узкий дефилей между каменистыми скалами; отвесные утесы висели над головами нашими, и выдававшиеся пласты угрожали падением»⁵⁵.

На следующем переходе войска повернули направо и через горные ущелья направились в глубокую котловину, на дне которой лежала деревенька Теке-кёй (Терте-кной, Тете-кной, Тере-кной, — кто как услышал). Голицын узнал, что слово «кёй» переводилось с турецкого как «деревня». «Спуск в эту котловину и подъем из нее были до того круты и неудобны для колесных обозов, что немало усилий, труда и времени стоило войску спускаться и поднимать их». Голицын воспринял эту местность как труппы, как сущую «волчью долину» Фрейнеюца⁵⁶. Егерский офицер также был поражен глубиной долины Тете-кной, где заночевал его полк, но при этом отметил, что «было свежо и привольно»⁵⁷. По записям офицера из штаба Евгения Вюртембергского можно внести некоторые уточнения в это описание Тере-кной: «Обширная лощина, окруженная со всех сторон величественными горами, покрыта лесом. На северной стороне у подошвы гор протекала небольшая речка, мутная и нечистая, а к югу находится фонтан хорошей воды»⁵⁸. Лукьянович не разделял впечатления Голицына от этой долины: «После утомительного странствия по пустым степям, заросшим бурьяном и заваленным дохлыми животными, с каким неизъяснимым наслаждением отдыхали глаза наши на свежей зелени виноградных и кизиловых садов, с каким удовольствием прислушивались мы к журчанию вод, бегущих из расселин гор в водохранилище! Долина Терте-кной священна для каждого мусульманина, ибо посреди ее сооружена великолепная мечеть, в которой находится мраморная гробница султана Али-Бабы, угодника магометанского. ... Прекрасная тенистая роща окружала этот храм и 2 больших фонтана прохладжали воздух... Подле мечети видны развалины большого каменного строения, в котором жили прежде дервиш и его прислуга. Вот все, что я мог узнать через переводчика от дряхлого болгара, живущего анахоретом недалеко от сей мечети. Из всех жителей его одного не мог утратить звук военной трубы; он остался спокойным в своем пустынном шалаше, надеясь на великодушие и доброту русских»⁵⁹.

«От Терте-кной до Варны не более 25 верст, но мы продвигались около 4 дней. Беспрестанные дефиле, узкие по лесам дороги, заваленные камнями, препятствовали идти не только артиллерии и обозу, но даже и

⁵⁵ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 27.

⁵⁶ Записки князя Н.С. Голицына // РС. 1881. № 9. С. 106.

⁵⁷ 25 лет лейб-гвардии в Егерском полку... С. 370.

⁵⁸ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 25.

⁵⁹ Лукьянович Н.А. Три месяца...С. 116–117.

пешеходцам»⁶⁰, — продолжал свои воспоминания Лукьянович. Офицер из штаба Евгения Вюртембергского, описывая путь до Варны, размышлял о дорогах этого региона: «Дорога на Варну излучиста и камениста, проходит часто в теснинах между горами, и так узка, что в некоторых местах две встречающиеся повозки не в состоянии разъехаться. Почти до самой Варны густой лес и кустарник. Таковы большие дороги в Турции: их можно уподобить каналам, которые находятся обыкновенно по обеим сторонам наших почтовых дорог. На этом пространстве встретились 2 фонтана хорошей воды»⁶¹.

27 августа после томительного перехода с горы на гору первые гвардейские полки к вечеру подошли к Варне. К 1 сентября вся гвардия собралась в лагере на северной стороне города. С края высокой горы, где стоял полсвой караул, открывался великолепный вид на Варну: «Что за чудная картина представилась нашим взорам. Прямо перед нами, глубоко в долине лежала крепость Варна, омываемая с юга длинным и узким заливом Девно, а с востока примыкавшая к морю, на котором был расположен наш Черноморский флот, линия очередных судов которого обстреливала крепость, далее же простиралось безбрежное море. У подошвы северных высот на берегу моря находились пристань и склады военных запасов, а против пристани на море 100-пушечный корабль «Париж», на котором имел пребывание Государь, его свита и Главный штаб. Крутые скаты северных высот были покрыты виноградниками, между которыми извивались дороги сверху вниз к пристани и к нашим траншеям и редутам. К западу от крепости залив Девно, постепенно суживаясь, простирался на несколько верст. Наконец, к югу от Варны были видны возвышавшиеся уступами горы, почти совершенно обнаженные за исключением редких кустарников и небольших рощ, между которыми видны были дороги, ведущие в Варну с юга»⁶², — писал Голицын.

В Варне «дома построены амфитеатром, как и во всех почти турецких городах: башни, цитадели, каменные укрепления, высокие минареты, большие сады, корабли, стоящие на якоре в заливе. Все это доставляло взору приятное разнообразие»⁶³. Однако восхищение от общего вида города диаметрально переменялось, когда офицеры очутились в нем после его сдачи 27 сентября. «Внутренность Варны не имеет ничего привлекательного: улицы узки, нечисты, вымощены большими камнями весьма худо. Всякий дом обнесен каменной стеною и включает в себе фруктовый сад или большие деревья, доставляющие прохладу во время знойных летних дней. Город довольно обширен, имеет большой рынок или базар,

⁶⁰ Лукьянович Н.А. Три месяца... С. 117.

⁶¹ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 10.

⁶² Записки князя Н.С. Голицына // РС. 1881. № 9. С. 107.

⁶³ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 10.

арсенал, цитадель и значительные магазины для хранения припасов. Стрoения в обыкновенном турецком вкусе. И все почти без изъятия дома повреждены более или менее разрушительным действием артиллерии во время осады. Многие дома в совершенных развалинах. Гавань не имеет никаких выгод, и корабли стоят почти в открытом море»⁶⁴. Фонтон же саркастически отозвался: «Охота же было туркам так упорно защищать это вместилище грязи, нечистоты, мертвых собак, кошек, крыс и лошадей. В узких, гнусными стенами обнесенных улицах прохода нет от этих гадостей»⁶⁵.

Подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Лукьянович обобщил свои впечатления от посещения городов Европейской Турции, встретившихся ему на пути: «Турецкие города, виденные мною, весьма некрасивы и так сходны между собой, что, видевши один город, можешь и о прочих иметь верное понятие: из рыхлого плитника выстроены дома, всегда обращены окнами на двор, и вместо забора обыкновенно обнесены каменною стеною, что много способствует к обороне даже внутри самого города; оконницы вместо стекол заклеены пузырем или бумагой, напитанной деревянным маслом; улицы вымощены неровно и сверх того чрезвычайно узки, так, что из одного дома можно перескочить через улицу в другую»⁶⁶.

Взятие Варны позволило русским войскам отступить от Шумлы, блокада которой в 1828 г. сложилась неудачно. Часть войск, направившаяся к Варне, не была обеспокоена турками, но это «отступление наше много походило на бегство по ужасному беспорядку в рассеянном обозе и по нестерпимому смраду от множества гниющих по дороге волов и лошадей»⁶⁷. Тяжелое отступление русских войск от Шумлы к Силистрии сопровождалось активным и настойчивым преследованием турецкой конницы. 7 октября, проходя через одно особенно затруднительное дефиле, они выдержали решительный натиск, потеряв убитыми и ранеными до 500 человек. Им пришлось сжечь весь лагерь и большую часть полковых и офицерских повозок, чему пример подал сам генерал от инфантерии Рудзевич. Макавеев вспоминал: «Мне никогда еще не случалось видеть русские войска в таком жалком и расстроеном положении. Люди от генерала до солдата были в полном смысле слова голодны, от совершенного недостатка в продовольствии; уцелевшие лошади исхудали и утомлены, едва передвигали ноги; одежда, амуниция⁶⁸ и конская упряжь большей частью изношены, растрепаны и изорваны, солдаты при наступлении сурового

⁶⁴ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 11.

⁶⁵ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 177.

⁶⁶ Лукьянович Н.А. Три месяца... С. 114.

⁶⁷ Муравьев А.Н. Указ. соч. С. 70.

⁶⁸ Амуниция — совокупность вещей, составляющих снаряжение солдата, кроме мундира, белья и обуви. Конская амуниция — все, принадлежащее к снаряжению коня.

времени года не имели на себе зимних панталон...»⁶⁹. Отход от Силистрии русских войск и переправа через Дунай проходили также в тяжелейших условиях разбушевавшейся стихии: поднявшейся бури с ураганным ветром, снегом, дождем.

После падения Варны русские войска выступили на зимние квартиры за Дунай, сначала гвардия «с половины октября» эшелонами⁷⁰, а потом и 2-й пехотный корпус со всей кавалерией. «Возвращались, мы шли грязно, холодно, но спокойно...»⁷¹, — записал офицер Егерского полка. Офицер из штаба Евгения Вюртембергского очень подробно описал свой путь из Варны в Россию: «От Варны дорога идет посреди виноградника, опустошенного войной, между окопов, построенных во время осады крепости. Отъехав 4 или 5 верст должно подыматься на высокую гору, где прежде находился лагерь великого князя. Хотя покатошь горы не имеет большой крутизны, но, следуя 2 или 3 версты по дороге узкой и неудобной, в иных местах каменистой и пререзанной частыми рывтинами, тяжелые обозы с большим трудом достигают вершины горы и лошади чрезвычайно утомляются. Тут так же как и везде видны следы войны и опустошения: мертвые тела, истлевающие лошади, волы и верблюды часто представляются взору. Поднявшись на высоту, дорога становится удобнее, проехав еще одну ложину, посреди которой находится фонтан, мы въехали в лес и следовали по хорошей, ровной и довольно широкой дороге. Места сии не представляют ничего особенного; сквозь лес и кусты видна по временам серая полоса, обнаруживающая Черное море. В 20 верстах от Варны дорога становится уже и затруднительнее: часто рывтины и камни останавливают путешественников и даже в некоторых местах трудно проехать и верхом. Тут начинается спуск в ложину в селение Терс-кой, которое находится между огромными горами»⁷². Подпоручик Лукьянович вспоминал: «К утру перед нашим выступлением через Терс-койскую долину, сделался сильный мороз, который, сгустив грязь на дороге, еще более замедлил движение нашего обоза и артиллерии, которые должны были взбираться по узкой дефиле более 2,5 верст, и эти 2,5 версты мы поднимались более суток, т.к. дождь и снег испортили эту глинистую дорогу»⁷³. «От наступившего холода» войска «также много потерпели. Многие и даже офицеры ознобили себе члены по недостатку теплой одежды и квар-

⁶⁹ Макаеве А. Извлечение из походных записок русского офицера, веденных во время войны с турками в 1828 и 1829 годах // ВС. 1860. Т. 11. № 2. С. 441.

⁷⁰ Эшелон (фр. *échelon*) в военном деле — часть оперативного построения войск, предназначенная для выполнения различных задач на различных направлениях или в различных сферах.

⁷¹ 25 лет лейб-гвардии в Егерском полку... С. 400.

⁷² Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 24.

⁷³ Лукьянович Н.А. Три месяца.... // СОСА. 1833. Т. 33. № 4. С. 276.

тир, потому что от Варны до самого Дуная виднелись только кое-где развалины»⁷⁴, — свидетельствовал Поливанов.

Однако дорога к границам России доставила не только трудности, вызванные осенней непогодой, но и изумление от предпринятых за это время улучшений на завоеванной территории. «Отойдя несколько от Коварны, мы от удивления не верили, что находимся в Болгарии, в земле неприятельской! Почти на каждом повороте и перекрестке поставлены деревянные столбы с руками, указывающие дороги на Варну, Базарчик и прочие с русскими надписями! Правительство устроило от Дуная до Варны почтовые станции, для чего и вызваны были из России ямщики, охотники, большей частью из Ярославской губернии. Эти станции охраняемы были казачьими пикетами. Дорога от Варны до Бальчика проведена новая, гораздо ближайшая и удобная. Дефиля через Бальчик, сколько возможность позволяла, скрыта и очищена от груды камней. Главный полевой почтамт находился в крепости Кюстенджи, развалившиеся дома и лавки исправлены, и купеческие обозы со всех концов России тянулись в недавно завоеванные крепости. Мы получали письма из России в 20 дней... Проходя через Бабадаг на обратном пути в Россию по истечении более 2 месяцев, я был приятно удивлен его переменою. Дома были все исправлены, улицы очищены от груды камней, а лавки наполнены разными дорогами товарами и жизненными припасами; а что всего для нас важнее, здесь мы могли достать свежий ржаной хлеб, который давным-давно и в глаза не видали»⁷⁵.

Офицер из штаба Евгения Вюртембергского, видимо следуя этой дорогой в первый раз, не заметил подобных улучшений, на которые обратил внимание Лукьянович. «Выехав из Бальчика, мы спустились в глубокую лошину, у подошвы горы находящуюся, и, переехав худой мост и незначительную речку, начали снова подниматься на высокую гору по крутой и излучистой дороге, усыпанной камнями и перерезанной частыми рывинами. Достигнув вершины горы, мы увидели обширную степь, которая, казалось, не имела пределов и терялась в тумане. Здесь путешественник должен проститься с лесами, кустарниками и разнообразием природы: в течение 2 или 3 дней езды видны только пространные поля, выжженные солнечными лучами, где не заметно ни малейшего признака произрастаний. Взор теряется в необозримых степях и, встречая всегда один и тот же предмет, развлекается только криком степных орлов, живущих стадами в этих местах и оспаривающих пропитание свое у бесплодной земли»⁷⁶. Офицер Егерского полка отмечал, что «от Бабадага до Исакии грязь была страшная. Первый ночлег был в Карагаче. Ничто не может сравниться с

⁷⁴ Поливанов И.Г. Из записок И.Г. Поливанова // РА. 1877. Кн. 3. № 12. С. 419.

⁷⁵ Лукьянович Н.А. Три месяца.... // СОСА. 1833. Т. 33. № 4. С. 278–283.

⁷⁶ Огryвок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 28–29.

наслаждением отдыхать в теплой избе после 3 месяцев почей на воздухе, в последнее время сыром и холодном»⁷⁷. Лукьянович вполне разделял это настроение: «Как весело, простояв долгое время в земле неприятельской, не зная другого крова, кроме полотняного навеса, возвратиться, наконец, на родину»⁷⁸. Офицер из штаба Евгения Вюртсбургского заключал: «После 4-месячных трудов и опасностей, расстроив свое здоровье, я смотрел с удовольствием на знакомое небо, на небо своего отечества, и вспоминал слова, кем-то сказанные в шутку: “Турция — прескрасная зсмля, но она становится еще привлекательнее с той минуты, как ее оставляют”»⁷⁹. Но по дорогам, где проходили русские войска, бывших «тсатром воснных действий», осталось «много больших насышей и курганов, наверху коих поставлены деревянные кресты, указывали странникам могилы русских воинов, убиснных за всру и отечество»⁸⁰.

Вернувшиеся в Россию офицеры на всю жизнь сохранили в памяти воспоминания «о гибсльном заДунайском климате»: «Днем с раннго утра солнце нестерпимо пекло нас, а тотчас по захождении его наступали тьма и сильные: роса, сырость и холод, так что днем нужно было одеваться как можно легчс, а ввсчсру и ночью, напротив, как можно теплес, чтобы не схватить зной молдавской лихорадки»⁸¹.

Зима в Болгарии для оставленных «на зимние квартиры 6-го и 7-го корпусов с некоторыми полками 3-го корпуса под главным начальством генерала Рота» была суровой. «Недостаток в съестных припасах, бедные полуразвалившиеся квартиры» для офицеров и сырые, низмнные зсмлянки для солдат немало способствовали развитию болезней. Особенно велика смертность была в Базарджике, которая «наводила невольный ужас». Но в начале весны она «дошла до того, что погребали многими дссятками и даже больше ста человек в день»⁸². Поливанов назвал Базарджик местом смерти⁸³. Жутью веет и от свидетельства Макавссва о положении русских войск в Гирсово. Здесь скудость рациона, отсутствие теплого жилья, требование спать не раздеваясь, ежедневные работы по укреплению позиций и несение караульной службы, что, впрочем, было характерно для вссх войск в Болгарии, усугублялись к тому же «нсимоверной нечистотой и беспорядком как внутри, так и вне крепости». С марта стала свирепствовать чума, уносившая каждый день от 20 до 30 человек. Макавеев был счастлив, когда оставил Гирсово, «обширную гробницу наших русских братьев»⁸⁴.

⁷⁷ 25 лет лейб-гвардии в Егерском полку... С. 400.

⁷⁸ Лукьянович Н.А. Три месяца... // СОСА. 1833. Т. 33. № 4. С. 276.

⁷⁹ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 29–30.

⁸⁰ Лукьянович Н.А. Три месяца... // СОСА. 1833. Т. 33. № 4. С. 278.

⁸¹ Записки князя Н.С. Голицына // РС. 1881. № 9. С. 103.

⁸² Записки Иосифа Петровича Дубецкого // РС. 1895. № 5. С. 99.

⁸³ Поливанов И.Г. Указ. соч. С. 421.

⁸⁴ Макавеев А. Указ. соч. С. 461.

«В зимнее время кроме маловажных стычек на фуражировках ничего особенного не было»⁸⁵, — сообщал о зимовке 18-й пехотной дивизии в Базарджике И.П. Дубецкий, адъютант генерала П.Д. Горчакова. Глебов рассказывал, что в Кюстенджи, где расположилась его артиллерийская батарея, русские, «ожидая с каждым днем нападения за турками», «построили кой-какие наружные укрепления — и зимовали с заряженными орудиями и с тлеющим фитилем». «В целой Кюстенджи не было ни одного жителя кроме военных русских», поскольку «во время последнего осеннего похода все жители Болгарии и турки, и греки, и молдаване, напуганные пожарами нескольких деревень, все без исключения, бросив свои жилища, перебрались в горы со всем своим имуществом. Остались только некрасовцы, которые населяют все почти берега Дуная»⁸⁶. Их и стали частенько навещать фуражиры.

Селение Черноводы, где стоял со своим полком Макавеев, находилось на передовом посту сводного корпуса. Благодаря принятым охранительным мерам русские «всегда были заблаговременно предуведомлены о каждом движении турок. Сверх того несколько раз в неделю являлись на казачьи аванпосты перебежчики из Силистрии, большей частью болгары, которые сообщали нам подробные известия о крепости, так что мы всегда знали о числе гарнизона, его занятиях и о способах продовольствия». Помимо перебежчиков-болгар русские в ходе зимовки вступали в контакт с оставшимися или возвратившимися местными жителями, как правило, эти взаимоотношения касались, прежде всего, вопросов снабжения войск продовольствием или фуражом. Так, например, в Черноводы, когда лед на Дунае тронулся, болгары стали привозить «рыбу в чрезвычайном изобилии и продавали за ничтожную плату, славные стерляди, осетры и карпы»⁸⁷, что значительно улучшило и разнообразило скудный стол офицеров и солдат.

В записках Поливанова и Купреянова сохранились сведения о взаимодействии русских войск и одного из отрядов болгар-волонтеров, которые были сформированы «заботливостью военного генерал-губернатора областей Бабадагской и Базаржикской генерал-адъютанта Головина». Своим «знакомством с местным языком и обычаями страны они часто приносили нашим войскам большую пользу»⁸⁸, — подчеркивал генерал-майор Купреянов. В январе, по сообщению Поливанова, появился турецкий партизанский отряд в составе 1000 человек, который намеревался «тревожить наши войска, находившиеся в Варне и Базарджике», и сделать опасным сообщение крепости Праводы с этими городами. Из Варны был послан отряд для «уничтожения этого партизана». В экспедиции вызвался

⁸⁵ Записки Иосифа Петровича Дубецкого. С. 98–99.

⁸⁶ Глебов П.Н. Воспоминания. Письмо 2. // СОСА. 1835. Т. 48. № 10. С. 97–98.

⁸⁷ Макавеев А. Указ. соч. С. 447, 449.

⁸⁸ Купреянов П.Я. Указ. соч. // ВС. 1875. Т. 102. № 3. С. 30.

участвовать отряд волонтеров из болгар, состоявший из 50 человек. «Эти болгарские молодцы знали все пути и тропинки как по сю сторону Балкан, так и в самих горах. Проводники эти уследили, наконец, турецкого партизана, и наш отряд внезапно ночью окружил его с несколькими числом его товарищей. Он стал защищаться, но спастись не мог и был убит со многими из турок»⁸⁹.

Но самая беспокойная зимовка выпала на долю 3-хтысячного отряда в Праводах, которым командовал генерал-майор Купреянов, стяжавший известность в войсках «своим мужеством и распорядительностью при защите» города. Город Праводы, находящийся в 50 верстах на запад от Варны и в 40 на юго-восток от Шумлы, лежит «между двух утесистых высот, в ущелье, пролегающем верст в 10 в длину и около версты в ширину. Его обтекает река Праводы, падающая в Камчик. В мирное время в нем было до 20 тыс. жителей. Чистый нагорный воздух, близость моря, прелестное местоположение и превосходного особенного вкуса и легкости вода делает это место спасительным для здоровья во всей Турции. По этой причине каждое лето бывает здесь весьма значительный съезд турецкой женской аристократии. Прелестные затворницы, присажая сюда из Адрианополя, Константинополя и других городов, проводят здесь жаркие месяцы в тени прекрасных садов... Находясь на распутии многих трактов у подошвы Балканских гор, Праводы считается их ключом», и «по своему положению прикрывает Варну со стороны Балканов и Камчика»⁹⁰, — рассказывал о городе Дубецкий, адъютант генерала П.Д. Горчакова.

Замечательно описание города, сохранившееся в записках генерал-майора Купреянова. В нем проявляется острая наблюдательность воина, сочетаемая с любознательностью и эрудицией исследователя. «При первоначальном занятии города нашими войсками в нем находилось 5 мечетей и до 600 домов, которые были разорены, потому что в то время не предвиделось необходимости долговременного здесь пребывания, а тем паче зимовки... По всему своему протяжению город разделяется на 2 неравные части: меньшая несколько обеспечена недоступностью примыкающих к ней утесов; со всех же прочих сторон город совершенно открыт и подвержен атаке... Вершины скал, возвышающихся над Праводами с двух сторон, покрыты глубокими слоями окаменелых раковин, свидетельствующих, что вода в отдаленной древности покрывала эти высоты. На одной горе находится обширное кладбище, в котором на камнях, покрывающих могилы, можно разобрать следы латинских надписей. К югу площадка разрезана глубоким рвом, высеченным в скале, и обе части некогда сообщались посредством подъемного моста, уже давно не существующего, с весьма древним монастырем на самой маковке горы, от кото-

⁸⁹ Поливанов И.Г. Указ. соч. // РА. 1877. Кн. 3. № 12. С. 420.

⁹⁰ Записки Иосифа Петровича Дубецкого // РС. 1895. № 5. С. 100.

рого ныне приметны некоторые незначительные остатки. Особенное внимание заслуживает часть стены, еще и теперь уцелевшей с изображением Пресвятой Богородицы, почти изглаженным рукою времени. Близ этих достопримечательных развалин есть неизмеримой глубины колодец, пробитый в диком камне, а также многие пещеры, которые по виду и расположению своему заставляют думать, что подземные ходы эти в первых веках христианства служили убежищем гонимым последователям Евангелического учения. По местным преданиям известно также, что монастырь этот по неприступности своей долго сопротивлялся туркам при завоевании ими страны, и покорен лишь изменою после продолжительной и упорной осады. На противолежащих высотах, обращенных на запад и к Шумле, находится пещера, нижняя часть которой на аршины глубины всегда наполнена чистейшей водою, доставляемою неиссякаемыми источниками..., что всего любопытнее в этом подземном бассейне, солдатам, черпавшим из него котлами воду, попадались морские круглые раки»⁹¹. В селении Диздаркиой, расположенном в окрестностях Праводы, русские солдаты открыли в подземелье небольшую греческую церковь. «Подобные церкви в Болгарии встречались нередко, т.к. турки не позволяли христианам иметь в той стране богослужебных зданий, над поверхностью земли возвышающихся. Образа из церкви перенесены были в Праводы, где была устроена церковь, украшенная и другими образами, найденными в самом городе и, вероятно, спрятанными там христианами семействами при оставлении своих жилищ»⁹².

В конце сентября в Праводах стали приводить в исправность строения для лазарета на 300 человек с офицерским отделением, а также возводить укрепления у города. Однако с самого начала отряд стал нуждаться в самом необходимом: в продовольствии и теплых вещах. Из порожних мешков от провианта и фуража были сшиты портки нижним чинам, т.к. зимние панталоны еще не были привезены. 1650 полушубков были доставлены из Варны в конце февраля, когда в них почти уже миновала надобность. 1 декабря овса и сена не было, а окрестности Правод еще летом были опустошены фуражирами Главной армии, стоявшей под Шумлой. Казачья сотня зернового фуража не получала с 18 декабря 1828 г., с 27 февраля были прекращены разъезды⁹³. Не миновали Праводский отряд болезни. «В течение февраля число больных доходило до 700, менее 8 человек в день не умирало. Опыт удостоверил, что употребление колодезной и речной воды весьма вредно как для варения пищи, так и для питья, а потому строго было запрещено ее брать, а употреблять только воду из фонтана». «Весною цинга в наших войсках значительно усилилась.

⁹¹ Куприянов П.Я. Указ. соч. // ВС. 1875. Т. 101. № 2. С. 174–176.

⁹² Там же. С. 185.

⁹³ Там же. Т. 102. № 3. С. 10.

Смертность до 20 человек в сутки»⁹⁴. В марте, когда вскрылся лиман и в Варну стали подвозить из России зерновой фураж, положение в Праводах стало улучшаться, но это происходило очень медленно, поскольку из-за глинистой дороги «извозчики на 50-верстное расстояние между Варной и Праводами употребляли 6 и более дней»⁹⁵. К тому же лошадей было мало, и они были сильно изнурены после зимовки в Болгарии.

Обрушившиеся холода и ненастья воспрепятствовали туркам атаковать город до января⁹⁶. В январе их отбили, а 15 января получили известие, что «турецкие отряды, наблюдавшиеся по течению Камчика от с. Кюприкиной вплоть до устья, все отозваны в Айдос, чтобы следовать к Шумле на усиление турецкого верховного визиря. Болгарские жители правого берега Камчика, пользуясь их удалением и гонимые нуждою, целыми семействами начали было переходить в места, занимаемые нашими войсками, что неминуемо повлекло бы за собой еще более чувствительное уменьшение всяких запасов; к тому же болгарками могла быть занесена зараза, а потому передовым постам приказано не пропускать выходцев», — записал Купреянов.

В марте «размножившееся число маркитантов, съехавшихся в Праводы для торговли», побудило генерал-майора Купреянова учредить ежемесячный с них сбор денег (например, содержатель трактира обложен был 100 руб. асс. в месяц, а каждый торгующий в лавке — 10 руб.). Деньги, собранные таким путем, «употреблены были частью в пособия пришедшим неимущим болгарским семействам». Они стали появляться в Праводах из-под Шумлы «все в самом жалком положении, истощенные голодом». Часть денег шла «на покупку в лазареты разных припасов для улучшения содержания больных, также приобретались материалы для укреплений» (веревки, гвозди). Из этой суммы бралась «плата мастерам, исправляющим испорченный водопровод, трубы фонтанов, вознаграждение находящемуся при отряде переводчику», которому жалованья не полагалось. Этими же средствами «поощряемы были переметчики, шпионы и проводники, от которых получались почти единственные сведения о неприятеле, т.к. у отрядного начальства на все эти расходы никакой экстраординарной суммы в распоряжении не имелось»⁹⁷. В апреле, когда в отряде усилилась цинга при острой нехватке хлеба, шла усиленная подготовка к отражению нападений турок. Из окрестных деревень было собрано «множество болгар для производства новых работ и поправление прежних укреплений».

Из записей генерал-майора Купреянова мы узнаем интересные подробности об упоминавшихся уже болгарках-волонтерах. Две партии «из

⁹⁴ Купреянов П.Я. Указ. соч. // ВС. 1875. Т. 102. № 3. С. 13.

⁹⁵ Там же. С. 11.

⁹⁶ Там же. Т. 101. № 2. С. 185.

⁹⁷ Там же. Т. 102. № 3. С. 17.

них под предводительством двух сербов, бродивших преимущественно в окрестностях Правод, иногда являлись в город за продовольствием. Каждая состояла человек из 20 или 30 молодых, сильных, решительных и нам совершенно преданных: одна партия была одета по-нашему, а другая турецки. Стесненные нашествием армии верховного визиря оне вынуждены были укрыться в город и во все время осады отважными поисками оказывали весьма значительные услуги»⁹⁸.

В конце апреля, когда просохли дороги, Решид-паша предпринял наступление, желая воспользоваться разбросанностью и малочисленностью русских войск, находившихся на правом берегу Дуная. 28 апреля турки выступили из Шумлы. Одна колонна под начальством Галиль-паши подошла к Праводам и встала лагерем у города. 5 мая генерал-майор Купрянов, не ожидая нападения противника, первым атаковал турок и прогнал их к Эски-Арнаутлару. В середине мая в Шумлу прибыли новые подкрепления, поэтому Решид-паша сам привел 40-тысячную армию под стены Правод и 12 дней осаждал крепость. Сведения о передвижениях турецкой армии в этот напряженнейший период перед осадой добывали для Праводского отряда болгары-волонтеры. «Тринадцать из них, посланные 17 мая для разведывания, возвратились в 8 час. вечера с известием, что движений неприятельских со стороны Камчика не замечено». 18 мая 30 волонтеров было послано к Шумле для поисков и собирания сведений⁹⁹. 30 мая состоялось знаменитое сражение под Кулевчой. Преследование разбитой турецкой армии, устремившейся в Шумлу, проходило по Праводской дороге. Вторичная осада Силистрии и ее падение, битва при Кулевче, блестящий Забалканский поход русской армии, победное шествие по Румелии и падение Адрианополя, где был подписан мир, — славные вехи русско-турецкой кампании 1829 г., но эти события выходят за рамки темы данной работы.

Итак, кампания 1828 г. была закончена, но в воспоминаниях и записках русских офицеров об этом походе, в которых много и подробно описывается Болгария и ее города, практически ничего не говорится о ее болгарском населении. И этому обстоятельству есть объяснения. Опасения коалиционной войны (поскольку Австрия стягивала свои войска к границам России, а Англия грозила вмешаться в конфликт на стороне Турции, если Россия вызовет «общее восстание всех турецких христиан») предопределили, в частности, выбор операционного направления движения русской армии, которое лежало в стороне от Сербии и Черногории. Наступление шло через пустынную Добруджу, не располагавшую продовольственными ресурсами в районе четырехугольника крепостей, кото-

⁹⁸ Купрянов П.Я. Указ. соч. // ВС. 1875. Т. 102. № 3. С. 30–31.

⁹⁹ Там же. С. 30.

рый был населен в основном мусульманами, враждебно настроенными к русским.

Дюгамель писал о Добрудже: «Я проезжал этой страной до войны и видел в ней многолюдные селения и прекрасные возделанные нивы. Теперь все изменилось. Хотя селения существовали и хлеб стоял на корню, но не было слышно ни одного человеческого голоса: местные власти принудили все христианское население и магометанское покинуть жилища. Если Болгария сильно пострадала от войны, если села ее мало-помалу были разорены и уничтожены, то все это главным образом следует приписать бегству жителей»¹⁰⁰. Фонтон в письме от 8(20) июня констатировал: «Селения теперь все пусты, турецкое войско, уходя, разграбило и согнало болгар. Единственными обитателями остались славные гуси»¹⁰¹.

В 1828 г. во время похода к Варне, когда войска шли по голой, знойной и безводной степи, раскинувшейся между Дунаем и Балканами, русские офицеры были страшно разочарованы увиденной реальностью Европейской Турции. Следует подчеркнуть, что большая доля воспоминаний и записок о походах 1828 г. принадлежит перу офицеров гвардии и Генерального штаба, отличавшихся своим образованием. Литературу и искусство 20-х гг. XIX в. пронизывал романтизм, для которого был характерен глубокий интерес к экзотике, роскоши и неге Востока. Восток, например, в поэме Дж. Байрона «Гяур» был представлен как «дивный край, где круглый год весна природе ласку шлет», как «благодатный рай». Начитавшись перед походом «разных разностей о восточной пышности», многие воображали «Болгарию ни более, ни менее райским садом с мраморными фонтанами и с разноцветными сквозными домиками. Кто из нас, ступая на землю солнца и славы, не уносился мыслью в очаровательные палатки и волшебные киоски благоуханного Востока? Кто из нас не мечтал о коврах Персии и Кашмира, о жеребцах Аравии, о дамасском оружии и о многих других баснословных редкостях, которыми наполнены описания странствующих по Востоку туристов? Вообразите наше удивление, когда вместо всех этих чудес, достойных Тысячи Одной Ночи, мы не встретили в целой Булгарии ни одного даже порядочного строения. Везде степь и безлюдная, пустая, безлесная и безводная»¹⁰², — писал прапорщик 7-й артиллерийской бригады П.Н. Глебов. О своих не оправдавшихся ожиданиях откровенно рассказал и подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Лукьянович, когда он осмотрел Бабадаг, первый турецкий город на своем пути: «Тот обманется жестоко, кто по сказкам Шехеразады или по космограм Лексы, составит себе идею о бедном турецком городе. Где это красивый, всегда зеленый сад, вечно-шумные фонтаны, гаремы и терема с пло-

¹⁰⁰ Дюгамель А.О. Автобиография // РА. 1885. № 2. С. 193.

¹⁰¹ Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 71.

¹⁰² Глебов П.Н. Воспоминания армейского офицера // ОЗ. 1839. Т. 4. № 7. С. 234.

скими кровлями, с раззолоченными узорчатыми решетками? Где этот лес веселых минаретов? Я был разочарован при входе в Бабадаг, не видя ничего подобного»¹⁰³.

Культ античности, приобретший в эстетике романтизма особый ностальгический оттенок, заставлял многих офицеров смотреть на Болгарию, прежде всего, как на землю, где в далекие времена расцвела удивительная культура. Располагая старинными картами, офицер из штаба Евгения Вюртембергского старался привести прежние названия городов Европейской Турции: «Коварна, где был древний город или местечко Визум», «Бальчик есть старинный г. Круни или Дионисополь», «Варна — в истории древний город Одиссос или Одессус, построенный греческими колонистами из Милета...»¹⁰⁴. Глебов отмечал, что «Силистрия когда-то называлась *Доростолом*», «Кюстенджи — некогда знаменитый Истр». Муравьев записал: «Кюстенджи, где проезжают южный Траянов вал, соединивший Дунай с морем, останется загадкой для ученых: в ней видно много обломков столбов и разбросанных капителей, есть целые плиты с надписями, вделанные в стены крепости; краткость времени не позволила мне осмотреть их»¹⁰⁵. Быстрота продвижения по Болгарии помешала офицеру из штаба Евгения Вюртембергского заметить и то небольшое, что успел увидеть Муравьев. И вывод был сделан поэтому неутешительный: «Но нигде не видно следов древности: время нанесло смертельные удары прежним памятникам, а невежество турок довершило истребление их»¹⁰⁶.

Болгарские поселения, расположенные в Добрудже, в Приморском санджаке, были бедны. Штабс-капитан Гвардейского Генерального штаба П.А. Тучков, снимая топографические карты Болгарии в преддверии русско-турецкой войны, заметил, что «от Рушук и до Балкан как местность, так и бедные селения болгар не представляют ничего разнообразного»¹⁰⁷. Бедность болгарских поселений и домов отмечали многие офицеры. Глебов оставил более детальное описание болгарского дома. «Булгарские селения, попадавшиеся на большой дороге, были грязны и отвратительны: они состояли из *кишит*, бедных и полуразвалившихся с голыми стенами, в которых вместо окон деревянные решетки, а вместо лавок низенькое возвышение из земли вроде широкого дивана»¹⁰⁸. Макавеев сравнивал уцелевшие в селении Черноводы болгарские дома с мазанками¹⁰⁹.

Бедность и разорение болгарских домов не способствовали пробуждению специального исследовательского интереса к быту болгар, особен-

¹⁰³ Лукьянович Н.А. Три месяца... // СОСА. 1833. Т. 33. № 2. С. 108–109.

¹⁰⁴ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 10, 28, 30.

¹⁰⁵ Муравьев А.Н. Мои воспоминания // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 71.

¹⁰⁶ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 28.

¹⁰⁷ Тучков П.А. Главные черты моей жизни // РС. 1881. № 11. С. 467.

¹⁰⁸ Глебов П.Н. Воспоминания армейского офицера // ОЗ. 1839. Т. 4. № 7. С. 235.

¹⁰⁹ Макавеев А. Указ. соч. С. 443.

но в условиях военного времени. Следует также принимать во внимание и то обстоятельство, что гвардия, например, прошла через всю Россию, Украину, Бессарабию, останавливаясь на ночлег в помещичьих усадьбах, крестьянских избах, украинских хатах, молдавских мазанках, внутреннее убранство которых не было порушено войной. Голицын отмечал: «Поход от С.-Петербурга до Дуная и Варны был для меня первым живым и великолепным уроком географии России и кусочка Турции»¹¹⁰. Но на фоне впечатлений от такого этнографического разнообразия бедные жилища болгар Добруджи и Поморья не привлекали взора, тем более, что рядом находились дома турок, интерьер которых был для русских интересен по своей экзотичности. «Тогда турки не успели еще обеднеть» и даже «выходили в поле со всеми прихотями восточной роскоши»¹¹¹. Кроме того, русские войска, как правило, не размещались на ночь в селениях или городах, встречавшихся на пути. Палаточный лагерь разбивался рядом. А селения были пусты. Многие офицеры, особенно гвардейские, за весь поход так и не видали ни одного болгарина. Голицын, например, во время движения по Добрудже «находился в 3-й линии в пустом краю, где бродили лишь стаи голодных туземных собак, в роде борзых»¹¹², затем он заболел и был отправлен из-под Варны в Одессу.

Однако, несмотря на принятые турками меры и опустошенность края, полностью болгарское население не исчезло. Генерал-майор Симанский, направлявшийся к Шумле, записал 9 июля 1828 г.: «Здесь проходили обозы болгар, которые все были турками захвачены из Мачина и деревень, но во вчерашней спешке были нашими казаками отбиты. Подвод и скота гнали много»¹¹³. Вероятно, этих болгар по дороге к Каварне в августе встретил офицер лейб-гвардии Егерского полка, шедшего «вперед» в виде авангарда» гвардии. «Дорога до Каварны была скучна и неприятна; вправо и влево валялись трупы быков, которых здесь прогоняли, и нестерпимый запах постоянно нас преследовал; только ветерок с моря иногда спасал нас от этой заразы. Все деревни по дороге были пусты, вынесены и разграблены, из жителей не встречали никого, иногда попадались толпы болгар, перскочивавших из разоренных турками деревень в другие места, ближе к морю и Дунаю»¹¹⁴.

Подпоручик Лукьянович, повстречав эти обозы болгар уже на подступах к Кюстенджи, откуда его лейб-гвардии Преображенский полк следовал по дороге к Каварне, уделил им большее внимание: «Однажды, снявшись с ночлега чрезвычайно рано, увидели мы впереди нас в отдалении

¹¹⁰ Записки князя П.С. Голицына // РС. 1881. № 4. С. 101.

¹¹¹ Торнау Ф.Ф. Воспоминания о кампании 1829 г. в Европейской Турции // РВ. 1869. Т. 69. № 6. С. 433.

¹¹² Записки князя Н.С. Голицына // РС. 1881. № 9. С. 104.

¹¹³ Симанский Л.А. Указ. соч. // ЖРВИО. 1911. Кн. 4. С. 40.

¹¹⁴ 25 лет в лейб-гвардии Егерском полку... С. 369.

большие огни. Это была кочующая деревня болгар, которые, составив каре из телег, в середине его со своими семьями и домашним скотом спокойно отдыхали у горящих костров. В начале нынешней войны сами турки выжгли большую часть болгарских деревень, а жителей со всем имуществом намерены были угнать за Балканы, дабы оставить русским одни бесплодные степи. Но передовые наши войска успели отбить сии несчастные жертвы войны; часть из них возвращалась теперь в Бабадаг, а другие получили позволение поселиться в Бессарабии. Часто на несколько верст тянулись одни за другими сии подвижные деревни. Каждая огромная болгарская горба, которую тянули 2 или 3 пары сильных буйволов, наполнялась всеми к хозяйству принадлежащими вещами, полевыми орудиями, котлами, горшками, ручными мельницами, картофелем и кукурузой; сверху же в больших клетках везли кур, гусей и другую домашнюю птицу. Семьи шли каждое за своею горбою, и малолетние дети, сидя в корзинах, привязанных сзади оных, спокойно поигрывали между собой кочанами кукурузы, которые служили им вместе и пищею и игрушкою. Скрип намазаной кожи, рев буйволов, крик и плач детей — оглушали слух наш при каждой встрече с подобным обозом»¹¹⁵. Офицер из штаба Евгения Вюртембергского, возвращаясь в Россию через Кюстенджи, Бабадаг, отмечал, что «в городах заметно более движение: там поселены теперь болгары, перешедшие к нам из Шумлы и Разграда. Они не нуждаются в пропитании, потому что успели сохранить часть своего имущества от неистового ожесточения турок»¹¹⁶.

Следует отметить, что русские офицеры среди многонационального населения Балкан умели отличать болгар, указывая на наиболее характерные признаки в их одежде и манере поведения при соприкосновении с русским войском. Так, Глебов, проходя через Исакчу вскоре после ее сдачи, отметил, что «турки, большей частью старики, сидели у ворот своих домов, поджав ноги, в глубоком унынии и с длинными чубуками в зубах. Одни болгаре в бараньих шапках шумно толпились в улицах, восхищаясь нашими орудиями, крестясь на каждом переулке»¹¹⁷. Несмотря на отличия в языках, русские офицеры могли объясниться с болгарам. Лукьянович, при переходе к Варне получил задание отыскать полк в ночи, наткнулся на кочующих болгар. «Несколько человек в бараньих шапках и широких шароварах окружили меня, ...кое-как они растолковали мне, что тому часа полтора прошли мимо них солдаты»¹¹⁸. Объяснения же с греками требовали пантомимы и выразительных телодвижений.

¹¹⁵ Лукьянович Н.А. Три месяца... // СОСА. 1833. Т. 33. № 2. С. 113.

¹¹⁶ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 30.

¹¹⁷ Глебов П.Н. Воспоминания армейского офицера // ОЗ. 1839. Т. 4. № 7. С. 230.

¹¹⁸ Лукьянович Н.А. Три месяца... // СОСА. 1833. Т. 33. № 2. С. 119.

В 1828 г. русские офицеры вступили в Болгарию не ради самой Болгарии и болгарского народа. «Все двинулось к Югу; судьба Оттоманов казалась решенною; ...для нас не существовало Балкана — Царьград один был только в виду!»¹¹⁹, — вспоминал Муравьев. В 1828 г. глядя на Варну с высокой горы, подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка Лукьянович записал в своем дневнике заветную мысль, которую разделяли все его товарищи: «Визирь разбит, мы за Балканами, Адрианополь пал, Царьград склоняет главу с покорностью, и щит Олега снова прибит к его вратам в воспоминание наших побед; мы возвращаемся в отечество, покрытые лаврами...»¹²⁰. Земля Придунайской Болгарии, не обладавшая сокровищами пышного Востока и не сохранившая преданий античности, представляла взамен сполна лишений от бесплодных степей и ужасного климата. Ее мечтали как можно быстрее миновать, чтобы очутиться в Византии под стенами Константинополя. Немного найдется русских офицеров, которых в кампанию 1828 г. заботила судьба болгар. Голицын, в начале августа переехав Дунай у Сатуново, записал, что «ступили на землю враждебной нам Турции или, собственно говоря, подвластной ей и угнетенной ею Болгарии»¹²¹.

Известные письма Фонтонна были переполнены добрым чувством к «плотным и честным булгарам», что проявляется даже в незначительных эпизодах. Так, ему и его сослуживцам не повезло с погодой в Сатуново, поскольку шел проливной дождь, и они «в грязи по колено и в Египетской темноте прошли длинную плотину» и, перебравшись на правый берег Дуная, «размоченные и размученные мы нашли скудное убежище в пустой корчме, где мокрым хворостом добрый булгарин с трудом нам развел огонь»¹²². С самого начала русско-турецкой войны Фонтон утверждал, что «Россия может заступиться за поработенных турками единоверных и единокровных народов, не давая поводу к подозрению в ее намерениях. Пора эти народы освободить от уничижительного положения, в котором они находятся»¹²³. Однако он служил по дипломатической части и знал, что Россия в 1828 г. начинала войну с Турцией уже с готовым трактатом, где специальных статей о болгарях не было. Эта осведомленность умеряла его ответную радость при виде веселья в греческом и болгарском квартале, господствовавшего после падения Варны: «...Чувство спасения... у всех выказывается какой-то уверенностью, ловкостью в походе, какое-то выражение удивления и спокойствия на лицах. Бедные, они думают, что для них настала година свободы и независимости от презренного ига. Они

¹¹⁹ Муравьев А.Н. Мои воспоминания // Русское обозрение. 1895. № 5. С. 68.

¹²⁰ Лукьянович Н.А. Три месяца... // СОСА. 1833. Т. 33. № 3. С. 162.

¹²¹ Записки князя Н.С. Голицына // РС. 1881. № 9. С. 101.

¹²² Фонтон Ф.П. Указ. соч. Т. 1. С. 61.

¹²³ Там же. С. 38.

спокойно и твердо уповают на нас, а у нас руки связаны просвещенной Европой»¹²⁴.

Судьба болгар под владычеством турок не оставила равнодушным офицера штаба Евгения Вюртембергского, который увидел выход из их тяжелого положения в переселении в Россию. «Некоторые болгары рассказывали мне, что турки, узнав в Разграде о приближении наших войск, пришли в такое иступление, что решили истребить всех болгар и христиан. Они бросились в жилища их, грабили, убивали, резали детей, женщин, стариков и кричали по улицам: смерть русским и христианам! Этот жребий ожидает болгар всякий раз, когда возникает война между Турцией и Россией. Они ощущают в полной мере все бедствия войны и иступленный фанатизм свирепых повелителей. Земля их становится театром кровопролития, грабежей и насилия; то, что уцелело от неистовства турок, то делается жертвою войны. Болгарские семейства, перешедшие к нам из Разграда и Шумлы, конечно, не пожелают возвратиться в прежние жилища свои по окончании войны. Там ожидает их верная смерть или, по крайней мере, жесточайшее притеснение. Эти люди доставили бы существенную пользу России, если бы поселились в Бессарабских степях, где так много земель, так мало рук для обработки оных. Хотя в Бессарабии встречаются иногда колонии немецкие и болгарские, но число их столь незначительно»¹²⁵.

Представленный читателю материал о Болгарии и болгарях, конечно, не исчерпывает всей информации, заключенной в записках и воспоминаниях русских офицеров о кампании 1828 г. Но все же приходится констатировать, что сведений о самом болгарском народе весьма немного. Без сомнения, военное время не способствует познанию любого народа в плане особенностей быта, культуры, языка. Однако сообщений такого рода о турках на несколько порядков больше. Русские офицеры внимательно всматривались в своего неприятеля, отмечая особенности его поведения во время боя и после него, в период перемирия и в плену. Офицеры изучали домашний быт турок, убранство их домов, описывали некоторые обычаи. Пристальный интерес к туркам вызывался не только экзотичностью для большинства русских турецкой культуры, но и тем обстоятельством, что турки являлись сегодняшними врагами и, вероятнее всего, таковыми же будут оставаться до тех пор, пока не разрешится Восточный вопрос. К тому же Константинополь, о котором мечтали многие русские офицеры, был в их руках.

¹²⁴ Фонтон Ф.П. Указ. соч. С. 177.

¹²⁵ Отрывок из записок во время турецкой кампании 1828 г. С. 30.

Открытие первого российского консульства в болгарских землях

Консульство России в Сливене (прежнее название — Селимно), открытое после окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг., было первым российским консульством в болгарских землях. Из-за отсутствия документов история его учреждения и деятельности на протяжении длительного времени — более 150 лет — не была известна исследователям. В литературе о его существовании были только упоминания¹. Обнаруженные нами в Архиве внешней политики Российской империи материалы консульства позволили осветить подлинную историю учреждения этого российского представительства и деятельности первого консула в Сливене².

Еще по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. Россия получила право, каким уже пользовались другие европейские державы, — посылать консулов и вице-консулов в те места Османской империи, «где они признаны будут надобными»³. В 80-х гг. XVIII в. были открыты русские консульские посты во многих пунктах азиатских и европейских владений Османской империи, но все они находились далеко от территорий,

¹ Епанчин Н. Очерк похода 1829. В Европейской Турции. Ч. III. СПб., 1906; Раковски Г. Горски пътник. — Съчинения. Ред. на проф. М. Арнаудов. София, 1922; Иречек К. История болгар. Одесса, 1878; Табаков С. Опыт за история на град Сливен. Т. I. София, 1911; Арнаудов М. Селимински. Живот — дело — идеи (1799–1867). София, 1938; Конобеев В.Д. Национально-овободително движение в Болгарии в 1828–1830 гт. // Ученые записки института славяноведения. М., Л., 1960. Т. 20; Шеремет В.И. Турция и Адрианопольский мир 1829 г. М., 1975; Кристанов Ц., Маслев С., Пенаков И. Доктор Иван Селмиински като учител, лекар и орбщенственик. София, 1982; Велики К. Емигрирането на българите от Сливена във Влахия през 1830 година // Страници от миналото на българския народ. София, 1987; Матеева М. Чуждите консулства в българските земи прези Освобождението // Международни отношения. 1976. № 1; она же. Консулските отношения на България 1879–1988. София, 1988; Стоилова Т. Първи опит за откриване на руско консулство в българските земи//Военноисторически сборник. София, 1983. № 2

² Медведева О.В. Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы (по неопубликованным документам Архива внешней политики России). // Советское славяноведение. 1988. № 4; Она же. Проблемът за българска емиграция в Русия през 1830 г. в дейността на руската дипломатия. // Известия за държавните архиви. София, 1989. Кн. 57; Степанова Л.И. Первое консульство России в болгарских землях (Сливен, 1830 — 1833). // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы. Кишнев, 1989; Медведева О.В. Положение болгарских земель в 30-е годы XIX в. (По донесениям первого российского консула в Сливене Г.В. Ващенко). // Вестник Приднепровского университета. Тирасполь, 2005. № 1; она же. Когда говорят документы. // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2008.

³ Цит. по: Дружинина Е.М. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. С. 353.

заселенных болгарами. И вот в 1784 г. Россия ставит вопрос об учреждении своего консульства в Варне. Порты и прежде пыталась противодействовать расширению русской консульской сети, понимая, что это укрепит позиции русского государства на Востоке, а в вопросе о Варне заняла и вовсе непримиримую позицию, вполне сознавая военно-стратегическое назначение этой крепости на Черном море. Кроме того, особую настороженность Порты вызывало усиление русского влияния именно в районах с христианским населением. Несмотря на то, что императорским указом уже был назначен консул в Варну, султан так и не дал разрешения на открытие российского консульства. В 1787 г. Россия возобновила попытку, но вновь безрезультатно.⁴

Вопрос об учреждении консульств России в европейских провинциях Османской империи вновь возник в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг. По мере свертывания боевых действий и приближения мира перед командованием и дипломатией России все отчетливее и тревожнее вставала болгарская проблема — что будет с населением после ухода русской армии? Известно, что накануне войны Николай I не одобрил ни одного из предлагавшихся планов привлечения болгар к совместной борьбе с турецкой армией. Единственное, на что он соглашался, — это сформировать отряд из «благонадежнейших жителей Болгарии», который под строгим контролем русских частей и совместно с ними поддерживал бы порядок в занятых русской армией районах. Но подъем освободительного движения болгарского народа вынуждал менять в ходе войны отношение к борьбе болгар против османского ига⁵. Командованию не удалось отстранить болгар от активного вмешательства в ход событий. Во время войны болгары оказали действительную помощь русским войскам, радушно встречая их как освободителей; в юго-восточных районах страны болгарские патриоты готовили восстание; вооружалось все мужское население: некоторые — для защиты только своей семьи, но многие вступали в волонтерские отряды, сражались вместе с русской армией, а нередко действовали самостоятельно и без всяких санкций расправлялись с турками.

В ходе войны стало ясно, что проблема болгар, взявшихся за оружие, неизбежно обострится. Политические и военные планы российского правительства не предусматривали ни территориальных, ни иных изменений в европейской части Османской империи⁶. Следовательно, высшим дипломатическим и военным кругам было известно заранее, что болгарский народ останется под властью Порты. Поэтому командование испытывало

⁴ Стошлова Т. Указ. соч.

⁵ См. Фадеев А.В. Россия и восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958. С. 199–201; Конобеев В.Д. Указ. соч. С. 227–232.

⁶ Фадеев А.В. Указ. соч. С. 198–199; Конобеев В.Д. Указ. соч. С. 252.

тревогу, видя порыв народа к освобождению, самочинные расправы с турками, стремление участвовать в боевых действиях вместе с русской армией. Офицер генерального штаба Ф.П. Фонтон, делая запись о радостной встрече русских войск в Варне, с горечью писал о болгарях: «Бедные, они думают, что для них настала година свободы и независимости от презренного ига. Они спокойно и твердо уповают на нас, а у нас руки связаны просвещенною Европою». Тяжело было видеть счастье на лицах людей и думать, какое их ждет разочарование, писал он далее⁷. Офицер штаба русской армии А.О. Дюгамель вспоминал, как трудно было удерживать болгар в спокойствии, подавлять взрывы ненависти их к угнетателям-мусульманам. Уже во время войны многие намеревались последовать за русской армией и переселиться в Россию⁸.

Предположение о переселении некоторого количества болгар в Россию было высказано накануне войны самим царем. Сформирование болгарского отряда в составе русских войск Николай I разрешал лишь в том случае, если добровольцы «согласятся и обяжутся по заключении мира с Османскою Портою переселиться в Россию», чтобы избежать расправы турецких властей⁹.

По мере приближения конца войны в переписке И.И. Дибича с императором все чаще встает вопрос о судьбе болгар, в той или иной форме участвовавших в борьбе с османами. В мае 1829 г. он писал Николаю I, что принцип власти священен для русского правительства, «но здесь, в разгар упорной войны речь идет о народе, имеющем близкую с нами религию, общее происхождение и наречие, и который без всякого возбуждения с нашей стороны не может уже более переносить ярмо беспримерного притеснения и восстает не столько против самого правительства турецкого, сколько против своих угнетателей». Нельзя отказать этому народу в единственной просьбе — в оружии для защиты своих семей. Отказать — значило бы «выказать себя бесчувственными к бедствиям наших единоверцев...»¹⁰. Летом 1829 г. Дибич получил позволение императора вооружать население и счел необходимым в связи с этим подтвердить болгарам, что после войны они не будут оставлены как жертва, а получат право свободного переселения в Россию¹¹. Испрашивая разрешение помочь болгарам вооружиться, Дибич писал Николаю I: «Но так как Ваше Величество не желает делать никаких завоеваний, ни даже производить изменений во внутреннем управлении турецкими областями, то я полагаю, что следовало бы вместе с тем заблаговременно сообразить, куда

⁷ Фонтон Ф.П. Юмористические, политические и военные письма из Главной квартиры Дунайской армии в 1828 и 1829 годах. Изд. 3-е. Т. 1–2. Лейпциг, 1866. С. 177–178.

⁸ Автобиография Александра Осиповича Дюгамеля // Русский архив. 1885. № 2. С. 217.

⁹ Конобеев В.Д. Указ. соч. С. 232.

¹⁰ Русская старина. 1881. Т. 32. Кн. IX. С. 566–567.

¹¹ Конобеев В.Д. Указ. соч. С. 256–257.

девать несколько десятков тысяч семейств, которые должны будут следовать за нами по окончании войны?»¹²

Таким образом, командование вполне осознавало моральную ответственность за судьбы людей, вооруженных с помощью России и так или иначе вовлеченных в военные действия. Задача сохранения политического влияния среди болгар требовала позаботиться о тех, кто во время войны открыто проявил приверженность к России и ненависть к османским властям. Не трудно было предположить, что по уходе русской армии жертвой массовых репрессий станут не только взявшие за оружие, но и все мирное население. Осознавая эту опасность, желая предотвратить возможную трагедию и помня прежние обещания, российская дипломатия включила в Адрианопольский мирный договор, подписанный 2 (14) сентября 1829 г., статью XIII, в которой было зафиксировано следующее: султан обещает полную амнистию всем, кто во время войны принимал участие в военных действиях на стороне противника или проявил приверженность к России своим поведением или высказываниями; обещалась личная безопасность и неприкосновенность имущества; всем, кто пожелает, разрешалось в течение 18 месяцев переселиться в любую другую страну по их выбору.¹³

Вопрос об открытии российского консульства в болгарских землях, как мы видим, не ставился, но открывалась легальная возможность эмиграции болгарского населения из Османской империи. Ожидалось, что правом переселения воспользуются лишь те, кто имел веские основания опасаться мести турок за прямое участие в военных действиях, подготовку восстания, самочинные расправы и т. д. Однако людей, вынужденных покинуть родину, оказалось намного больше, чем предполагалось. Уже через несколько дней после заключения мира в письме императору И.И. Дибич повторил вопрос: «... что нам делать с греками и болгарями, которые, вероятно, в значительном числе последуют за нами, когда мы станем оставлять эту страну?»¹⁴ Он сообщил К.В. Нессельроде, что приложил все усилия к тому, чтобы не допустить народного восстания, однако невозможно было предотвратить того, что в ходе минувшей войны множество христиан не оказалось скомпрометированными перед османскими властями за радушную встречу русских солдат и нападения на турок¹⁵.

На тревожные запросы И.И. Дибича Николай I ответил, что болгары могут уйти с русской армией в пределы России. Уже 8 октября 1829 г.

¹² Русская старина. 1881. Т. 32. Кн. IX. С. 567.

¹³ *Генов Г.П.* Международни актове и договори, засегащи България. София, 1940. С. 83.

¹⁴ Цит. по: *Шильдер Н.К.* Адрианопольский мир 1829 года. Из переписки графа Дибича. СПб., 1879. С. 33.

¹⁵ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). ф. Главный архив (далее — Ф. ГА). IV-2. 1829-1831. Д. I. Л. 1 об.

Комитет министров принял специальное решение о поселении болгар в Бессарабии или других местах Новороссийского края¹⁶.

Несмотря на изданный в ноябре 1829 г. султанский фирман об амнистии и личной безопасности¹⁷, болгарам был ясен главный итог — возврат под османское владычество, а цену обещаниям султана они знали. Население пребывало в панике.

Еще до ухода русских войск из Болгарии вооруженные шайки турок стали чинить насилия над христианами. Особенно тяжело пострадали болгары Сливена и его окрестностей, которые были особенно активны во время только что окончившейся войны. Как писал об обстановке того времени Г.С. Раковский, «леса Балканского хребта кишели вооруженными османами, готовыми расправиться с болгарами, как только русские войска уйдут в Россию, и положение болгарского населения было столь трагичным, что иного выхода, как переселение оно не видело»¹⁸. По вопросу, какой путь избрать — остаться или переселиться — разгорелась ожесточенная борьба среди населения Сливена и близлежащих городов¹⁹.

В Сливене находилась Главная квартира русской армии. Болгары неоднократно обращались к русскому командованию с жалобами на свое положение и с просьбами помочь им переселиться из Османской империи. В ноябре 1829 г. к И.И. Дибичу пришли представители болгарского населения Сливена, Казана (современный Котел), Ямбола, Карнобата, Ени-Заарэ (Ени-Загра, соврем. Нова-Загора) и Башкноя (совр. Жеравна), которые заявили, что ожидают больших несчастий от возвращения под османскую власть. Некоторую гарантию соблюдения фирмана об амнистии, депутаты видели лишь в присутствии русского консула в их городах, о чем просили главнокомандующего. Передавая эту просьбу болгар, Дибич со своей стороны настойчиво просил прислать представителей России в те районы, из которых уходит русская армия. Наблюдая за исполнением указа об амнистии, они могли бы реально предотвратить многие беспорядки. Наиболее подходящим пунктом пребывания консула он считал г. Сливен²⁰.

В начале января 1830 г. сторонники переселения направили в штаб-квартиру русских войск еще более представительную депутацию, «...чтобы

¹⁶ Конобеев В.Д. Указ. соч. С. 272.

¹⁷ Шеремет В.И. в своей работе «Турция и Адрианопольский мир 1829 г.» указывает, что фирман Порты об амнистии был опубликован в декабре 1829 г. Нами обнаружено донесение А.Ф. Орлова И.И. Дибичу от 26 марта 1830 г., в котором он пишет об амнистии, «объявленной Портой в ноябре прошедшего года» (АВПРИ. Ф. Канцелярия (далес — Ф. К.) 1830. Д. 72. Л. 352).

¹⁸ Раковски Г. Горски пътник. — Съчинения. Ред. на проф. М. Арнаудов. София. 1922. С. 106–107.

¹⁹ Табаков С. Опыт за история на град Сливен. Т. II. София, 1938. С. 142–149.

²⁰ АВПРИ. Ф. ГА. IV-2. 1829–1831. Л. 1–2. Документ позволяет впервые установить названия населенных пунктов, депутаты от которых пришли к И.И. Дибичу.

получить разрешение на массовую эмиграцию и помощь в их переселении». Они представили списки тех, кто желал эмигрировать в Россию. Депутация была принята И.И. Дибичем. Он ознакомил их с фирманом об амнистии, заверив при этом, что «турецкое правительство приняло эффективные меры к осуществлению этого акта», и рекомендовал им «дове- рие и покорность по отношению к турецкому правительству»²¹.

Реакцию болгар на это заявление Дибича передал Г. Раковский: «О какой амнистии вы говорите? Турки не слушают своего султана!»²² В ходе беседы с русским главнокомандующим депутаты изъявили твердое намерение переселиться, а также снова выразили желание иметь в этом районе русского консула, присутствие которого будет гарантией постоянного покровительства российского двора.²³

Сообщая о последних событиях К.В. Нессельроде, Дибич вновь привлек внимание российского правительства к вопросу о необходимости русских консульств в этом районе, так как весной, после выплаты Портой части военной контрибуции, войска должны были оставить Румелию. Командующий указывает не только на соображения гуманности, но и на политические мотивы, потому что присутствие консулов демонстрировало бы жителям «моральное господство» России в Константинополе, усиливая тем самым ее влияние в здешних местах. Кроме того, поскольку войска продолжали оставаться в Северной Болгарии, имелась необходимость в постоянных сведениях о санитарном положении в крае, возможности снабжения армии, мерах султанского правительства по выплате репараций²⁴.

И все-таки непосредственным побудительным толчком, заставившим российское правительство пойти на решение вопроса об открытии российского консульства в Сливене, было намерение значительной части болгарского населения юго-восточных районов страны оставить свою родину.

Эмиграционные настроения встревожили русские военные и дипломатические круги. Как свидетельствуют документы, ни командование армией, ни дипломатические службы, ни сам император не одобряли желания болгар переселиться в другие края, в том числе и в Россию. Стремление большого числа христиан переселиться в Россию (как указывал Дибич в своем письме К.В. Нессельроде, — от 30 до 40 тыс. человек, в основном болгар) и их настойчивость заставили главнокомандующего обратиться за соответствующими инструкциями к своему правительству. В письме к А.И. Чернышеву от 13 января 1830 г. он высказался против их

²¹ АВПРИ. Ф. Посольство в Константинополе (далее — ф. ПК). 1830. Д. 812. Л. 6, 7; Ф.К.. 1830. Д. 72. Л. 351.

²² Раковский Г. Указ. соч. С. 106.

²³ Арнаудов М. Селимински. Живот, дело, идеи. (1799–1867). София, 1938. С. 137; АВПРИ. Ф.К. Д. 812. Л. 9.

²⁴ АВПРИ. Ф. ГА. IV-2. 1829–1831. Д. 1. Л. 3–4.

массовой эмиграции, считая «полезнейшим не ослаблять в краю том христианского населения»²⁵. Как писал Дибич в начале февраля 1830 г. К.В. Нессельроде, в политических интересах России необходимо сохранить на Балканах многочисленное христианское население: страх, который оно внушает Порте, и право России выступать в пользу своих единоверцев дают русской дипломатии сильное средство воздействия на султана. Оно будет утеряно, если уменьшится болгарское население. К тому же, переселение нанесет вред русско-турецким отношениям, поскольку Порта не заинтересована в обезлюдении целых провинций и может посчитать это намеренным ударом со стороны России в целях ослабления Османской империи. Единственный способ удержать болгарское население — это прислать русского консула, который наблюдал бы за исполнением обещаний султана об амнистии²⁶.

Взгляды главнокомандующего получили полное одобрение Николая I, в частности «насчет выгоды сохранить в областях турецких сильное христианское народонаселение как в политическом, так и собственно хозяйственном». Учитывая, что свободных земель на юге Российской империи оставалось мало и в основном это были малопригодные для земледелия участки, что создавало трудности для устройства большого числа переселенцев и потребовало бы значительных расходов правительства, император считал особенно нежелательным приток в Россию неимущих беженцев, так как представители бедных слоев, не имея средств на обзаведение крепким хозяйством, часто уезжали обратно, что послужило основанием для введения еще в 1800 г. имущественного ценза в Положении о переселенцах.

В обстановке после подписания Адрианопольского мира, чтобы ограничить массовую эмиграцию болгар в Россию, Николай I предписал Дибичу помимо соблюдения имущественного ценза разрешать воспользоваться правом переселения «только тем жителям Болгарии и Румелии, которые непосредственно или косвенно принимали участие в военных действиях против турок» и тем самым имели серьезные основания опасаться за свою жизнь. Таким лицам разрешалось оказывать помощь при переезде в Россию. Прочим же было предписано ограничить выдачу паспортов, правда, с оговоркой, — насколько это представится возможным без нарушения ст. XIII. Это повеление царя было направлено И.И. Дибичу 5 февраля 1830 г.²⁷.

И.И. Дибич, пригласив спустя 40 дней болгарскую депутацию, дал ей ответ в соответствии с инструкциями, полученными от своего правитель-

²⁵ АВПРИ. Ф.К. 1830. Д. 72. Л. 230; *Мецерьюк И.И.* Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828–1834 гг. Кишинев, 1965. С. 81.

²⁶ Там же. Ф. ГА. IV-2. 1829–1831. Д. I. Л. 29–31 об.

²⁷ Там же. Л. 5–6; *Конобеев В.Д.* Указ. соч. С. 272; *Мецерьюк И.И.* Указ. соч. С. 81–82.

ства. Он сообщил депутатам, что его правительство предоставляет возможность переселиться в Россию и обязуется оказать помощь им в этом переселении. Но при этом подчеркнул, что предоставляя болгарам право переселения на основании ст. XIII Адрианопольского мирного договора, оно «нисколько к тому их не приглашает»²⁸. Члены делегации передали слова главнокомандующего жителям посланных их городов. Сливенцы стали организаторами переселенческого движения, во главе которого встал Иван Селиминский, врач и известный политический деятель.

Было удовлетворено и другое пожелание болгар. Для осуществления контроля за исполнением ст. XIII и для защиты интересов оставшихся жителей-христиан в Сливен был назначен российский консул. Положение об учреждении консульства в Сливене, как главном городе районов, которые являлись театром военных действий в недавно окончившейся войне, было утверждено Николаем I 11(23) февраля 1830 г. Первым российским консулом в болгарских землях был назначен сотрудник российской миссии в Константинополе коллежский ассессор Герасим Васильевич Ващенко, ранее участвовавший в переговорах в Аккермане.²⁹

Как следует из документов, назначение российского консула в болгарские земли, не предусмотренное постановлениями Адрианопольского мирного договора, вызвало осложнение в отношениях между Россией и Османской империей. В исторической литературе существовало мнение, что на учреждение консульства в Сливене «Порта согласилась сравнительно легко»³⁰. Однако из обнаруженных нами документов явствует, что турецкое правительство согласилось на выдачу брата, признававшего назначение российского консульства в Сливен, после многих затруднений и сопротивления.³¹ Порта расценила это назначение как стремление российского правительства побудить болгар к переселению. Узнав, что большое число болгар подготовилось к эмиграции, турецкое правительство обратилось к посланнику царя в Константинополе А.Ф. Орлову с протестом, считая, что она вызвана деятельностью русских агентов. Великий везир написал по этому поводу И.И. Дибичу. В своем ответе главнокомандующий объяснил, что Порта заблуждается на сей счет, и дал подробные разъяснения.³²

Графу Орлову были даны специальные инструкции, в которых предписывалось в его объяснениях с турецким правительством рассеять эти подозрения. Было подчеркнуто, что «назначение консула, присутствие кото-

²⁸ Мещеряк И.И. Указ. соч. С. 82. В книге Мещеряка И.И. нарушена последовательность событий, связанных с переговорами главнокомандующего с болгарской делегацией. Поэтому позиция Дибича отражена автором недостаточно аргументированно.

²⁹ АВПРИ. Ф. ГА. IV-2. 1829–1831. Д. 1. Л. 4, 11–12.

³⁰ Шеремет В.И. Указ. соч. С. 170.

³¹ АВПРИ. Ф. ГА. IV-2. 1829–1831. Д. 1. Л. 39.

³² Там же. Ф. ПК. Д. 812. Л. 9.

рого должно способствовать тому, чтобы остановить поток эмиграции, так же соответствует интересам Порты...»³³. Такие же разъяснения были даны турецким представителям и в Петербурге. В результате этих действий российской дипломатии назревавший конфликт был предотвращен³⁴.

Однако длительное решение этого вопроса вызвало задержку в прибытии российского консула в пункт своего назначения, так как патент российской миссии в Константинополе на звание консула в Сливене и берат от Порты, признававший его назначение, были вручены Г.В. Ващенко только 4 (16) апреля 1830 г.

В болгарской историографии существует мнение, что единственной задачей российского консула была защита болгарского населения от турок³⁵. О характере стоявших перед ним задач свидетельствуют инструкции, данные Г.В. Ващенко российским Министерством иностранных дел, российским посланником в Константинополе А.И. Рибопьером и фельдмаршалом И.И. Дибичем.

В инструкции МИДа говорилось, что назначение консула — одна из мер защиты христиан, которые опасаются мести турок за свои действия во время войны. «Главнейшая обязанность Ваша будет состоять в бдительном надзоре за поведением турок и христиан». Возможные ссоры между ними следует «отклонять дружественными внушениями и доводами... Правительство наше, имея в виду не ослаблять в турецких областях христианского народонаселения, далеко от намерения приглашать болгар и других христиан к переселению в пределы России...». Ващенко предписывалось давать разрешение на переселение и помогать лишь тем, кто участвовал в войне, всемерно отклоняя просьбы тех, кто не имеет серьезных оснований для ухода из своей страны. Надо успокаивать население, избегая высокомерного и оскорбительного вмешательства в «домашние дела» турецких властей. Лишь в крайних случаях разрешалось прибегать к официальным настояниям, используя в основном внушения и советы. Консулу поручалось также наблюдать за делами во внутренних областях Османской империи, сообщать о торговле и хозяйственном развитии, настроениях жителей, действиях правительства, появлении болезней и т. д. В заключение МИД еще раз подчеркивал: «Главнейшая цель назначения нашего есть надзор за исполнением обещанного султаном всепрощения...»³⁶.

А.И. Рибопьер, передав Г.В. Ващенко патент миссии на звание российского консула в Сливене и берат Порты, от себя добавил только, чтобы в своих донесениях консул специально выделял пункт «Новости», а про-

³³ АВПРИ. Ф.К. Д. 60. Л. 95; Д. 58. Л. 280–280 об.

³⁴ Там же. Ф. Отчеты МИД. 1830. С. 103.

³⁵ Табаков С. Указ. соч. С. 166–168.

³⁶ Там же. Ф. ГА. IV-2. 1829–1831. Д. I. Л. 16–21 об.

тесты и жалобы населения, требующие ходатайства посланника перед султанским правительством, представлял отдельно³⁷.

Уже было начало апреля 1830 г., и консулу следовало спешить к месту назначения, поскольку 25 апреля (7 мая) русские войска должны были оставить Сливен, когда командованию стало известно, что на 13 (25) апреля партия сторонников переселения назначила сбор всех желающих эмигрировать на Айтоском поле. 12 (24) апреля Г.В. Ващенко прибыл в Бургас — Главную квартиру 2-й армии. Он немедленно был принят фельдмаршалом, который самым подробным образом разъяснил ему обстановку. Согласно пожеланию Министерства иностранных дел именно И.И. Дибич дал консулу наиболее пространные и точные наставления об образе действий на месте службы. В своей инструкции он коснулся и предыстории назначения российского консула в Сливен, связанной с опасностью массовой эмиграции болгар, уточнив, что главная задача Ващенко заключается в том, чтобы не допустить этого. Дибич говорил, что совершенно отказывать болгарам в просьбах о переселении нельзя, так как такое право записано в статье XIII Адрианопольского трактата, тем не менее, он распорядился, чтобы проездные свидетельства выдавались с самой большой осмотрительностью. Он повсдал Ващенко, что по поводу болгарской эмиграции объяснился с великим визиром, который благожелательно воспринял советы России сдержанно относиться к христианам, что поможет приостановить эмиграцию³⁸. Консул, со своей стороны, должен разъяснять болгарам, что амнистия будет соблюдаться. По дороге в Сливен ему следует останавливаться в городах и крупных селах и сообщать об этом населению. «Вы окажете истинную услугу, останавливая, насколько возможно, эмиграцию: она мало отвечает интересам России (*elle est peu dans les intérêts de la Russie*); она была бы пагубна для Оттоманской империи, будущее благосостояние которой стало предметом великодушной заботы сго императорского величества»³⁹, — указал Дибич.

Как видим, инструкции главнокомандующего консулу строго следовали новому курсу Николая I на сохранение слабой Османской империи, нуждающейся в помощи России для продления своего существования. Этот курс надолго стал генеральной линией русской политики в восточном вопросе⁴⁰.

³⁷ Табаков С. Указ. соч. Ф. К. 1830. Д. 812. Л. 5–5 об.

³⁸ Одновременно вопрос о болгарской эмиграции в Россию обсуждался в Константинополе в ходе переговоров А.Ф. Орлова с министрами Порты. Линия российского правительства на уменьшение масштабов эмиграции вызвала большое удовлетворение в турецких правительственных кругах (См. *Шеремет В.И.* Указ. соч. С. 170).

³⁹ АВПРИ. Ф. ПК. 1830. Д. 813. Л. 5–7.

⁴⁰ *Кияшпа Н.С.* Внешняя политика первой половины XIX в. М., 1963. С. 174; *Достьян И.С.* Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 340.

Получив все предписания, Г.В. Ващенко отправился в путь. В своей первой депеше из Карнобата, датированной 18 (30) апреля 1830 г., он доносил, что по пути своего следования «от Бургаса до Карнабата видел только покинутые и сожженные самими жителями деревни и длинные вереницы повозок, направляющихся к месту их сбора и отъезда в Россию. Многие из этих караванов, насчитывавшие от 30 до 40 семейств, были из деревень, близлежащих к Айтосу, Карнобату, Ямболу, Селимно, большинство же было жителей Селимно». Он сообщал, что разговаривал со многими из этих людей, убеждал их остаться, говорил о трудностях, ожидающих их в пути, заверяя, что «они могут быть уверены в том, что ни в чем не пострадают от турецких властей за прошлое в силу всеобщей амнистии, дарованной султаном, за строгим соблюдением которой, согласно их пожеланиям, он назначен императором наблюдать». Но ничто не могло поколебать решения болгар переселиться. Интересна реакция болгар на слова Ващенко: наиболее состоятельные болгары не отказались от своего намерения эмигрировать и заявляли, что не вернутся до тех пор, пока Болгария не будет устроена по типу Сербии или Молдавского и Валашского княжеств, а большинство людей, принадлежавших, по словам консула, к «низшему классу», или обещали подумать или «прямо на месте выразили желание вернуться». В городе консул встретился с аяном. Беседа с ним подтвердила первые впечатления Ващенко. Представитель местной османской администрации рассказал, что, несмотря на публикацию указа об амнистии, болгары, прежде всего зажиточные, покинули город, остались самые бедные. Предупрежденные о приезде российского консула, они явились к аяну, который в присутствии Ващенко обещал управлять населением со всей справедливостью. Консул также успокаивал пришедших⁴¹.

Военным властям было дано указание всячески помогать миссии консула, поэтому по прибытии его в Казан (Котел) майор Петербургского уланского полка Крылов немедленно собрал представителей населения и нескольких священников. В своей встрече с болгарам города Ващенко разъяснил, что назначен в Румелию следить за исполнением постановлений Адрианопольского трактата в их пользу. Последнее обстоятельство убедило, по его словам, большинство жителей города отказаться от намерения экспатриироваться. Однако, не доверяя местным османским властям, они изъявили желание, чтобы консул или постоянно находился у них в городе, или чаще посещал его. Чтобы хоть в какой-то мере удовлетворить желание жителей и успокоить их, Ващенко оставил в Казане на несколько дней своего драгомана Стояна. Пожелание иметь в своем городе консула или его представителя жители Казана повторяли неоднократно⁴².

⁴¹ АВПРИ. Ф. ПК. 1830. Д. 813. Л. 8–9.

⁴² АВПРИ. Ф. ПК. 1830. Л. 10–12, 17, 22 об., 44 об.

Первые встречи Ващенко с болгарским населением дали некоторые желаемые результаты: многие жители Казана, даже имевшие дорожные документы и уложившие вещи, остались в родном городе; большинство из тех, кто отправил свои вещи в Брзилу, решили не уезжать, и послали двух человек, чтобы вернуть обозы; в город вернулись несколько семей, которые уверяли, что десятки их сограждан скапливаются в Карнобате с намерением возвратиться домой. Вняли советам консула и остались на месте жители сел Башкной и Ичера⁴³.

На место своего назначения — Сливен — Ващенко прибыл 20 апреля (2 мая), уже после того, как из города 13 (25) апреля вышел огромный караван беженцев, насчитывавший около 15 тыс. человек, практически почти все болгарское население города. Число покинувших город болгар резко различается у двух авторов, приводящих эти цифры. По данным болгарского историка С. Табакова, к 1830 г. болгар было в городе около 15 тыс., и они составляли большинство жителей города⁴⁴. Но другой болгарский историк Н. Тодоров приводит точные сведения русских военных властей, согласно которым в феврале 1830 г. население Сливена составляло 7027 человек, из них 2799 взрослых⁴⁵. Цифры цифрами, но Сливен покинуло большинство болгарского населения. Выселение из города началось после подписания мирного договора в сентябре 1829 г., с начала 1830 г. оно стало нарастать, а весной приобрело массовый характер. Очевидец событий В.И. Даль, участвовавший в войне как врач, писал: «По тесным улицам Сливно толпились пешие и конные — телеги, лошаки, верблюды, кони, волы; все было перемешано в одну восставшую, шумную толпу; радостные клики, неистовые проклятия, плач и крик детей, скрип намазанных колес, резкие голоса, говор девок, мычание и ржание скота — все это сливалось в один гул: город подымался, был на ходу... Кучи праха, пепла и золы указывали путнику место, где стоял недавно еще целый город»⁴⁶. Сливенцы сожгли почти половину всех домов⁴⁷. Как писал участник событий И. Селиминский, решение поджечь город не было единодушным, многие надеялись вернуться в случае изменения политической обстановки. Поэтому, чтобы не было и мыслей о возвращении и чтобы ничто не досталось туркам, наиболее решительные настояли на поджогах и разрушениях⁴⁸. Город, славившийся своими ремеслами, ярмарками, благосостоянием жителей, поразил консула разоршенным, заброшенным видом.

⁴³ АВПРИ.Ф. ПК. 1830. Л. 44, 45, 57–57 об.

⁴⁴ Табаков С. Указ. соч. С. 488.

⁴⁵ Тодоров Н. Руски документи за демографското състояние на част от Източна България през 30-те години на XIX в. // Известия на Държавните архиви. 1967. Т. 13. С. 192.

⁴⁶ Сочинения Владимира Даля. Т. IV. С. 248–249.

⁴⁷ Табаков С. Указ. соч. С. 474.

⁴⁸ Библиотека «Д-р Иван Селимински». Кн. 2. София, 1904. С. 36.

В дом, где остановился Г.В. Ващенко, в первый же день пришли «руководители» оставшегося болгарского населения. Говоря о причинах эмиграции, они указывали главным образом на опасность возвращения болгар под османское правление, но вместе с тем — и на то, что большая часть их сограждан была увлечена примером других и запугана угрозами расформированных волонтеров, заставлявших жителей подниматься с насиженных мест. По утверждению пришедших, многие охотно вернулись бы, если бы не боялись этих угроз. То же говорил и турецкий аян, который также пришел приветствовать консула в первый же день: жители хотят послать депутацию к российскому посланнику в Константинополь с просьбой приказать волонтерам не чинить препятствий тем, кто захотел бы вернуться. Теперь же в городе, по словам пришедших, в городе осталось не более сотни болгарских семей⁴⁹.

21 апреля 1830 г. Г.В. Ващенко вручил аяну, главе местной турецкой администрации, документы о назначении консулом России в Сливене. Берат и ферман были громко зачитаны вслух в присутствии турецких служащих и представителей болгарского населения, собравшихся на церемонию.

Первые же встречи Г.В. Ващенко с болгарами показали, что они расширительно толкуют функции российского консула, считая, что он будет заниматься всеми делами, почти заменяя султанскую администрацию. Приходилось объяснять, что его единственная задача — защищать права болгар согласно Адрианопольскому трактату. Однако население придавало значительный политический смысл приезду российского представителя. Так, не услышав при чтении консульских бумаг о его покровительстве христианам, болгары пришли к Ващенко домой для объяснений. Консулу стоило больших усилий убедить их в том, что бумаги содержат обычные формулировки консульских бератов, что нельзя же открыто заявить турецким властям, что он прислан защищать их подданных от несправедливостей⁵⁰.

Удивительно то, что и турецкие жители воспринимали российского консула как представителя власти и иногда обращались к нему со своими проблемами. В дни отхода русских войск делегаты шести турецких сел Сливенского округа пришли к Ващенко, чтобы выразить ему как представителю России благодарность за хорошее поведение войск и доброе отношение к жителям, и даже просили консула защищать и турецкое население от притеснений аяна⁵¹. Бывало, что служащие турецкой администрации при решении, например, вопроса о налогах приходили к Ващенко советоваться и спрашивали, давала ли Порты распоряжения на сей счет⁵².

⁴⁹ АВПРИ. Ф. ПК. 1830. Д. 812. Л. 45 об.—46.

⁵⁰ Там же. Л. 46 об.—47.

⁵¹ АВПРИ. Ф. ПК. 1830. Д. 813. Л. 84—84 об.

⁵² Там же. Л. 38 об.

Конечно, нельзя представлять ситуацию таким образом, будто отношения Ващенко с местным населением были идиллические. Наряду с приведенными фактами было и другое: обозлившись на то, что возвращающимся болгарам отдают их дома, сады и все имущество, и, решив, что это — результат вмешательства консула, турецкое население требовало его удаления, угрожало ему⁵³.

Спокойствия в стране не было. Материалы сливенского консульства показывают, в каких крайне трудных условиях приходилось исполнять свои обязанности Г.В. Ващенко. Главная трудность по-прежнему, несмотря на некоторые положительные моменты в политике османского правительства к немусульманскому населению, состояла в угнетенном положении христианских подданных. Консул в своих донесениях приводит многочисленные примеры притеснений болгар турками, которые старались отыграться за свои страхи и потери в только что окончившейся войне. Враждебность турецкого населения, помимо противостояния распоряжениям центральной власти, зачастую проявлялась и в открытой форме — в виде угроз, избиений и даже убийств христиан⁵⁴. Об этих фактах Ващенко постоянно сообщал в своих донесениях А.И. Рибопьеру. Султанское правительство действительно пыталось «умиротворить» страну, рассылая приказы о справедливом правлении и соблюдении условий мира, но эти меры чаще всего бывали безрезультатны. Не всегда достигали результата и объяснения консула с аяном Сливена. Ващенко был вынужден не раз обращаться к главе османской администрации края Гюссейн-паше Адрианопольскому. Сообщив ему о некоторых случаях расправ жителей-мусульман с болгарами и незаконных действиях местных властей, консул напомнил ему, что все это является нарушением положений мирного договора. Подобные факты, подчеркнул Ващенко, вызывают беспокойство среди болгар и служат толчком к переселению в другие края. Из-за несправедливых притеснений жители семи селений Адрианопольского округа решили в полном составе эмигрировать и обратились к российскому консулу за проездными документами. Ващенко просил папу призвать местные власти к исполнению международных договоров и распоряжений своего правительства, поскольку их действия «есть одна из главных причин переселения отсель значительной части жителей». Ответа на свои обращения консул не получил, однако к нему перестали приходить с жалобами. Ващенко сделал вывод, что это отнюдь не следствие усилий паши по наведению порядка, просто паша пригрозил жалобщикам. А беззакония в отношении болгар продолжались, и консул действовал в их защиту, опираясь на условия Адрианопольского договора⁵⁵.

⁵³ АВПРИ.Ф. ПК. 1831. Д. 817. Л. 67–69 об.

⁵⁴ Там же. 1830. Д. 813. Л. 36–36 об.; 1832. Д. 817. Л. 37, 1832. Д. 818. Л. 23 об., 41 и др.

⁵⁵ АВПРИ.Ф. ПК. 1830. Д. 812. Л. 147–150, 165–167.

Как бы то ни было, назначение российского представителя в Сливен имело желаемый результат: многие болгарские семьи остались на родине, многие вернулись назад. Присутствие в городе консула воспринималось как единственная гарантия личной безопасности. Это продемонстрировал случай, происшедший в первые дни пребывания Ващенко в Сливене. Из города уехали десять казаков, сопровождавших его в пути. Узнав об этом, болгары кинулись к дому консула, чтобы выяснить, не собирается ли он уехать. При этом было заявлено, что в случае отъезда Ващенко они все поднимутся с мест и оставят город⁵⁶. Насколько велика была вера в защиту консула говорит такой факт: 11 болгарских семей, добравшись уже до Силистры, вернулись в родной город, узнав, что туда прислал представитель России. Они уверяли, что многие их соотечественники готовы последовать их примеру. И действительно, приезд консула способствовал стабилизации обстановки, что признавали и местные турецкие власти⁵⁷.

Деятельность Ващенко, трудности, с которыми пришлось столкнуться беженцам в пути, а также в определенной степени меры османского правительства⁵⁸ привели к тому, что с августа 1830 г. переселенческое движение стало терять массовый характер, а в сентябре эмиграция болгар в Дунайские княжества и Россию почти прекратилась⁵⁹. Некоторые семьи начали возвращаться. Уже с сентября консул в своих донесениях постоянно сообщает о количестве болгарских семей, вернувшихся в Сливен, Карнобат и другие места Румелии. По возвращении они получали свое недвижимое имущество и освобождались от уплаты харача на год по чрезвычайному указу Гюссейн-паши⁶⁰.

Г.В. Ващенко пробыл в Сливене неполных 4 года. Из документов видно, что консул стремился точно выполнять все предписания. Отчеты и донесения первого российского консула в болгарских землях в период его пребывания там, передают реальную обстановку начала 30-х годов XIX в. и довольно подробно показывают условия жизни болгарского и турецкого населения в тот сложный период.

Но только в одном нарушил Ващенко данные ему инструкции — «не вмешиваться в домашние дела» турецких властей, чтобы не вызывать нареканий со стороны Порты. Документы свидетельствуют, что он занимал активную позицию в деле защиты интересов болгар, касающихся не только вопросов, связанных с соблюдением положений Адрианопольского

⁵⁶ АВПРИ.Ф. ПК. 1830. Д. 812. Л. 100.

⁵⁷ Там же. 1830. Д. 813. Л. 57–58, 38. И вместе с тем именно апрель–июль были временем самой интенсивной эмиграции. За этот период только в Бессарабию переселилось более 25 тыс. человек (*Мецкерук И.И.* Указ. соч. С. 93).

⁵⁸ Подробнее см. *Медведева О.В.* Положение болгарских земель в 30-е годы XIX в... С. 114–117.

⁵⁹ Подробнее см. *Мецкерук И.И.* Указ. соч. С. 95.

⁶⁰ АВПРИ. Ф. К. 1830. Д. 813. Л. 87.

трактата. Из документов видно, что консул не только заступался перед местными турецкими властями за обижаемых, не только давал им советы обращаться за помощью к высшей турецкой администрации, но и сам общал рушукскому паше и его каймакаму (наместнику) о нарушениях в отношении христианского населения. Вмешательство Ващенко во внутренний конфликт, возникший между местными турецкими властями и верхушкой болгарского общества, с одной стороны, и простыми ремесленниками, — с другой, стало причиной его отзыва из Сливена. Активная позиция консула в этом вопросе противоречила тем инструкциям об образе действий, которые он получил при своем назначении, это было вмешательство в сугубо внутренние дела местных жителей. Можно предположить, что царское правительство не хотело обострять ситуацию, тем более что основная цель учреждения консульства — остановить массовую эмиграцию болгарского населения — была выполнена.

Консул покинул Сливен в начале декабря 1833 г. Ему было предписано при отъезде объявить местным властям и болгарским старейшинам, что «высочайший двор отнюдь не уничтожает в опом городе консульства, что в случае необходимости Ващенко будет наезжать в Сливен»⁶¹. Однако материалов о дальнейшей судьбе сливенского консульства пока не обнаружено.

Как видно из вышесказанного, открытие консульства России в Сливене было вызвано чрезвычайными обстоятельствами послевоенного времени. Это было вынужденным шагом как для российского правительства, чтобы предотвратить массовую эмиграцию болгар в Россию, но сохранить свой авторитет среди болгарского населения, так и для Порты, стремящейся не допустить столь массового оттока христианского населения из своих пределов.

⁶¹ Медведева О.В. Когда говорят документы... С. 217–223.

Русско-турецкая война 1828–1829 гг. и конец Задунайской сечи

Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. суждено было стать поворотным пунктом в истории жизни запорожцев за Дунаем. В 1828 г. решением османского правительства их военизированная организация — Задунайская сечь была ликвидирована, а сами они переведены на положение рядовой православной райи. Причиной тому стал уход в апреле 1828 г. 500 казаков во главе с кошевым атаманом Осипом Гладким в Россию. Думается, что юбилей войны 1828–1829 гг. является весомым основанием для обращения к этой странице прошлого. Данная статья представляет собой опыт оценки значения этой акции сечевиков в общем контексте истории мало-российской диаспоры Турции.

История Задунайской сечи ведет свое начало с последней четверти XVIII в. Тогда, после окончательного разорения Запорожья в 1775 г., на территорию Османской империи переселилось около 5 тыс. сечевиков¹. Убежище в Турции им было предоставлено на тех же условиях, что и некогда донским казакам-старообрядцам (некрасовцам). На период ведения Портой военных действий им даровалась привилегия служить в армии: из числа казаков (некрасовцев и запорожцев) набиралось иррегулярное войско (казак-алайя), состоящее из отдельных отрядов, воевавших под предводительством собственных атаманов. Вместе с обязанностью служить в армии запорожцы приобретали налоговые льготы (в частности, освобождение от подушного налога на иноверцев), а их поселения получали полуавтономный военизированный статус. Эти поселки образовывали как бы федерацию замкнутых от внешнего мира самоуправляемых и абсолютно самостоятельных в административном и хозяйственном отношении рыболовецких общин. На их территории в полном объеме продолжали действовать законы уже не существовавшей Запорожской сечи. Во главе каждой общины (курень) стоял выборный куренной атаман. Курень являлся одновременно и первой судебной инстанцией. Второй инстанцией была союзная кошевая администрация. Кошевой атаман имел генеральский чин двухбунчужного паши и официальную печать с надписью на турецком языке — «начальник Буткальских казаков, кошевой»². Последней инстан-

¹ О событиях, связанных с историей переселения запорожцев за Дунай см.: *Скальковский А.* История Новой Сечи или последнего коша Запорожского. Одесса, 1886. Т.1–3; *Бачинский А.Д.* Січ Задунайська 1775–1828: историко-документальний нарис. Одесса, 1994.

² *Скальковский А.* История Новой Сечи... Т.3. С. 224.

цией была Сечевая Рада, т.е. общее собрание всех казаков. Одновременно Рада была и носителем всей высшей власти. В отношении духовенства на всем протяжении своего существования Сечь сохраняла полную независимость. Священников выбирали исключительно из своей среды, отсылая их затем для рукоположения к молдавским архиереям.

Необходимые сношения с османскими властями производились исключительно через кошевую администрацию, чьим представителем обычно выступал войсковой старшина. В ведении этой администрации была и деятельность, связанная со службой в турецком войске. Администрация распоряжалась денежными субсидиями и провиантом, поступающими от турецких властей, определяла военный распорядок и т. д. В ее обязанности входил также контроль за общесечевыми доходами и расходами.

Поскольку основным родом повседневной деятельности запорожцев была рыбная ловля и охота, большую часть жизни они проводили на рыболовецких заводах и плавнях. Сама Сечь была лишь центральным пунктом сбора всего казачьего населения. В обычное время там жил старшина и небольшое количество неженатых сечевиков — бурлаков (в основном стариков). Женщинам вход в Сечь был запрещен. Женатые казаки обитали со своими семьями в окрестных слободах (райе). К этим слободам тяготела и основная часть мигрантов малороссийского происхождения.

Согласно агентурным сведениям, собранным в 1826 г. офицерами русского генерального штаба для аналитической записки, перелом в жизни запорожцев, имевший самые серьезные последствия для истории Сечи в целом, пришелся на 1805 г.³ Тогда восток Балкан был охвачен феодальной анархией. В среде местных правителей было принято обзаводиться собственными войсками, вести с их помощью бесконечные войны с соседями, опираясь на их мощь конфликтовать с центральной властью. Отряды запорожцев поддерживали татарских ханов Добруджи. Оказавшись втянутыми в кровавые разборки между татарским наместником Ахмет Назир-пашой и правителем Рупшуга Текенишли-оглу, на стороне которого стояли донские казаки-некрасовцы, они потерпели от бывших соотечественников сокрушительное поражение. Гибель большого количества коренных запорожцев вынудила кошевую администрацию обратиться к Порте с просьбой о выдаче разрешения записывать в Сечь всех желающих. Это решение изменило порядок комплектования куреней и привело к появлению в их составе большого количества разного рода случайного элемента (вплоть до молдаван и выходцев из местной турецкой православной райи). По мнению составителя аналитической записки, именно с этого момента Сечь все в большей степени начала превращаться в место

³ Сведения о задунайских запорожцах в 1826 г. // Киевская старина. 1891. Т. 35. Ноябрь. С. 295–299.

укрытия для обычных уголовников, скрывавшихся в ней не только от российских, но и турецких властей⁴. В конечном итоге данное обстоятельство способствовало идейной деградации сечевиков. Привлеченные налоговыми льготами и закрытым военизированным статусом поселений, в Сечь стало записываться все большее количество тех, кто не только не желал, но и не был способен выполнять воинский долг.

Именно к 1805 г. относятся и первые достоверно зафиксированные случаи возвращения запорожцев в Россию. Связаны они были, по всей вероятности, именно с бедственным положением Сечи после резни, учиненной в этом году некрасовцами. Известно, в частности, что в 1805 г. группа казаков Батуринского (задунайского) куреня сухопутно и морем добралась до Одессы и была приписана к Черноморскому казачьему войску⁵. В контексте событий 1805 г. следует, скорее всего, рассматривать и последовавшее 15 декабря 1806 г. воззвание генерала И.И. Михельсона, призывавшего казаков вернуться на родину и обещавшего им восстановление Запорожской сечи. Результатом переговоров между И.И. Михельсоном и казачьей депутацией во главе с есаулом Романом Стогучевским стало учреждение в 1807 г. Усть-Дунайского буджакского казачьего войска. К началу июня 1807 г. это войско имело в своем составе 1152 человек: 748 пеших, 120 конных и 216 моряков в Дунайской флотилии⁶.

Возрождению Запорожской сечи помешал, однако, массовый энтузиазм населения юга России. Воззвание И.И. Михельсона и учреждение Усть-Дунайского буджакского войска привело к крестьянским волнениям в южных областях. Сложившаяся ситуация была исчерпывающе охарактеризована императором Александром I в рескрипте генералу Михельсону от 20 июля 1807 г.: «По разнесшимся в Новороссийском крае слухам об учреждении на Дону Запорожской сечи возникли между крестьянами разные беспокойства, непокорность и бегство в Молдавию. Целые селения оставляют места своего жительства и вооруженною рукою, противясь действию земской полиции, пробираются за границу ... Находя, что учреждение сие произведет в пограничных губерниях между крестьянами вредные последствия, поручаю вам заведение на Дунае Сечи остановить и все, что доселе было по сему предмету сделано, отменить»⁷. Соответствующие указания о ликвидации Буджакского войска были переданы его командующему — недавно назначенному кошевому Ф. Бучинскому (одному из инициаторов перехода в Россию). Так Сечь погибла, не успев возродиться. Что касается дальнейшей судьбы основной части казаков, то она была предсказуема — большинство вернулось за Дунай. На этом пе-

⁴ Сведения о задунайских запорожцах... С. 297.

⁵ Скальковский А. История Новой Сечи... Т.3. С. 226–227.

⁶ Петров А. Война России с Турцией. 1806–1812 гг. СПб, 1885. С. 133.

⁷ Голобуцкий В.Д. О социальных отношениях в Задунайской сечи // Исторические записки. Т.30. М., 1949. С. 218–219.

реходы в Россию временно прекратились. В последующие годы, несмотря на все усилия русской администрации, документы фиксируют лишь единичные случаи⁸.

Ситуация резко изменилась в 1821 г. в связи с началом Греческого восстания и последовавшим вскоре призывом нового поколения сечевиков в османскую армию. В мемуарах сына О. Гладкова имеется упоминание, что султанским ферманом под ружье тогда было поставлено 500 запорожцев, которые под начальством кошевого Мороза принимали участие в осаде Миссолонги⁹. Впоследствии еще двухтысячный казачий контингент был направлен против греков в Валахию¹⁰.

Параллельно с призывом в армию стартовал и новый исход запорожцев в Россию. Согласно архивным данным, собранным украинским историком О. Рябининым-Скляревским, основная волна перебежчиков пришла непосредственно на 1821 г. Всего за тот год убежище в России получили около 1,5 тыс. человек¹¹. Сначала вместе с куренным атаманом Давидом Новицким в Измаил прибыли на лодках 600 чел. Затем около 300 запорожцев небольшими партиями (по 5–85 чел.) перебрались на левый берег Дуная, а 75 семей и 150 бурлаков (неженатых сечевиков) доплыли до Керчи. В среде запорожцев сохранились также устные предания об участии в организации миграционного движения некоего греческого архимандрита Филарета¹². В 1821 г. он якобы смог склонить к бегству в Одессу 800 казаков (за что и получил в награду от русских властей нательный золотой крест). В 1822–1823 гг. эмиграция затихла, но затем продолжилась. Известно, например, что в 1824 г. в Одессу на лодках прибыло еще 19 человек¹³. А в 1825 г. к новороссийскому генерал-губернатору князю М.С. Воронцову из Сечи был прислан для переговоров о приеме 100 перебежчиков пекто К. Чернявский¹⁴.

Надвигающаяся война с Россией еще более обострила ситуацию. По данным русского генштаба, в 1826 г. Портой был издан ферман, призывающий под ружье 500 запорожцев в дополнение к мобилизованным полугодом ранее 1120 сечевикам¹⁵. Это обстоятельство, как отмечалось в аналитической записке, «привело в волнение всех; многие разбежались,

⁸ Голобуцкий В.Д. О социальных отношениях... С. 220.

⁹ Гладкий В. Осип Михайлович Гладкий. Кошевой атаман Запорожской сечи. 1789–1866. // Русская старина, 1881. Т.2. Февраль. С. 382–383.

¹⁰ Сведения о задунайских запорожцах... С. 299.

¹¹ Рябинин-Скляревский О. 3 життя Задунайської Січі // Україна. 1929. Т.34. Трав.-чэрв. С. 12.

¹² Кондратович Ф. Кондратович Ф. Задунайская сечь (по местным воспоминаниям и рассказам) // Киевская старина. 1883. Февраль. С. 273–274.

¹³ Бачинський А. Задунайська Січ в оповідях козаків-сучасників 1824 (публікація архівних документів) // Задунайська Січ. Одеса, 1998. С. 352–365.

¹⁴ Скальковский А. История Новой Сечи... Т.3. С. 229.

¹⁵ Сведения о задунайских запорожцах... С. 299.

несколько уже начали являться к нам в карантин»¹⁶. Это был тот исторический и эмоциональный фон, на котором и произошло роковое бегство 500 казаков во главе с куренным атаманом О. Гладким в Измаил.

Осип Гладкий был избран кошевым и утвержден ферманом в правах двухбунчужного паши лишь в 1827 г. Сам факт его избрания сопровождался, по воспоминаниям бывшего запорожца старика Анания Коломийца, скандалом¹⁷. Впервые в истории Сечи на общем собрании верх взяли не коренные запорожцы, а численно их превосходящая разношерстная масса недавних мигрантов. С их подачи и благодаря их поддержке кошевым был избран новичок — Осип Гладкий, который лишь в 1820 г. ушел из полтавской губернии на заработки в Одессу¹⁸. Из Одессы вследствие неприятностей с полицией он вскоре был вынужден перебраться за Дунай. Скрыв свое семейное положение, О. Гладкий записался в Сечь, принимал участие в осаде Миссолонги, а по возвращении был избран атаманом Платниривского куреня.

Со слов отца, его сын В. Гладкий привел в мемуарах следующую версию истории подготовки бегства сечевиков в Россию¹⁹. Согласно ей, инициатором этой акции выступил градоначальник Измаила генерал С.А. Тучков. От него О. Гладкий якобы получил секретное письмо, в котором генерал обещал казакам всемиловиднейшее прощение и такую же степень свободы и самостоятельности, к которой они привыкли в Турции. На основании этого письма О. Гладкий начал склонять к бегству куренных атаманов, параллельно распуская слухи о намерении Порты переселить Сечь в Египет (поскольку территория Добруджи была обречена стать ареной военных действий). На сходах мнения разделились. За переселение в Россию высказалась относительно небольшая часть казаков. Это поставило сторонников кошевого в опасное положение. Наскоро собрав имущество, около 500 человек во главе с атаманом срочно бежали на каботажных и неводных лодках в Измаил.

В устной народной традиции Сечи сохранился несколько отличный, но в общих чертах сходный вариант развития событий, озвученный в 1881 г. бывшим запорожцем Ананием Коломийцем²⁰. Согласно этой версии, осенью 1827 г. через посредничество австрийского консула в Галаце в Сечь поступило письмо от генерала С.А. Тучкова, содержащее в себе известие о предстоящей войне и совет заблаговременно «тикать». Зачитанное писарем в Паланке в присутствии куренных атаманов и всех должностных лиц, оно вызвало ожесточенные споры. Против ухода в Россию выступили старые, хранившие исторические традиции казаки, за — но-

¹⁶ Сведения о задунайских запорожцах...

¹⁷ Кондратович Ф. Задунайская сечь... Февраль. С. 278–279.

¹⁸ Гладкий В. Осип Михайлович Гладкий... С. 381.

¹⁹ Там же... С. 383–384.

²⁰ Кондратович Ф. Задунайская сечь... Февраль. С. 279–284.

вички. В частности, ярым противником персхода был якобы бывший кошевой Василий Незамаивский, лично отправившийся в Измаил с целью проверки слухов, распускаемых О. Гладким. По другой версии, именно он и был главным переговорщиком, посредством которого О. Гладкий поддерживал сношения с С.А. Тучковым²¹. Тем временем поступил новый ферман, обязывающий Сечь отправить на войну дополнительный отряд казаков. О. Гладкий собрал якобы в этот отряд всех своих противников (около 2 тыс. человек) и самолично привел его на Пасху в Силистру. Объяснив великому везиру, что вынужден вернуться, чтобы добрать недостающее количество бойцов, он возвратился в Сечь с тем чтобы бежать со своими сторонниками в Измаил.

Относительно дальнейшего хода событий в источниках разногласий не прослеживается²². Выдержав положенный карантин, беглецы были представлены российскому императору, который принял от кошевого жалованные султаном грамоты, регалии и даровал всемиловейшее прощение. Поскольку запорожцы знали на Дунае все плавни, то оказались очень полезны: они смогли указать неизвестную туркам, а потому неохраняемую переправу через Дунай — земляной вал, ведущий в тыл турецким войскам вблизи Исакчи. После успешно проведенной переправы русское командование сформировало из казаков пятисотенный пеший полк, поставленный для наблюдения за исправностью наведенного на месте переправы понтонного моста. Самого О. Гладкого прикомандировали к генштабу армии «для указания и разъяснения путей», где он и оставался до занятия главным штабом Адрианополя²³. Он был назначен сначала командиром пешего запорожского полка, а впоследствии атаманом сформированного на базе перешедших с ним сечевиков Азовского казачьего войска. За свои подвиги Гладкий удостоился чина полковника, затем генерал-майора и георгиевского креста 4-й степени.

Судьба брошенных О. Гладким на произвол турок запорожцев, а также населения казачьих слобод была незавидна. По воспоминаниям старика А. Коломийца, приведенные им в Силистру сечевики были арестованы и отправлены в тюрьму. От казни их спасло лишь своевременное вмешательство австрийского консула²⁴. Оставшихся в Паланке пятерых стариков турки под горячую руку просто убили. Что же касается населения слобод (в том числе женщин и детей), то, лишившись надежной защиты в лице запорожцев, оно было вынуждено искать спасения, рассеявшись по дельте Дуная, нередко становясь при этом жертвами разбойников. Неудивительно, что в среде оставшихся запорожцев за О. Гладким закрепилась

²¹ Кондратович Ф. Задунайская сечь... С. 281.

²² Гладкий В. Осип Михайлович Гладкий... С. 384–386; Кондратович Ф. Задунайская сечь... Февраль. С. 286–287.

²³ Там же. С. 386.

²⁴ Кондратович Ф. Задунайская сечь... Февраль. С. 284–290.

самая недобрая слава. В частности, существовала легенда, что на родине на него навалились всевозможные беды и в конечном итоге он умер не своей смертью²⁵.

Вскоре после скандальной измены естественным образом встал вопрос о дальнейшей судьбе Задунайской сечи. Окончательно убедившись в ее ненадежности в качестве военного стража северной границы, Порта не могла допустить ее дальнейшего базирования в этом регионе. Однако решение о ликвидации было принято не сразу. А. Коломиец вспоминает, что первоначально турецкие власти предложили перенести Сечь в окрестности Салоник²⁶. Это предложение нашло поддержку и со стороны кошевой администрации. Для осмотра выделенных земель было командировано 400 казаков. Новое место им понравилось («обильно водою и рыболовецкими лиманами, земля плодородна»), но переезжать на новое место Сечь отказалась. Оправдывая это решение, Коломиец мотивировал его удаленностью от границ с Россией и, как следствие, неизбежностью сокращения притока новых мигрантов. «Невыгодно, далеко, народу нет...а что мы без народу...все до одного человека переведемся...очень далеко...народ туда не пойдет...нас тут только и держало то, что народ из России шел: от панщины тикали, от москалей...недалеко было...а туда кто пойдет? Если бы идти на Эдирне или хотя бы на Анадолюскую сторону...там недалеко. Шел же народ с Черноморья сюда...и малой лодочкой рыбацкою»²⁷. Поскольку вопрос об Адрианополе и Малой Азии благополучного разрешения не нашел, судьба Сечи оказалась предрешена. Историческое знамя запорожцев, дарованное им султаном при учреждении Задунайской сечи (золотой православный крест и серебряный полумесяц на красном поле) было передано на хранение в резиденцию греческого православного патриарха в Константинополе²⁸, а сами сечевики, лишённые казачьей организации и звания, разбрелись рыбаками по дельте Дуная.

Вскоре, однако, в Османскую империю начали возвращаться многие из тех, кто в 1828 г. ушел вместе с О. Гладким. На территории Российской империи количественный состав полка стал быстро сокращаться за счет массового дезертирства. В одном из писем, адресованных главе администрации Дунайских княжеств графу Ф.П. Палену, Гладкий, в частности, просил передислоцировать свой полк подальше от турецкой границы, сетуя, что «за месяц бежало в Турцию 27 человек, всего недостает 206, остается в полку налицо 324 человека...ежели будут стоять долее при флотилии к границе Турции, то убегут»²⁹.

²⁵ Кондратович Ф. Задунайская сечь... С. 287.

²⁶ Там же. С. 290–291.

²⁷ Там же.

²⁸ К портрету М. Чайковского (Мехмед Садык-паша) // Русская старина. 1895. Ноябрь. С. 158.

²⁹ Рябинин-Скляревский О. Кінець Задунайської Січі // Україна. 1929. Т. 36. Верес., С. 65.

Судя по добруджанским рассказам, главной причиной обратного бегства из России стало всеобщее недовольство порядками, от которых запорожцы успели отвыкнуть за годы жизни в Турции³⁰. Во всяком случае именно так объяснил причины их возвращения в Турцию старый казак, участник событий тех лет дед Марко Глухой: «Тогда как они вышли с Гладким, много народа в Россию ушло, да только опять назад возвратилось. Пошли, да солдатчиной как запахло, так они и вернулись»³¹.

Стремясь склонить перебежчиков к возвращению, новороссийский и бессарабский генерал-губернатор М.С. Воронцов отправлял в 1838 г. на турецкую сторону своего агента Симона Писаренко (по всей видимости, бывшего запорожца). Однако его миссия полностью провалилась. Из Тулчи Писаренко писал князю Воронцову: «Я распорядился заблаговременно объявлением семилетней льготы, провианта и ссуды на постройки, малороссиянам прощенис от вин, но ничего не помогает, и всякий пражский мой знакомый убегает от меня»³².

После 1828 г. история запорожцев за Дунаем получила высшее продолжение. Поскольку сама Задунайская Сечь, ориентируясь на пример приднепровской митрополии, имела военный характер, куда женщинам вход был запрещен, вокруг нее исторически группировались поселки и слободы, населенные не только семьями женатых казаков, но и рядовых крестьян-переселенцев с территории Малороссии. С конца XVIII в. именно они стали центрами притяжения для беглых крестьян из южных областей России (в первую очередь из Новороссии, Херсонщины, Черниговщины, Кисщины). Эта новая волна колонистов, имевшая в турецких землях статус обычной православной райи, постепенно образовала в Добрудже довольно значительный слой населения. Их поселения, располагавшиеся по соседству с казацкими слободами, представляли собой самостоятельные административные единицы, но находились в подчинении сечевого коша, который выполнял посреднические функции в контактах с турецкой администрацией. После того как в 1828 г. казаки оказались приравнены по статусу к жителям этих поселков-сателлитов, начались активные ассимиляционные процессы и формирование единой этноконфессиональной общности, получившей в среде коренного населения Добруджи наименование руснаки.

В 80-х гг. XIX в. руснаков обследовал румынский этнограф, профессор Бухарестского университета И. Лупулеску³³. По его наблюдениям, эта этнокультурная группа была абсолютно гомогенна по составу и имела

³⁰ Кондратович Ф. Задунайская сечь... Февраль. С. 287.

³¹ Лупулеску И. Русские колонии в Добрудже (историко-этнографический очерк) // Киевская старина, 1889. Т.24. Январь. С. 135.

³² Рябинин-Скляревский О. Конец Задунайской Січи... С. 69.

³³ Лупулеску И. Русские колонии в Добрудже (историко-этнографический очерк) // Киевская старина, 1889. Т.24. Январь. С. 117–154. Февраль. С. 315–336. Март С. 685–704.

ярко выраженный малороссийский облик. Поселки руснаков сплошь состояли из глинобитных беленых хаток, крытых камышом и обнесенных плетнем из хвороста. В контексте обычного для этого региона каменного крытого черепицей жилища, эти типичные для южных областей России постройки смотрелись несколько странно. Внутреннее убранство домов также не отличалось от традиционного малороссийского. Серьезных изменений не претерпели и народные обычаи (песни, игры, ритуал семейных и общественных празднеств). Изменения коснулись в основном костюма: к концу XIX в. женский практически полностью утратил свой национальный колорит и был заменен европейским, но мужской сохранил традиционную шапку и широкие, заправленные в сапоги, шаровары.

Общественная организация руснаков, в которую влились запорожцы, сохранила основные черты тех порядков, которые были приняты в районах исторического обитания переселенцев-малороссов до их окончательного вхождения в состав Российской империи. Возможным это стало в значительной степени благодаря функционированию в Османской империи системы конфессионально-юридической и церковно-административной автономии для немусульманских подданных султана, распространившей сферу своего влияния и на небольшие этноконфессиональные группы. Особенно эффективной эта система показала себя в плане выполнения этнозащитных функций, что и явилось, по мнению многих исследователей, одной из причин успешного формирования на территории Османской империи многочисленных наций³⁴.

Не имея никаких привилегий по сравнению с другими православными общинами, поселения руснаков представляли собой благодаря этой системе достаточно замкнутые социальные организмы, способные в значительной степени удовлетворить привычки бывших сечевиков. Главная административная власть принадлежала сельскому сходу — Громаде. Громада заведовала всеми внутренними общественными распорядками, разбором поземельных отношений, церковными делами. Ей же принадлежала раскладка и сбор налогов. Громадский суд был также первой и почти всегда окончательной инстанцией при решении спорных или конфликтных вопросов. Слушание дела обычно проводилось по воскресеньям после церковной службы. Лишь в редчайших случаях допускалось обращение к турецкому суду.

Сношения с османской администрацией осуществлялись через специальных выборных представителей — чорбаджию и его помощника кейайю. Эти должностные лица выбирались сроком на полгода или год из

³⁴ Christians and Jews in the Ottoman Empire. The Functioning of a Plural Society. Ed. by B. Braude, B. Lewis. V.1–2. N.Y., 1982.; Karpat K. An Inquiry into the Social Foundations of Nationalism in the Ottoman State: from Social Estates to Classes, from Millet to Nations. Princeton, 1973.

числа лиц, знающих турецкий язык. Собрание чорбаджиев от различных общин составляло меджлис и занималось решением вопросов, выходящих за границы компетенции отдельных общин.

Для решения церковных вопросов на общем собрании происходил выбор церковного попечительства — эпитропии. Духовенство избиралось самими прихожанами, причём, зачастую из числа лиц, не принадлежащих к духовному сословию. Однако посвящение в сан священники получали (в отличие от духовенства Сечи) от греческих архиереев. В материальном отношении духовенство оставалось в полной зависимости от той же Громады. Вопросы его содержания оговаривались специальным договором и предусматривали денежные выплаты или, чаще всего, натуральное довольствие.

Сравнявшись по положению с неподлежащей военному призыву православной райсы, потомки запорожцев освободились от обязательств, связанных со службой в турецкой армии. Казалось, что навсегда. Однако вступление Порты на путь реформ и приход эпохи Танзимата внесли коррективы в веками отлаженную систему разделения прав и обязанностей между мусульманами и иноверцами. В полном соответствии с провозглашённой Гюльханским хатгом (1839) доктриной гражданского равенства в 1850 г. приверженцами реформ был продвинут закон о допуске христиан на военную службу (в обмен на отмену уплаты подушной подати). В местном обществе этот закон вызвал всеобщее отторжение (как со стороны мусульман, так и христиан). Однако благодаря личной заинтересованности влиятельного османского сановника Садык-паши (польского эмигранта-потурченца М. Чайковского) именно на базе этого закона проблема казачества приобрела неожиданную актуальность.

Михаил Чайковский (1804–1886) родился в Киевской губернии в богатом помещичьем семействе. По материнской линии он был потомком знаменитого запорожского атамана Григория Бжуховецкого. Два его дяди воевали под казацкими знаменами, а один из них погиб при защите Запорожья. Судя по мемуарам самого М. Чайковского³⁵, в его семье бережно культивировались казачьи традиции, царил климат исторической и политической фантазии. Так, например, в имении постоянно несли стражу 300 вооружённых запорожцев в полном боевом этнографическом облачении. Придворный поэт издавал для господ специальный вестник, в котором в соответствии с их вкусами писал регулярные репортажи о никогда не происходивших в действительности исторических событиях — выдуманных триумфах Наполсона, его личных посланиях хозяевам и т. д. Сам М. Чайковский воспитывался на казачьих преданиях, т. е. мифах о

³⁵ События, связанные с личностью и инициативами М. Чайковского, излагаются по его мемуарам («Записки Михаила Чайковского, Садык-паши») ежемесячно публиковавшихся в журнале Русская старина за 1895, 1897, 1898, 1900 и 1908 гг.

некой казацкой запорожской Аркадии. Одевали его с детства в костюм запорожского атамана и внушали мысли о великом предназначении на этом поприще. Отсутствие солидного образования только помогало закреплению в сознании юноши деревенских фантазий. Тайной и заветной мечтой М. Чайковского было возрождение под своим началом Запорожской сечи.

Будучи вовлечен в польское восстание 1831 г., М. Чайковский вместе со своим полком эмигрировал во Францию, а в 40-х гг. стал главным политическим агентом князя Адама Чарторыйского в Стамбуле. В июле 1851 г., воспользовавшись наличием в Османской империи исторической традиции, позволяющей создавать на время военных действий нерегулярное войско из некрасовцев и запорожцев (казак-алайя), М. Чайковский (теперь уже Садык-паша) сделал попытку получить от Порты разрешение на создание при турецкой армии регулярного казачьего полка. Этот полк должен был не только олицетворять собой идею равенства христиан и мусульман, но и открыть дорогу к возрождению Сечи, которой предстояло, объединив запорожцев и некрасовцев, стать прямой продолжительницей традиций Запорожья и непримиримым борцом с восточным деспотизмом московской Руси. Однако понимания со стороны османского правительства эта идея тогда не нашла.

Начавшаяся в 1853 г. война с Россией вынудила Порту более внимательно отнестись к инициативам польского потурченца. М. Чайковский предложил следующую реформу казак-алайя. Во-первых, командовать отрядами в нем должны были не казачьи атаманы, а польские офицеры. Во-вторых, к службе в казак-алайя кроме некрасовцев и потомков запорожцев отныне должны были допускаться все добровольцы славянского происхождения. Таким образом, казачье войско превращалось по существу в славянское. Получив принципиальное согласие Порты, М. Чайковский обратился к князю Чарторыйскому с просьбой прислать офицеров. Сам он был назначен миримириан пашой, т.е. казачьим атаманом с поручением формирования отрядов.

Полный энтузиазма, М. Чайковский приступил к реализации своих юношеских грез. Однако попытка объединить под своим началом всех казаков Турции и возродить за Дунаем Сечь имела мало шансов на реализацию. Потомки запорожцев от военной службы старательно уклонялись. Основной контингент реформированного войска составили волонтеры из числа балканских славян. Его дополнили польские офицеры-эмигранты и призванные ферманом на службу некрасовцы. 23 января 1854 г. казачье войско принесло клятву верности. По настоянию М. Чайковского, войску было вручено хранившееся в Константинопольской патриархии историческое знамя запорожцев, с которым оно и отправилось сражаться на Дунайский фронт. Известно, что славянское войско отличилось при защите Делиормана и Силистры, затем вошло в Буха-

рест, где М. Чайковский получил от главнокомандующего Омер-паши назначение на пост губернатора города, а затем по распоряжению командования заняло позицию на р. Прут. Эта дислокация рассматривалась польскими офицерами как начало их освободительного похода на Украину и Польшу. Однако из-за позиции Австрии, выступившей против рсанимации польского вопроса, в мае 1854 г. казачье войско было снято с линии фронта и переведено под Шумен.

С окончанием войны основная масса некрасовцев и потомков запорожцев отказалась продолжать военную службу. Исторические и мессианские фантазии атамана их волновали мало. К 1857 г. от казак-алайя осталось лишь относительно небольшое ядро, состоящее в основном из поляков. Вскоре в связи с началом нового польского восстания большинство из них также вышло в отставку и покинуло территорию Турции. Чтобы восполнить потери, М. Чайковский попытался в 1863 г. силой набирать добровольцев из среды турецких казаков. Для истории казак-алайя эта инициатива оказалась фатальна. Возмущенные попыткой превратить их эпизодическую воинскую повинность в постоянную, некрасовцы подали Порте прошение с просьбой избавить их от исторической привилегии служить в армии и перевести на положение рядовой райи. В удовлетворении этого прошения им помогли активно интриговавшие против М. Чайковского представители польской эмиграции Стамбула. Набирать пополнение в казак-алайя Садык-паше отныне пришлось в основном из среды болгарского люмпена³⁶. Закончилось все тем, что Порта, воспользовавшись бесконечными конфликтами между поляками и недисциплинированностью болгар, передала в 1872 г. командование казак-алайя турецким офицерам. Так инициативы романтически настроенного польского авантюриста привели в конечном итоге не к возрождению Запорожской сечи, а к полной ликвидации традиционного для Османской империи казачьего войска и окончательному растворению потомков запорожцев в среде малороссийской диаспоры Турции.

³⁶ *Смоховска-Петрова В. Михаил Чайковски (Садык-паша) и българското възраждане. София, 1973. С. 147–157.*

Адрианопольский мир и формирование болгарской общины из г. Лясковец в Кишиневе (1830–1840)

Адрианопольский мир, заключенный в сентябре 1829 г., признал греческую независимость, укрепил сербскую автономию, дал автономию Валахии и Молдавии, но не изменил политический статус болгарского народа.

Наши соотечественники оказали большую поддержку русской армии в русско-турецкой войне (1828–1829). Они входили в отряд полка Липранди, в котором было 1500 болгар-добровольцев. При осаде г. Силистра в Северо-Восточной Болгарии русское командование сформировало отряд Георгия Мамарчева. Тогда Мамарчев совершил первую попытку восстания с центром в г. Тырново и установил связь с Сливеном и Котелом при поддержке Г.С. Раковского. Русское командование, однако, арестовало Мамарчева и сорвало подготовку восстания.

Г. Мамарчев и его единомышленники в болгарских землях не отказались от своих планов. После войны они организовали в 1835 г. восстание — Велчову заверу, тесно связанное с выступлением их единомышленников в Силистре, где в то время находились русские войска. По условиям Адрианопольского мира Силистрия была под русской оккупацией до 1836 г., и только в этом году город и прилегающие к нему территории были переданы туркам. Таким образом, в начале 30-х годов все еще существовали благоприятные условия для восстания. Мамарчев и Раковский их использовали. Во время Крымской войны (1853–1856) дело этих двух революционеров продолжил капитан Никола Филиповский.

Но если вновь вернемся к Адрианопольскому миру и его значению для болгар, то обнаружим, что статья 13 — единственное проявление внимания к нашим соотечественникам. Болгары получили по этому договору право на переселение в земли Российской империи. Такое право получили и болгарские добровольцы из состава русской армии. Среди болгарских добровольцев особого внимания заслуживает Цани Калянджи из Лясковаца.

Лясковец — обычный болгарский городок в Северо-Восточной Болгарии, он расположен возле Тырнова. До 60-х годов XIX в. его жители пользовались большими правами автономии. В городе было сильно влияние греческого освободительного движения, поэтому русско-

турецкая война 1828–1829 гт. открыла дорогу надеждам лясковчан на освобождение.

Ц. Калянджи был сыном известного участника Греческого восстания (1821). Он — первый болгарский учитель в Лясковце, который осмелился сжечь греческие церковные книги и преподавать родной язык в школе¹. В этой своей деятельности он находил поддержку лясковскогo учителя Николы Козлева.

Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гт. Ц. Калянджи был в отряде в составе полка Липранди и получил орден за храбрость лично от своего русского военного начальника². Во время Крымской войны Ц. Калянджи находился в штабе русской армии и занимался организацией болгарских добровольческих чет и болгарской разведки для русского командования в болгарских землях. В знак благодарности русское правительство даровало ему звание почетного русского гражданина и вручило золотую медаль с Владимирской лентой для ношения на шее. Ц. Калянджи поселился в Бессарабии и умер в 1868 г. в Кишиневе³.

Ц. Калянджи получил привилегии в России и успел дать высшее образование своим сыновьям — Павлу и Ивану Калянджи (Иван Степанович Иванов). Павел Калянджи поселился в Комрате (Бессарабия) и в 1862 г. стал главным учителем в болгарском Комратском училище. Он был инспектором и болгарских бессарабских школ⁴. Павел Калянджи был одним из создателей болгарского добровольческого движения в сербско-турец-

¹ Драганова Т. Обществено-стопанско и политическо развитие на Лясковец през втората половина на XIX в. // Лясковец в миналото. Велико Търново. 1994. С. 81–111; Козлев Н. Автобиография. Родна мисъл. XIII. 1923. № VII–X. В 1841 г. Цани Гинчев, поддържанный Николой Козлевым, начал церковную борьбу в Лясковце. В 1845 г. его дело подхватил от Петра Оджакoва и Ивана Калянджи (Иван Ст. Иванов-Калянджи) сын Ц. Калянджи. См. Д. Минев. Цани Гинчев и Никола Козлев. Жизнь и творчество. Варна, 1932.

² В България Бессарабия. София, 1938; Гинчев Ц. Спомени. Военни известия. 1918. Бр. 85–90; Минев Д.. Град Лясковец. Мисало, сегашно състояние и деца. Исторически и стопански приноси. Варна, 1944. С. 61–64, 136–137, 334.

³ В България Бессарабия. Минев Д. Град Лясковец. С. 65–66; Гинчев Ц. Няколко думи от биографията на Георги (Сава) Раковски. Илюстрация Светлина, 1918. Кн. 6; Златоустова Ек. Български претенции при руския император през 1856 г. В. Мир. Бр. 11, 630 от 5 май 1939; Народна библиотека «Св. св. Кирил и Методий». Болгарски исторически архив (НБКМ/БИА), ф. 18, а. ед. 4, л. 1: Это русский указ об определении Цани Гинчева почетным русским гражданином.

⁴ Ботушаров Хр. Павел Калянджи. // Радетели за просвета и книжнина. София, 1986. С. 371–380; Гинчев П. Българо-руски културни общувания през Възраждането. София, 2002. С. 166–169; Димитров А. Училището, прогресът и националната революция. Българско училище през Възраждането. София, 1987. С. 201; Кисимов П. Исторически работи. Моите спомени. Ч. 4. София, 1903. С. 27–29; Плетньов Г. Обществено-политическата дейност на Павел Калянджи през Възраждането. Лясковец в миналото. Велико Търново, 1944. С. 292–293; Червенков Н.Н. Политическите организации болгарского национально-освободительного движения во второй половине 50–60-х гг. Кишинев, 1982. С. 130; Хаджиниколова Е. Българите в Сърбско-турската война 1876 г. София, 1996. С. 217.

кой войни 1876 г. Он също автор на български учебници за школи на бесарабските българи.

Иван Калаянджи бил възпитаник на Максима Райковича от Лясковца, Христати Павловича от Свиштова и Ивана Момчилова от Елены. Он бил учител и участник на църковната борба в своето родно село, доброволец во време на Кримската война. После войни он получил наредба от руското правителство на учеба в духовната семинария на Кишинев. Такава привилегија била дадена само на него и на Н. Козлеву от Лясковца. Иван Калаянджи завршил исто така и духовната семинария во Киев, и историко-филолошкиот факултет на Киевскиот универзитет⁵.

Во 60-те години на XIX в. Иван Калаянджи бил инспектор и попечител на българските колонии во Бесарабија. Во 1862 г. он основал българско училище во Комрате, борел се за постоење на българските школи во Бесарабија. Во 1868 г. Иван Калаянджи поселил се во Кишинев и станал руски чиновник. Он создал Кишиневско българско общество за ширење на грамотноста, кое формирало български чети во Српско-турската война 1876 г. и българско ополчение во време на руско-турската война 1877–1878 г.

Род Калаянджи от Лясковца политически пораснал во време на руско-турските војни. Во Лясковце он е поврзан со родот на поп Стојан Брусев.⁶ Судбата на родот Стојан Брусев била слична на судбата на другите лясковчани, преживевши во родните места на руско-турските војни. Заедно со Иваном Калаянджи поп Стојан Брусев бил учител во Лясковце. Освен тоа, он бил възпитаник на архим. Максима Райковича, виден деятел на църковното движење и бил во редот на најважните противници на «грецизмот» во Лясковце.^{6а}

По зборовите на Еню Кырпачева, родот на поп Стојан Брусев потекнал од Калофера⁷. Негови представители живееле во «Ангелската махала» во Калоферу при църквата «Света Архангел». Стојан Брусев од Калофера учествувал во доброволската чета во време на руско-турската война 1806–1812 г. и

⁵ Бананов П. Нова Бугарија. Отец Паисий, 1938. № 9; Бонева В. Папдели Кисимов во Бесарабија (1862–1865); Бугарите во Северното Причерноморје. Истражувања и материјали. Велико Търново, 1997. Т. 6. С. 254–255; Белчев Б. Иван С. Иванов-Калаянджи развитието на бугарската възрожденска просвета до 1866 г. // Научна седница, посветена на 100-годишнината на проф. Петър Ников. — Известия на Бугарското историско друштво. Т. 38. Софија, 1986. С. 186–193; Иванов Ив. Ст. Сборник на статии. Кишинев, 1896; Калчев К. Историски календар за бесарабските бугари. Велико Търново, 2001. С. 8, 126; Минева Д. Град Лясковец, Миналото, сегашно сстояние и дејци. С. 334–336; Оџаков П. Местовъзпитанието на нашите учени во настоящето столетие до 1886 г. // Училищен преглед. IX. 1904. № 1–2; Пенанов Ив. Бугарите во Јужна Бесарабија. Отец Паисий. 1938. № 5, 7, 9; Шипчанов П. Иван Степанович Иванов-Калаянджи. // Военно-историски сборник. 1987. № 5. С. 154–166; Хаджи-николова Ел. Иван Ст. Иванов. // Радетели за просвета и книжнина. С. 234–239.

⁶ Попиванов Петър Хр. Мала Лясковска сага. (Отец Иван Шаранков, поп Стојан Брусев). Под општа редакција на акад. Иван Радев. Велико Търново, 2005. С. 45.

⁷ Генчева Цв. Просветното и културно развитие на Лясковец през XIX в. // Лясковец во миналото. Велико Търново, 1994. С. 110–113.

получил императорское русское свидетельство и императорский указ от 1812 г. из Калофера семья Стояна Бруссева переселилась в Кишинев.

Жизнь и деятельность Стояна Бруссева из Ляковца были документально описаны в воспоминаниях, оставленных Петром Хр. Попивановым, и изданы акад. Иваном Радевым. Однако если вернемся к Еню Кърпачеву, то увидим, что род Брусевых берет свое начало из Калофера, и его представители из этого города тоже были участниками болгарского добровольческого движения во время русско-турецких войн.

Поп Стоян Брусев из Ляковца, по словам Петра Хр. Попиванова, был активной фигурой в восстании воеводы Н. Филиповского во время Крымской войны. Чета Филиповского была сформирована главным образом из ляковчан при Ляковецком монастыре, который она охраняла в Габровских Балканах до смерти воеводы. Эти утверждения Петра Хр. Попиванова правдоподобны и дополняют существующие мнения.

Однако, если обратиться к исследованиям видного советского ученого В.Д. Конобеева, следует отметить, что еще в 60-е годы XX в. Конобеев открыл существование самостоятельного болгарского национально-освободительного движения во время русско-турецких войн⁸. В.Д. Конобеев считал, что Россия в войне 1828–1829 гг. поддерживала идею восстания в Болгарии, Сербии, Македонии и Румелии, но не успела ее осуществить. Тогда русское командование дало приказ о переселении болгар в Россию⁹.

Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. болгарское национально-освободительное движение развернулось в районах, где велись военные действия. Одним из этих районов была Северо-Восточная Болгария с центром в г. Силистра. В 1835 г. Г. Мамарчев и Г.С. Раковский организовали в Силистре Велчову завету, а во время Крымской войны — Тайное общество и восстание Н. Филиповского¹⁰. Стефан Дойнов пишет, что Велчова завета была отправным пунктом в направлении национально-освободительного движения по пути самостоятельных действий¹¹. Благо-

⁸ Начов Н. Из ръкописите на Еня Хр. Кърпачов. София, 1932. С. 123–113

⁹ Конобеев В.Д. Национально-освободительное движение в Болгарии 1828–1829. // Ученые записки Института славяноведения АН СССР. М., 1960. Т. 20. С. 221–274; он же. Болгарское национально-освободительное движение. Идеология, программа, развитие. Под ред. на Крумка Шарова. София, 1972. С. 451.

¹⁰ Конобеев В.Д. Болгарское национально-освободительное движение... С. 144–145.

¹¹ Там же. С. 281–304; Грек Ив. Болгарските доброволци (волонтеры) от 1828–1829 г. // Векове, 1975. № 5; Филипова Д. Силистра град на 18 века. Силистра, 1969; Романски Ст. Георги Мамарчев и доброволческата му команда от 1828–1829. // Списание на Българската академия на науките. София, 1921. Кн. 22. С. 175–207. Тайное общество Раковского (1853–1854) было создано и действовало с ведома и одобрения Ивана Калаянджи из Кишишева. Общество было связано с церковной борьбой, и в нем участвовали видные церковные деятели из Ляковца и Тырнова (Кыпчо Кесаров, Никола Козлев, Иван Цонзоров, Петко Р. Славейков и др.). См. Косев Д. Отражения на Крымската война (1853–1856) в България. // Исто-

даря Георгию Мамарчеву восстание было подготовлено в 1835 г. в Тырново Велчо Атанасовым-Стекольщиком, Василом Хадживылковым и др. Позднее деятели Велчовой заavery создали и Тайное общество Раковского. Все эти движения укрепляли болгарский революционный дух. По словам Ст. Дойнова, Велчова заверя и восстание Николы Филиповского, организованное Тайным обществом, были вершиной болгарского национально-освободительного движения первой половины XIX в.

Н. Филиповский подготовил свою чету еще в 1854 г. в Лясковецком монастыре, но непосредственная помощь шла не только от Раковского и Тайного общества, но и от Ивана Калянджи, который во время войны поселился в Силистре. В то время Цани Калянджи, отец Ивана, находился в штабе русской армии. Тайное общество, как и Велчова заверя, были ориентированы на русскую помощь. Надежды на нее входили в планы Раковского и Ивана Калянджи, в действия Раковского в Цариграде, Афинах и в Брэильские бунты 40-х годов XIX в.¹²

Тайное общество и восстание Николы Филиповского были связаны с Лясковцем. В четах Н. Филиповского были в основном болгары из Лясковца, и среди них был поп Стоян Брусев¹³. Поп Стоян Брусев после разгрома четы ушел в Бессарабию, где русское правительство дало ему надел земли. Здесь он служил священником в болгарской церкви в с. Кайраклия¹⁴. В 1870 г. поп Стоян Брусев вернулся в Лясковец, но его сын Христо Брусев остался в Бессарабии и окончил Болградское центральное болгарское училище и Одесский правовой факультет¹⁵.

Хр. Брусев также вернулся в Лясковец и стал помощником Николая Жекова в его работе в качестве ректора Петропавловской духовной семинарии в Лясковецком монастыре¹⁶. Хр. Брусев и Н. Жеков помогали Антиму I в его избрании болгарским экзархом¹⁷.

рически преглед. III. 1946–1947. № 2; *Трайков В.* Раковски и балканските народи. София, 1971.

¹² *Дойнов Ст.* Българите в руско-турецките войни. 1774–1850. София, 1987. С. 146–150, 159, 175 и др.

¹³ *Конобеев В.Д.* Българското националноосвободително движение... С. 281–287; *Москов М.* Лясковец. Миналото и бъднините му. Тырново, 1920. С. 16; *Пенев Б.* Биографични бележки за Раковски от Петко Р. Славейков. // *Вестник на вестниците.* Бр. 2 от 7 януари 1917 г.; *Пенев Б., Арнаулов М., Стоилов А.* Георги С. Раковски. По случай 50-годишнината от смъртта му. София, 1917. С. 13, 23–25, 33, 40, 134; *Романски Ст.* Раковски и балканските народи. София, 1971. С. 44, 150, 195, 204, 330, 332, 386, 414–418 и др. В. Трайков високо оценявал исследования В.Д. Конобеева, который первым установил, что Раковский сам связался с русским командованием во время Крымской войны, чтобы согласовывать действия армии с болгарским четническим движением в болгарских землях.

¹⁴ *Гьбенски Хр. и П.* Историята на град Габрово и габровските въстания. Габрово, 2003. С. 117–118; *Минев Д.* Град Лясковец... С. 55–61.

¹⁵ *Попиванов Петър Хр.* Малка Лясковска сага... С. 24, 43, 51, 55–64.

¹⁶ Там же. С. 49. Хр. Брусев стал членом Лясковецкого революционного комитета, созданного Левским. Он умер в Лясковце будучи судьей. См. *Титоров Й.* Българите в

С борьбой за избрание болгарского экзарха также связаны Христо Г. Данов и Николай Живков. Они были очень благодарны Хр. Брусеву за его позицию в избрании Ангима I. Такое их отношение нашло отражение в сохранившейся переписке между Хр. Брусевым и Хр. Г. Дановым¹⁸. Хр. Г. Данов вместе с Николаем Живковым, управляющим Русенским книжным магазином Данова, были не только благодарны за оказанную помощь Ангиму I, но в благодарность за неё помогли Хр. Брусеву напечатать его книги в Вене. Также они отправили ему учебные пособия для школы в Лясковце и др.

Никола Козлев был другим видным лясковецким учителем, судьба которого была схожа с судьбами Брусева и Калянджи. Подобно им он начал свою политическую деятельность, приняв участие в церковной борьбе в Лясковце. Он тоже был участником восстания Николы Филиповского. Н. Козлев смог спастись в Бессарабии, а русское правительство устроило его в Духовную семинарию в Кишиневе¹⁹. Н. Козлев был первым болгарин-стипендиатом Кишиневской духовной семинарии наряду с болгаринами из Македонии (Скопье и Охрид).

Кишиневская семинария открылась в 1813 г., сразу же после присоединения Бессарабии к Российской империи. В 1824 г. в семинарию поступили первые болгарские ученики-стипендиаты²⁰. Это были болгары из Македонии, а наряду с ними и болгарин из Лясковца. В 60–70-е годы XIX в. интерес Кишиневской духовной семинарии к болгарам усилился.

Кишиневская духовная семинария вновь обратила внимание на болгар в 1869 г., когда 19 представителей бессарабских колонистов во главе с настоятелем Киприяновского монастыря просили бессарабского губернатора в Кишиневе принять меры по развитию болгарского просве-

Бессарабия. София, 1905. С. 326; Лясковец в миналото. Велико Тырново, 1994. С. 79, 82, 139. Хр. Брусев приобрел доверие Н. Жекова, так как его отец поп Стоян Брусев был первым учеником архим. Максима Райковича, игумена Лясковецкого монастыря и участника Велчовой завары. Н. Жеков продолжил учительское и революционное поприще архим. Максима Райковича в Лясковце и как его ученик стал ректором Тырновского епархиального богословского училища, открытого Иларионом Макариопольским в Лясковецком монастыре в 1874 г.

¹⁷ НБКМ/БИА. Ф. 68. А. ед. 4. Л. 6–9, 21–23. Там же. ПВ-5437, 5451, 5458.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Радкова Р. Нови данни за просветно-църковното състояние на българските колонии в Новорусийска край и в Бессарабия през първата половина на XIX в. // Известия на Българското историческо дружество. София, 1978. Кн. 32. С. 103; Н. Козлев был не только участником восстания Капитана Дсда Николы (Н. Филиповского), но и работал в комитетской организации Левского. Он был учителем не только в Лясковце, но и в Бессарабии. Он являлся известным поэтом, а после Освобождения снова стал учителем в Болгарии.

²⁰ Бъчварова Н. Възпиталици на южноруските училища и развитие научных знаний в Болгария (XIX в.) София, 1989. С. 14; Поглубко К. А. За да бъдат полезни на народа си. София, 1976. С. 27–32; Радкова Р. Нови данни за просветно... С. 103.

щения в бессарабских колониях²¹. В результате лясковчанин Иван Колянджи создал Кишиневское болгарское общество по распространению грамотности.

Кишиневское болгарское общество официально начало работать в 1871 г. Однако еще в 1869 г. оно стремилось укреплять свои связи с Тырново и с Лясковцем — очагами революционных бунтов времен русско-турецких войн начала XIX в. По настоянию Ивана Калянджи Кишиневское общество приняло своих первых стипендиатов из Тырново и Лясковца²².

Третий большой род Лясковца, связанный с попом Стояном Брусевым, а также с церковным и революционным движением в городе, был род попа Ивана Шаранкова. Об этом роде упоминалось еще в воспоминаниях Петра Хр. Попиванова. По словам Н. Жечева, поп Иван Шаранков был среди тех, кому давали клятву в Велчовой завере²³. М. Москов и Д. Минев поставили род Ивана Шаранкова среди видных родов лясковцев чорбаджиев²⁴.

Об участниках Велчовой заavery П. Кисимов писал, что у них не было другой надежды, «как только на самих себя»²⁵. Он же писал, что заговор стал реальностью после русско-турецкой войны 1828–1829 гг., поскольку этой войной «население было ободрено и материально улучшено...»²⁶.

Петр Хр. Попиванов очень обстоятельно остановился на политической деятельности попа Ивана Шаранкова, о котором мало известно. Его воспоминания являются продолжением рассказа о попе Иване Шаранкове из документального сборника «Болгарское восстание 1835 г.». По словам Петра Попиванова, Иван Шаранков созвал первое заседание Велчовой заavery с вехома Тырновского греческого митрополита Иллариона в греческом училище при Митрополии в Тырново. Греческое училище стало одним из центров заговора²⁷. Этот факт свидетельствует, о том, что Завера

²¹ *Генчев Н.* Болгаро-руски културни общування през възраждането... С. 168; *Дойнов Ст.* Болгарите в Украйна и Молдова през Възраждането (1751–1878). София, 2005. С. 330–338; *Забунув И.Д.* Болгары на юге России и национальное болгарское возрождение в 50–70 гг. XIX в. Кишинев, 1981. С. 51–52; *Минев Д.* Просветно дело в Лясковец. София, 1970. С. 75–97; *Оджаков П.* Южнославянският пансион на г-на Т. Минкова в России — град Николаев. Материали за учебното дело в България. Св. 2. София, 1905. С. 29; *Поглубко К.А.* Весна Освобождения. Кишинев, 1978. С. 90–91; *он же.* Из истории болгаро-русских культурных связей 40–70 годов XIX в. Кишинев, 1976. С. 167; *Хаджиниколова Ел.* Болгарските преселници в южните области на Русия (1856–1877). София, 1987. С. 142–144.

²² *Минев Д.* Град Лясковец... С. 121; *Кулелиев Йорд.* Девическото образование във Велико Тырново преди Освобождението (1822–1877). В: Тырново, 1936. С. 46, 62.

²³ *Жечев Н.* Велчовата завера. София, 1985. С. 42.

²⁴ *Москов М.* Лясковец. С. 11; *Минев Д.* Град Лясковец... С. 40.

²⁵ *Българското въстание от 1835 г.* (Велчовата завера). Материали и документи. Съставител, автор на предговора и на очерците — проф. д.ф.н. Иван Радев. Велико Тырново, 2000. С. 69.

²⁶ Там же. С. 70.

²⁷ *Попиванов Петър Хр.* Малка Лясковска сага... С. 27–29.

не только находилась под влиянием греческого освободительного движения, но и о том, что она была направлена против Цариградской Патриархии. Ив. Шаранков был переселенцем из Янины, вдохновленный идеями Греческой заavery (греческого восстания 1821 г.)²⁸.

Поп Иван Шаранков, известный как поп Иван-Лясковчанин, был старостой кафедральной церкви «Св. Богородица» в Тырново, после разгрома Велчовой заavery вернулся в церковь «Св. Димитрий» в Лясковец. Похоронен в церкви «Св. Николай» в Лясковце.

Судьба, подобная судьбе Ив. Шаранкова, была и у Антона Никопита из Македонии, который пришел в Лясковец из Скопье и тоже был под влиянием идей Греческой заavery. По словам Петра Хр. Попиванова, Ив. Шаранков и Антон Никопит были частью тысяч «славяноболгар», которые населяли Юго-Западную Грецию в те годы. (Е. Х. — поднимался вопрос об Эгейской Македонии).

Антон Никопит-Македонец был верным помощником Мамарчева. Он являлся членом Тырновского комитета, во главе с Велчо Атанасовым-Стекольщиком (Болга)²⁹. Клятва заговорщиков в Тырново приносилась Велчо Заговорщику (Е. Х. — Велчо Атанасов-Стекольщик), учителю Антону Никопиту-Македонцу и попу Ивану Шаранкову-Лясковчанину³⁰. Поп Иван Шаранков входил и в состав Лясковецкого комитета. Лясковецкий комитет находился среди центров заговора (Тырново, Тырновская округа, Елена, Еленский округ, Трявна, Дряново, Габрово и Горна Оряховица). Участие двух болгар из Эгейской Македонии в Завере показывает, что македонские болгары были тесно связаны с национально-освободительным движением болгарского народа.

Воспоминания Петра Хр. Попиванова дают представление и о возможностях, которые предоставляла Россия деятелям революционной эмиграции, спасшимся в Бессарабии. Одному из дядей П. Хр. Попиванова удалось получить стипендию Тодора Минкова для учебы в Николаевском пансионе и окончить гимназию в Николаеве (Южная Россия)³¹. Хр. Брусев, сын попа Стояна Брусева, успешно окончил Болгарское центральное училище и юридический факультет Одесского университета. Сам поп Стоян нажил, как уже говорилось, «завидное

²⁸ Попиванов Петър Хр. Малка Ляковска сага... С. 13, 25, 27–29.

²⁹ Попиванов Петър Хр. Малка Ляковска сага... С. 29–30; *Българското въстание от 1835 г.*... С. 75, 179–183.

³⁰ Попиванов Петър Хр. Малка Ляковска сага... С. 29, 31. По словам Н. Жечева, главным очагом Велчовой заavery были Плаковский монастырь, Преображенский монастырь и Лясковецкий монастырь во главе с архим. Максимом Райковичем. Клятва приносилась отцу Сергию из Плаковского монастыря, Ив. Шаранкову из Ляковца, попу Саве из Елены, хаджи Теодосию из Капиловского монастыря. См. Н. Жечев. Велчовата заavery. София, 1985. С. 42, 49, 51. В действительности оказалось, что видным деятелем в руководстве комитета, состоявшего из шести человек, был учитель Антон Никопит-Македонец.

³¹ Там же. С. 51.

благосостояние в с. Кайраклия (Бессарабия)»³². Первым учителем в болгарском училище в Комрате (Бессарабия) был Павел Калянджи из Лясковеца, который впервые написал болгарские учебники для бессарабских болгар: «Болгарский букварь», «Краткая хрестоматия», «Друг детей». Учебник «Друг детей» был издан в Одессе с посвящением Ивану Калянджи из Кишинева и Стояну Калянджи из Лясковца. Учебник содержал много страниц из «Лесного путника» Г. Раковского, материалы о Лясковце, о переселении в Россию и др. Учебники П. Калянджи распространялись в Одессе, Болграде, Галаце, Тулче, Свиштове, Пловдиве, Тырново и Лясковце³³. Их распространял среди болгар Христо Г. Данов.

Кишиневское общество по распространению грамотности поддержало планы Василия Д. Стоянова по созданию Болгарского книжного общества Брэилы. Капиталы Книжного общества состояли из взносов болгарских общин, которые участвовали в учредительном собрании. Капиталы передавались Попечительству общества в Брэиле и хранились в Одесском банке Одесского болгарского попечительства. В 1872 г. болгары из бессарабских колоний и Кишинева внесли в Одесский банк 15 000 франков³⁴. До того, как в 1872 г. он покинул Книжное общество, Стоянов пользовался поддержкой братьев Паница в Вене, бессарабских болгар Болграда и Кишинева и болгар Тулчи (Северная Добруджа)³⁵.

Во взаимоотношениях и политических связях между Кишиневским обществом по распространению грамотности, лясковецкими болгарами и Раковским важную роль играл Петр Оджакон из Лясковца. В 1869 г. П. Оджакон стал секретарем Кишиневского общества по распространению грамотности³⁶. П. Оджакон был также участником церковного движения в Лясковце и пользовался доверием Раковского.

После русско-турецких войн начала XIX в. много болгар переселилось из Лясковца в Бессарабию благодаря своим соотечественникам в До-

³² Попиванов Петър Хр. Малка Лясковска сага... С. 61. Путь попа Стояна Брусева прошел через колонию Шикирли-китай, где он сначала обосновался. См. Челах Ек. Училищното дело и културно-просветният живот на българските преселници в Бессарабия /1856–1878/. София, 1999. С. 96.

³³ Челах Ек. Културни прояви на българските преселници в руската част на Южна Бессарабия (1856–1878). //Болгария в сърцето ми. София, 1996. С. 129–130.

³⁴ Там же. С. 141; Документи за историята на БКД в Брала /1868–1876/. София, 1958. С. 14–15, 24–25, 123; Начов Н. Калофер в миналото. София, 1927. С. 488–489; Поглубко К.А. Весна Освобождения... С. 116; Диалог от букви.. Кореспонденцията между М. Дринов, Гр. Начович, В.Д. Стоянов, В. Друмев и Т. Пеев (1868–1875). Съставител Корнелия Божанова. София, 2002. С. 58, 127 и др.

³⁵ Диалог от букви... С. 38, 109, 111, 119 и др.

³⁶ Грудов В. Петър Оджакон в културните традиции на Българското Възраждане. В: Лясковец в миналото... С. 363–365; Славчев П. Исторически корени и формиране на селището. См: Лясковец в миналото... С. 11.

бруджс. С ними был связан Петр Оджаков, который организовал их в общества садоводов и овощеводов в период Первой болгарской легии (добровольческого отряда — *О. М.*) в Белграде³⁷. Лясковецкие садоводы и овощеводы были социальной основой Брэильских бунтов, болгарских легий в Белграде и Кишиневского общества по распространению грамотности. Они были самой многочисленной болгарской эмиграцией в Кишинев.

Болгарские эмигранты из Ляковца собрались в основном в Кишиневе. Один из членов этой общины — хаджи Йордан Брадата из Елены был связан с торговлей в районе Кишинева³⁸. Он был видным участником Велчовой заavery и был известен среди своих соотечественников как «человек ученый и развитой для своего времени». Во времена Заavery хаджи Йордан Брадата вместе с Митьо-Софийцем и Велчо-Стекольщиком разработал в Плаковском монастыре план восстания.

Велчова Заavery имела также значительный отклик среди болгар в Пиротском округе, «где существовал заговор 300 сел», и в Македонии, где усилилось гайдучество³⁹.

Адрианополюский мир создал для болгар возможность не только переселиться в Бессарабию, но и организовать свое национально-освободительное движение⁴⁰. В революционных бунтах во время войны 1828–1829 гг. выросли «герои» революционного движения в Ляковце, которые связали свою жизнь с Бессарабией. Ляковецкие болгары стали «деятельной патриотической совестью» болгар Кишинева. Среди видных деятелей революционного движения в Ляковце периода русско-турецких войн начала XIX в. отмечены также поп Стоян Бруссв и поп Иван Шаранков — дед и прадед болгарских академиков Радоя Попиванова и Петра Попиванова.

³⁷ *Бъчваров Ст.* Ляковец и градинарството. См: Ляковец. София, 1970. С. 51–66; *Минев Д.* Град Ляковец... С. 46–51; *Скальковский А.А.* Болгарские колонии в Бессарабии и Новороссийском крае. Одесса, 1848; *Хаджиниколова Е.* Болгарски преселници... С. 113. П. Оджаков преподавал болгарский язык и грамматику в Южнославянском пансионе Тодора Минкова в Николаеве, и в то время Иван Каланджи (Иван Ст. Иванов) пригласил его стать секретарем Кишиневского общества по распространению грамотности.

³⁸ *Българското въстание от 1835 г...* С. 61.

³⁹ Там же. С. 47–48.

⁴⁰ *Одринският мир от 1829 г. и балканските народи.* София, 1981. С. 184.

Болгарская колонизация Юга России (1820–1830)

К середине 1820-х гг. водворение задунайских переселенцев представляло хорошо налаженную организацию с широкими административно-хозяйственными и юридическими правами. Благодаря хлопотам возглавлявшего Попечительный комитет об иностранных поселенцах Южного края России И.Н. Инзова 29 декабря 1819 г. император Александр I подписал подготовленный Сенатом указ о правах задунайских переселенцев. Им было отведено около 500 тыс. десятин земли в размере 50–60 десятин на семью, даны 3-х и 7-и-летние льготы от государственных податей и повинностей¹. На берегу озера Ялпух построили административный центр болгарских колоний — город Болград. В 1827 г., по данным географа академика Л.С. Берга, в городе проживали 2270 болгар². Всего же насчитывалось 2279 жителей. В мае 1828 г. Николай I посетил главную колонию болгар. Поездка была связана с началом русско-турецкой войны. К этому времени Болград представлял хорошо оборудованный городок, в котором сосредоточились хозяйственные запасы, были построены госпиталь, дома для военного командования³. Император осмотрел квартировавший в Болграде пятидесятитысячный корпус генерала Рудзевича.

В преддверии войны русские военачальники укрепляли пограничный район. В 1827 г. определился статус запорожских казаков, сербских и болгарских волонтеров (200 семей), усть-дунайских буджакских казаков. М.С. Воронцов неоднократно писал в Петербург о необходимости поселения иностранцев, принимавших участие в русско-турецкой войне 1806–1812 гг., «в краю мало еще населенном»⁴.

В новой войне ход военной кампании предполагал участие болгарского населения на стороне России. Но российское правительство опасалось широкомасштабных действий по освобождению болгарских земель⁵. Придерживаясь Лондонского протокола, русские офицеры имели приказ отклонять желание болгар открыто выступать против турок⁶. В воззвании

¹ Оноприенко В.Ф. Главный попечитель. Из жизни и деятельности Ивана Никитича Инзова. Одесса, 2007. С. 15.

² Хазин М.Г. Твоей молвой наполнен сей предел... Повесть. Очерки. Кишинев, 1987. С. 113.

³ Фадеев М.А. Воспоминания // Русский архив. 1891. № 3. С. 415.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 2. СПб., 1830. № 913.

⁵ Грек И., Червенков Н. Българите от Украйна и Молдова. Минало и настояще. София, 1993. С. 19.

⁶ Епанчин Н. Очерк похода в Европейской Турции в 1829 г. Ч. 1. СПб., 1905. С. 89.

генерал-фельдмаршала П.Х. Витгенштейна к болгарскому населению подчеркивалось, что нужно оставаться на своих родных местах и оказывать помощь провизией, фуражем и т. д.⁷

На начальном этапе войны ситуация на Балканах сложилась не в пользу русских войск. Мусульманское население проживало компактной массой в Демиораманс, Тузлуке, Герлово и в долине реки Камчик. В селениях от Варны до Шумена преобладал болгарский элемент. Такое же положение было и в селениях Сыртовского района, южнее города Провадия. Летом 1828 г. шли ожесточенные военные действия, в которых турецкое командование придерживалось политики «опустошения земли». Местные турецкие власти изъяли продукты у местного населения. Османы, отступая вглубь, сжигали и разрушали дома, чтобы русские не могли осквернить жилища мусульман. Болгары были вынуждены оставлять места своего проживания⁸.

Командированный чиновник по особым поручениям при генерал-губернаторе Новороссийского края и Бессарабии М.С. Воронцове российский поэт В.Г. Тепляков, направленный для сбора «антиков» (памятников античности — Е.Б.) в музей древности, с ужасом писал о том, что мирные жители бродят толпами «вокруг пепла разоренных лачуг своих»⁹. Уже через месяц после начала войны отмечались случаи голодания среди болгарского населения. Спасаясь от смерти, болгары шли в русские военные лагеря и, получив необходимую помощь, уходили дальше на юго-восток Болгарии или еще дальше — в соседние Валахию или Молдавию. По заключению академика В. Хр. Христова, Северо-Восточная Болгария почти обезлюдилась¹⁰. Николай I, зная о массовой эмиграции болгар, дал указание организовать переселение болгар из Румелии. Стремясь поднять экономику в Бессарабии и Новороссии, император поддержал помещиков юга, требующих свободных рабочих рук. Однако губернские власти имели другое мнение: краю нужны были матросы.

В 1820-е гг. развернулось строительство военных и гражданских кораблей на юге России. Командир Черноморского флота А.С. Грейг, назначенный на эту должность в 1816 г., столкнулся с бесхозяйственностью: догнивали ступени и другие строения в Николаеве, Севастополе, возведенные при Г.А. Потемкине-Таврическом. Еще Александр I жаловался Грейгу, что о делах на флоте он понимает так же, как слепой судит о

⁷ Стоянов В. Документи за русско-турската война от 1828 г. // Периодично списание. 1891. № 18. С. 213.

⁸ Христов Христо В. Северовосточная Болгария во время русско-турецкой войны. 1828–1829 гг. // Военно-исторически сборник. 1980. № 4. С. 39–43.

⁹ Тепляков В.Г. Письма из Болгарии (Писания во время кампании 1829 года). М., 1833. С. 206–207.

¹⁰ Христов Христо В. Северовосточная Болгария во время русско-турецкой войны. 1828–1829 гг. // Военно-исторически сборник. 1980. № 4. С. 45–47.

красках¹¹. По его указу две трети состава команды на корабле должны были иметь российское гражданство. В 1820 г. в Николаеве построили первый на Черноморском побережье пароход «Везувий». В 1825 г. в России был построен первый военный 14-пушечный пароход «Метеор», а в 1826 г. — пароход «Молния». Во время военных событий 1828 г. перевозки между Одессой и Варной были организованы на недавно построенном корабле «Одесса»¹². Пароход построили в Николаеве по инициативе губернатора Новороссии и Бессарабии М.С. Воронцова¹³. При осаде крепости Варна Грейг и Воронцов выполняли общие задачи: один — на суше, другой — на море. Оба сторонники сильного флота, они столкнулись друг с другом, продвигая государственные интересы. Россия имела выход на Черном море, но она не могла воспользоваться плодами военных побед. М.С. Воронцов писал начальнику главного штаба А.И. Чернышеву: «Все важные европейские державы запретили в последнее время подданным своим служить на иностранных кораблях»¹⁴. Черноморское побережье Воронцов не собирался заселять русскими, так как «вся Россия, за исключением трех или четырех губерний, нуждается в жителях». В рапорте от 20 февраля 1829 г. на имя Николая I Воронцов выступил с предложением: набрать моряков — жителей прибрежных районов болгарских земель. Получив ответ от императора, Воронцов энергично взялся за дело. 19 марта 1829 г. он отправил в Николаев письмо к командующему черноморской эскадрой адмиралу А.С. Грейгу о решении Николая I. Однако Грейг считал, что вряд ли может быть реализован план Воронцова, так как население территории, занятой русскими войсками, занимается в основном виноградарством, и, скорее всего, желающих стать матросами не найдется. Неожиданно для самого М.С. Воронцова проект был изменен Николаем I, получившим информацию о беженцах. 23 февраля контр-адмирал Кумани докладывал Грейгу: «По овладении Сизополем жители соседственных с ним мест спешат искать покровительства города», 10 марта Грейг в свою очередь передал эту информацию Николаю I: «...по овладении Сизополем жители окрестных мест, убегающие от угрожающих им бедствий, стекаются в покоренный город и отдаются покровительству России»¹⁵. Воронцов — сторонник фермерского пути развития, привлекал зажиточных хозяев к освоению Новороссии. Им были выдвинуты возражения против массового переселения болгар. Во-первых, по

¹¹ Арнс Е.И. Конспект по русской военно-морской истории. СПб., 1910. С. 223.

¹² Удовик В. Воронцов. М., 2004. С. 192–193.

¹³ Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал Светлейший князь М.С. Воронцов. М., 2001. С. 273–274.

¹⁴ Цит. по: Бернштейн С.Б. Страница из истории болгарской иммиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. // Ученые записки Института славяноведения. М.–Л., 1949. С. 328.

¹⁵ Там же.

сго мнению, в Новороссийском крае осталось мало свободной земли; вторых, новороссийское генерал-губернаторство не имело материальных средств в связи с ведением войны, и, в-третьих, а это главное — М.С. Воронцов считал, что привлекать нужно матросов и портовых рабочих. Агитация населения эмиссарами, направленными Воронцовым, была встречена «в штыки» командованием Второй армии. Болгары были нужны для начавшихся фортификационных работ в Созополе. Кроме всего прочего, мужчины привлекались для волонтерской службы. Узнав от А.С. Грейга, что император решил приостановить болгарскую иммиграцию, командование Второй армии запретило эмиссарам вести пропагандистскую работу среди болгарского населения.

Разные взгляды на проблему переселения болгарского населения привели к несколько неожиданным последствиям для исполнителей задуманного М.С. Воронцовым проекта. Главный попечитель переселенцев Южного края России генерал И.Н. Инзов дал общие сведения о наличии свободной земли: всего в Херсонской губернии — 4558 десятин, из них при селе Терновка (под Николаевым) — 1360 десятин, при Парканах (Приднестровье) — 1878 десятин, при Катаржино — 1360 десятин. Достаточно много свободной земли было в Бессарабии, но она уже распределена для беженцев из Бабаунгской области¹⁶. 6 апреля 1829 г. М.С. Воронцов писал А.И. Чернышсву, о том, что желающих заниматься мореходством и судостроением можно поселить возле морских городов Одессы, Феодосии, Керчи, Херсона, Евпатории и Таганрога, но выделить им не более 3–4 десятин на семейство под усадьбу и виноград. Небольшие участки не позволяли заниматься хлебопашеством. Воронцов, учитывая уже ранее правительственный опыт в даче привилегий, предлагал матросам и портовым рабочим из болгарских земель предоставить на пять лет денежные ссуды на развитие хозяйства, подарить новые дома и освободить на 25 лет от всяких податей. Всех же земледельцев передать в ведение Попечительного комитета. И, продолжая действовать по своему плану, М.С. Воронцов послал Кумани секретное письмо, в котором просил землепашцев в Одессу не отправлять. Но контр-адмирал на основании полученной директивы от Грейга, уже направил в Одессу на двух судах болгарских крестьян-хлебопашцев. Эмиссары, которых послал Воронцов в Созополь, сообщили ему, что с трудом нашли 507 человек, готовых к переселению на правах моряков. Прибытия первых двух партий земледельцев очень обеспокоили Воронцова. Была опасность, что за первыми партиями последуют и другие, потому, что положение, в котором оказались пришедшие в русские военные лагеря толпы болгар, могло подтолкнуть их к переселению в Новороссию и Бессарабию. Воронцов обратился за помощью к Инзову — найти сво-

¹⁶ Бернштейн С.Б. Указ. соч. С. 330.

бодные земли под поселение. Также Воронцов запросил сведения о свободной земле в Крыму. Феодосийский градоначальник сообщил о наличии 500 десятин свободной земли, таганрогский — о 2464 десятинах, керченский — о 300 десятинах, а всего по всей Новороссии — 13386 десятин¹⁷. Николай I, получив сведения о земельном фонде, подписал указание о привлечении болгар, «способных к мореходству»¹⁸. Пока вопрос решался наверху, поступали партии переселенцев. 15 июня прибыла еще одна партия из Созополя численностью 124 человека. М.С. Воронцов предложил И.Н. Инзову перевозить болгар на южный берег Крыма с предоставлением им работ в виноградных и фруктовых садах как вольнонаемным. 22 июня Николай I дал разрешение для дальнейшего передвижения 124 болгар и поселения их на свободных условиях на помещичьих землях в Крыму. 27 июня М.С. Воронцов отдал распоряжение: вновь прибывающих из Созополя в Одессу отправлять в Феодосию. Николай I подписал указ «О дозволении прибывающим из Созополя в Одессу выходцам по выпуске из карантинных поступать по произволу в услужение к частным людям»¹⁹. 5 июля 1829 г. М.С. Воронцов распорядился, чтобы румелийским выходцам дано было право заниматься в Новороссийском крае частными работами: «поступать по произволу в услужение к частным людям»²⁰. Николай I завизировал эти два распоряжения М.С. Воронцова и подписал как единый указ. Подписание этого документа явилось ответом на существующие точки зрения М.С. Воронцова, И.Н. Инзова, наконец, министра финансов Е.Ф. Канкрин, считавшего, что переселение румелийских болгар не выгодно России, так как «теперь уже издерживается на переходящих из Турции в Новороссийский край ежегодно значительная сумма до 150 тыс. рублей»²¹. Кроме трат на переезд, государство предоставляло и паспорта для свободного проживания в Крыму.

По мере продвижения русской армии вглубь Балкан все большее число болгар обращалось с убедительнейшей просьбой о переправе их на левый берег Дуная и о переселении в Россию. 23 июля М.С. Воронцов разрешил жителям города Рахова переселиться в Екатеринославскую губернию и окрестности Мариуполя. Болгары, прибывшие весной 1829 г., были из юго-восточной части Болгарии, расположенной между городами Бургас, Карнобат, Ямбол, Малко Търново.

2 сентября 1829 г. между Оттоманской Портой и Россией был подписан Адрианопольский мирный трактат, по которому все занятые русскими

¹⁷ *Бернштейн С.Б.* Указ. соч. С. 335. С.Б. Бернштейн уверен, что сведения И.Н. Инзова о свободной земле явно занижены.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 4. СПб., 1830. № 2980.

²⁰ Там же.

²¹ *Бернштейн С.Б.* Указ. соч. С. 333.

войсками болгарские земли оставались в составе Османской империи²². Не получив желанной автономии, которая уже была у Сербии, болгары были разочарованы. К мирному договору между Россией и Портой был составлен Пояснительный акт, в котором подробно излагался ход выплаты Турцией России контрибуции и соответственно ухода русских войск.

Согласно статьям 1, 2 и 6 Адрианопольского мира, после выплаты Турцией России 100 тыс. дукатов в счет компенсации, предусмотренной за убытки, понесенные русскими подданными и купцами, передачи русским войскам Джурджово, а также выполнения плана, касающегося Сербии, предусматривалось освобождение городов: Адрианополя, Кирк — Килисе, Люле — Бургаз, Мидии, Иниады от русских войск в месячный срок после обмена ратификационными грамотами мирного договора.

Через 6 месяцев после обмена дашными грамотами турецкие власти обязаны были выплатить 400 тыс. дукатов в качестве возмещения убытков, понесенных русскими купцами и подданными, а русские войска обязаны были освободить всю территорию страны от Балкан до моря и Бургасского залива и все города, селения и деревни передать представителям турецкого правительства. В течение последующих 6 месяцев, когда Турция выплачивала 500 тыс. дукатов России как компенсацию за ущерб, причиненный российским купцам и подданным, русские войска должны были оставить всю Болгарию и Добруджу со всеми имеющимися на их территории городами, селениями и деревнями. Таким образом, Россия обязалась вывести свои войска с территории Болгарии²³. Исключение составляли крепость Силистрия, Молдавия и Валахия, которые Россия возвращала Турции после всех выплат, предусмотренных Ст. 3. Пояснительного акта.

При подписании мирного трактата российская дипломатия включила в него не только статью об амнистии выступавших на стороне воюющих государств, но также усилила ее, как и в русско-турецкую войну 1806–1812 гг., рядом оговорок. На основании ст. 13 желающие могли переселяться со всем имуществом в другую страну на протяжении 18 месяцев. Переселенцам разрешалось распоряжаться собственностью, приобретенной до или после войны. Им можно было переселяться со своим капиталом и движимым имуществом²⁴. Таким образом, был открыт легальный путь для перехода под юрисдикцию другого государства.

Прерванная в июне эмиграция болгар возобновилась вскоре после заключения договора. В течение сентября 1829 г. — марта 1830 г. в Южную

²² Всемирная история. Т. XVII. Национально-освободительные войны XIX века. М., 2001. С. 111.

²³ Внешняя политика России XIX и начала XX века. Сборник документов. Сер. 2. Т. 8 (16). М., 1995. С. 277.

²⁴ Там же. С. 270.

Россию из Болгарии перешло 280 семей²⁵. Основная масса болгарского населения, пока на территории Болгарии находились русские войска, надеялась на лучший исход ситуации. Руководитель добровольческих отрядов Г. Мамарчев предпринял две попытки поднять национально-освободительное восстание, закончившиеся неудачей. В результате ожесточенной внутренней борьбы болгары разделились на три лагеря²⁶. Сторонники первого считали необходимым смириться с создавшимся положением. Второй, возглавляемый Г. Мамарчевым выступал за продолжение вооруженной борьбы за политическое освобождение. Представители третьего лагеря, жители юго-восточных и северо-восточных районов, призывали к скорейшему переселению. В начале января 1830 г. в штаб-квартиру русских войск прибыла депутация от жителей Сливена, Ямбола, Неры, Казана, Башкиной и Карнобата с просьбой дать официальное разрешение на выезд из Турции и переселение в Россию²⁷. В первых числах февраля главнокомандующий 2-ой армией И.И. Дибич получил от Николая I резолюцию по болгарскому вопросу. Разрешалось переселяться «жителям Болгарии и Румелии, которые непосредственно или косвенно принимали участие в военных действиях против турок»²⁸. В условиях стихийно формирующейся болгарской эмиграции петербургский кабинет либо должен был помочь желающим переселиться, либо утратить свой авторитет среди болгар²⁹. На основании полученной инструкции из Петербурга И.И. Дибич в ответе болгарам подчеркнул неоднозначность ситуации: болгарам предоставлялось право переселения на основании ст. 13 Адрианопольского мирного трактата, Россия была готова оказать им помощь при переселении, но «нисколько к тому не приглашает»³⁰. Для осуществления контроля за исполнением ст. 13 и для защиты интересов оставшихся жителей в Сливен был направлен российский консул Г.В. Ващенко.

Положение об учреждении консульства в Сливене Николай I утвердил 11 (23) февраля 1830 г.³¹ Назначая Ващенко в Болгарию, Петербург ставил перед дипломатом задачу содействовать остановке миграционного дви-

²⁵ *Мецгерюк И.И.* Переселение болгар в Южную Бессарабию. 1828–1834 гг. Кишинев, 1965. С. 81–83.

²⁶ *Табакон С.* История на град Сливен. Т. II. София, 1924. С. 142–149.

²⁷ *Медведева О.В.* Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы (по неопубликованным документам Архива внешней политики России) // Советское славяноведение. 1988. № 4. С. 26; она же. Проблемът за българската емиграция в Русия през 1830 г. в дейността на руската дипломатия (по неопубликовани документи на АВПР) // Известия на държавните архиви. Кн. 57. София, 1989. Док. 3, 10.

²⁸ *Мецгерюк И.И.* Указ. соч. С. 81.

²⁹ *Медведева О.В.* Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы... С. 27.

³⁰ *Мецгерюк И.И.* Указ. соч. С. 82; *Медведева О.В.* Проблемът за българската емиграция в Русия... Док. 3, 10.

³¹ *Медведева О.В.* Деятельность российского консула в Сливене Г.В. Ващенко... С. 72.

жения болгар, которое «весьма мало соответствует интересам России и будет губительно для Османской империи»³². Уменьшение христианского населения в Турции способствовало ослаблению позиций России в этом регионе. Турецкое правительство обвинило Петербург в том, что массовая эмиграция болгар вызвана деятельностью российских агентов. Императорский посланник в Константинополе А.Ф. Орлов, руководствуясь инструкциями из МИДа Российской империи, дал разъяснительный ответ Порте. Он уточнил, что назначение консула было вызвано необходимостью остановки миграционного потока из Болгарии³³. Орлов раскрыл истинную цель миссии Ващенко³⁴. Назревающий конфликт между Россией и Турцией был предотвращен.

Сливенцы во главе с И. Селиминским назначили переселение на весну³⁵. Эмигранты численностью в 100 тысяч человек в основном были из Сливны, Ямболы, Варны, Стара-Загоры и окрестностей этих городов. Они собрались 13 апреля³⁶. Русские офицеры занимались оформлением видов на выезд, распределением провизии³⁷. В апреле Г.В. Ващенко сообщил К.В. Нессельроде, что предпринял все действия, чтобы остановить переселение болгар в Россию³⁸.

Академик Ст. Дойнов считает, что, начиная с 1830-х гг., проникновение русских в болгарские земли начало осуществляться на широко организованной основе и «сдва ли это случайная стратегия Петербурга в Восточном вопросе». Болгарский исследователь видит в проводимой Россией политике положительные моменты, так как используя все свои преимущества (веру, язык, географический фактор и т. д.), она ослабляла западноевропейскую экспансию и создавала благоприятные условия для развития российско-болгарского союза, действия которого были направлены против Турции³⁹.

Как правило, переселенцы отправлялись в Бессарабию. Часть из них оседала в Одессе. И хотя на переселенцев должен был распространяться установленный еще в начале XIX века имущественный ценз, тем не менее в данной ситуации невозможно было придерживаться строго установленных процессуальных норм.

³² Цит. по: *Медведева О.В.* Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы... С. 27–28.

³³ Там же.

³⁴ *Медведева О.В.* Проблемът за българската емиграция в Русия... Док. 6.

³⁵ Арнаудов М. Селимински. Живот, дело, идеи (1799–1867). София, 1938. С. 142–146; Пастухов С. Българска история. Т. 2., С. 657; Станев П. България под иго (1393–1878). София, 1943. С. 318; Табаков С. История на град Сливен. Т. II. София, 1924. С. 140.

³⁶ Табаков С. Указ. соч. С. 16, 145, 147.

³⁷ *Мещеряк И.И.* Указ. соч. С. 90; *Медведева О.В.* Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы... С. 27.

³⁸ *Медведева О.В.* Проблемът за българската емиграция в Русия... Док. 1, 2, 5, 6.

³⁹ *Дойнов Ст.* Българите и руско-турските войни. 1774–1856. София, 1987. С. 222–223.

К 5 мая 1830 г. более 40 тысячам болгар русские власти выдали билеты для переселения в Бессарабию⁴⁰. Болгары шли через Одесский, Аккерманский, Сатуновский, Керченский, Измаильский, Феодосийский, Севастопольский и Овидиопольский карантин. Основной поток переселенцев проходил через Сатуновский карантин (51 150 человек)⁴¹, где переселенцами занимался адъютант начальника главного штаба А.И. Чернышева гвардии капитан Золотарев. «Все дороги от Балкан до Дуная покрыты людьми, ищущими спасения и спокойствия», — отмечал Чернышев. К концу июня в губернскую канцелярию к М.С. Воронцову поступили сводные сведения из Сатуново, что через реку Камчик переправилось более 70 тыс. с начала переселения⁴². Из них к концу октября 1830 г. в Бессарабию и Новороссийский край перешли 58 727 человек⁴³. В целом, по мнению академика Ст. Дойнова, из Болгарии за два года эмигрировало около 140 тыс. человек⁴⁴.

А.И. Чернышев распорядился выдать болгарам хлеб из провиантских магазинов. Для переселенцев покупали зелень и другие припасы, а также разрешалось отпускать водку и уксус «для отвращения цынготной или другой болезни, происходящей от нечистоты воздуха и испорченной воды»⁴⁵. Узнав о том, что у болгар имеются в наличии только турецкие деньги (а в приграничных пунктах не было возможности их обменять), Воронцов отправил для переселенцев 15 тыс. рублей для обмена по одесскому курсу.

7 июля 1830 г. Николай I подписал подготовленный М.С. Воронцовым проект «О призрении и устройстве выходящих в Россию болгар и других единоверцев». Болгар разделили по профессиональному признаку на две группы: 1. Причисляющиеся «в матросский цех для поощрения собственной мореходной промышленности» освобождались от всех податей на 25 лет; 2. Желаящие вступить в мещанство освобождались от всех податей и рекрутской повинности на 10 лет. Им разрешалось записываться в мещане без согласия общества. Сироты и вдовы должны были содержаться на средства колоний⁴⁶. Во всех принятых указах не было никаких распоряжений о раздаче свободной земли и выдаче денежных пособий. Хотя понятно, что расходы российского правительства по обеспечению

⁴⁰ ПСЗ РИ—2. Т. 5. № 3697.

⁴¹ Грек И., Червенков Н. Указ. соч. С. 21.

⁴² Там же. *Дойнов Ст.* Преселнически движения от българските движения от българските земи по времена русско-турските войни през първата половина на XIX в. // *Българското възраждане и Русия.* София, 1981. С. 310.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. С. 269; *Трайков В., Жечев Н.* Българска емиграция в Румъния XIV век—1878. София, 1986. С. 113.

⁴⁵ ПСЗ РИ—2. Т. 5. № 3697.

⁴⁶ Там же.

переселенцев всем необходимым были очень велики. К концу мая 1830 г. на переселенцев было потрачено 71 тыс. левов и 65 тыс. рублей⁴⁷.

По предложению Воронцова в июле 1830 г. крестьянам из внутренних губерний империи запрещалось переселяться на Юг. Свободные государственные земли передавались в колониистское ведомство⁴⁸. Но земли для новичков не хватало. И.И. Инзов призывал старожилов-колониистов выделить по 10 десятин от семьи в пользу соотечественников.

В 30-е годы XIX в. в колониальном управленческом аппарате наблюдались растущая безответственность чиновников. Действия Попечительного комитета «стали ограничиваться бумагомаранием и требованиями о доставлении множества ведомостей с неверными цифрами»⁴⁹. В 1831–1834 гг. отмечались эпидемии чумы и холеры, засуха. Высокая смертность и возникшие экономические трудности послужили поводом для эмиграции болгар. Переселенцы, прибывшие в Буджак во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и после Адрианопольского мира, отказались оставаться в Буджаке. В этот период в Болгарию, Валахию и Запрутскую Молдавию выехало 18840 задунайских переселенцев⁵⁰. Несмотря на отток болгарского населения из Бессарабии, за время войны и в первые годы после ее окончания на территории Бессарабии возникло 26 новых сел. К 1832 г. насчитывалось 83 болгарские колонии⁵¹, численность которых не изменилась вплоть до 1860-х гг. К 1835 г. количество болгар на ее территории составляло 57164 человека⁵².

В 1836 г. началась подготовка к эвакуации русских войск из Силистрии. Члены Силистринского магистрата и некоторые из турецких пашей были награждены «за преданность» России⁵³. По предполагаемому переселению турецких подданных из Силистрии и его окрестностей между К.В. Нессельроде и военными завязалась переписка. К.В. Нессельроде просил составить подробнейший список желающих переселиться в Россию. На 22 июля командир 5-го Пехотного корпуса генерал-адъютант Муравьев через деревенских старшин собрал следующие данные: желание переселиться в Россию изъявило 62 семьи (1659 душ мужского пола, 1465 душ женского пола, а всего — 3124 души обоего пола). Перед новороссийским и бессарабским генерал-губернатором А.Г. Строгановым встал сложный вопрос: «Может ли быть допущено таковое новое пересе-

⁴⁷ Бернштейн С.Б. Указ. соч. С. 341.

⁴⁸ ПСЗ РИ–2. Т. 5. № 3775.

⁴⁹ Фадеев А.М. Воспоминания // Русский архив. 1891. № 4. С. 468.

⁵⁰ Мецерьук И.И. Указ соч. С. 198.

⁵¹ Мецерьук И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел в Южной Бессарабии (1808–1856 гг.). Кишинев, 1970. С. 4.

⁵² Хаджишколова Е. Българските преселници в Южните области на Русия. 1856–1877. София, 1987. С. 27.

⁵³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Славянский стол. Оп. 495. 1836–1860 гг. Д. 8597. Л.14.

ление болгар, турецких подданных, в Россию, на основании заключенных с Турцией трактатов?» (Адрианопольский мирный трактат и Пояснительный к нему акт — Е.Б.). Еще в начале июня К.В. Нессельроде писал генерал-адъютанту при императоре Э. Адлербергу, что «на основании ст. 13 известного трактата после оставления русскими войсками Силистры у желающих на переход в Россию сть 18 мессяцев». А 23 июля К.В. Нессельроде дал указание министру внутренних дел Д.Н. Блудову действовать «по строгому смыслу трактата», и как пожелание «я бы... не освящал таковой переход их (болгар — Авт.) из турецких владений явным дозволением» от российского правительства. Понимая, что желающих покинуть Силистрию ждут репрессии и многочисленные препятствия со стороны турок, К.В. Нессельроде советовал желающим переселиться «теперь же, пока крепость Силистрия занята еще нашими войсками», и просил коменданта крепости Марачева содействовать в быстром переселении. У нас нет данных, когда вышли переселенцы из Силистрии и ее окрестностей, но известно, что 31 августа 1836 г. ни консул в Бухаресте Рикман, ни военный министр А.И. Чернышев не имели сведений о переселенцах. Только в конце октября жители Силистринского округа подошли к российско-молдавской границе. Между консульством Российской империи в Молдавии, Азиатским департаментом МИДа и молдавским правительством возникли трения. У переселенцев были турецкие и сербские паспорта. Все они шли с предписанием следовать в Молдавию. Не смотря на то, что Азиатский департамент был информирован о готовящемся переходе из Силистрии, российский консул в Молдавии не имел предписания о выдаче паспортов на въезд в Россию. Российский консул требовал такой выдачи от молдавского правительства, но оно «продолжало присылать в (русское — Е.Б.) консульство требования о снабжении турецких подданных паспортами» для следования на российскую территорию. И хотя еще граф А.Г. Строганов считал это «переселение по ближайшем и подробнейшем рассмотрении полезным и удобным»⁵⁴, однако российское правительство открыто не показывало, что поддерживает переселенцев, принимавших участие в антитурецких выступлениях. Петербург старался не столкнуться с интересами Англии, выступавшей против силистринского переселения.

Миграционный поток из Силистрии по своему составу отличался от предыдущих тем, что наряду с болгарами турецкую территорию в числе беженцев покинули украинцы, некрасовцы, молдаване, греки (во время войны были еще и казаки Запорожской Сечи)⁵⁵. Перечисляемая ведомость о

⁵⁴ Белова Е.В. Миграционная политика на Юге Российской империи и переселение болгар в Новороссийский край и Бессарабию (1751–1871 гг.). М., 2004. С. 120–121.

⁵⁵ См.: Шафранов П.А. О водворении в Россию запорожских казаков, возвратившихся из-за Дуная в 1828 г. // Исторические материалы из архива министерства государственных имуществ. Вып. 1. Ч. 1. Спб., 1891. С. 208–221.

числе жителей, выехавших из крепости Силистрия и округа в Россию и Дунайские княжества, показывает, что всего переселилось 2 388 человек⁵⁶. Из них больше всего было болгар — 1346 человек, часть из них перешла в Россию — 640 человек, 11 человек остались в Молдавии, а основной поток — 1213 болгар остались в Валахии, не дождавшись официального разрешения на въезд в Россию. Российское правительство ожидало массового прихода сербов, но всего их переселилось из Силистрии 34 человека. Кроме сербов и болгар в России поселились украинцы (это была вторая по численности группа после болгар) — 310 человек. Всего их выехало 348 душ обоого пола. Из 74 некрасовцев, убывших из Силистрии, в России осталось 70 человек. Кроме того, в Дунайские княжества и Россию перешли 218 греков, 139 молдаван и 104 цыгана⁵⁷.

У нас нет данных, почему из 3124 желающих переселиться в Россию всего выехало 2388 человек, причем в России поселилось 640 человек. Это малочисленное переселение показало, что, идя навстречу болгарам, оказывая им незамедлительную помощь при переходе, в целом петербургский кабинет обходил болгарский вопрос. Вопрос о паспортах, ставший открытым в эти годы и в дальнейшем, например, при переселении из Молдавской Бессарабии в 1860–1862 гг., решался точно по такой же схеме, как и при Силистринском переселении.

В 1836 г. в Бессарабии насчитывалось 57 440 задунайских переселенцев⁵⁸. В 1840-е гг. население болгарских колоний выросло за счет внутренних резервов (создание молодых семей, рождаемость). За два десятилетия задунайские переселенцы построили 83 хорошо спланированных и устроенных поселения, превратили пустынные степи в благодатную житницу, завели прекрасные сады и виноградники, огороды и лесные плантации, заложили основы современного земледелия. В 1846 г. в болгарских колониях кроме болгар проживали молдаване, греки, арнауты, украинцы, цыгане. В состав Бессарабского Болгарского водворения входили 12 молдавских и 1 украинское поселения, которые обладали, как и задунайские переселенцы, правами колонистов⁵⁹. Болгарский элемент был преобладающим. Из 87894 жителей болгарских колоний 73230 были болгарами⁶⁰.

⁵⁶ АВПРИ. Ф. Славянский стол. Оп. 495. 1836–1860 гг. Д. 8597. Л.24–25; Грек И., Червенков Н. Указ соч. С. 26.

⁵⁷ Белова Е.В. Указ. соч. С. 123.

⁵⁸ Д-р Иван Селимински, като учител, лекар и общественник. София, 1962. С. 112.

⁵⁹ Новаков С.З., Старостенко Н.Н. К истории освящения трехпрестольной во имя преображения господня. Предтечи крестителя Иоанна и архангела Михаила церкви в колонии Болград (Бессарабия, 15 октября 1838 г.) // Славянские культуры в инонациональной среде. Материалы международной научно-практической конференции. Май. 1995. Кишинев, 1995. С. 113.

⁶⁰ Скальковский А. Хронологическое описание Новороссийского края. Ч. 2. Одесса, 1838. С. 100.

Сами болгары разделяли себя на разные этнические группы. Те из них, которые поселились до 1830 г., называли себя «старыми», а поселившиеся после 1830 г. — «новыми». Самые первые выходцы из Болгарии в народе звались «македонскими»; выходцы из Добруджи — «гагаузами»; болгары родом из Софийской, Пиротской, Берцовицкой и Кестенджийской областей — «шопами»; последние выходцы из Румелии (переселение 1830 г.) — «черными болгарами»⁶¹.

Как верно замечает О. Демин, «...болгары, получив колониетские привилегии, сохранили компактность расселения. К тому же, соседство с немецкими колонистами и молдавскими селами способствовало языковому изоляционизму»⁶². В результате миграционных процессов XVIII – первой трети XIX вв. значительно изменилась этническая картина изучаемого региона. В своих чертах она приобрела тот облик, который с небольшими изменениями сохранился и поныне на территории Украины и Молдавии.

⁶¹ Список населенных мест по сведениям 1859 г. Ч. III. Бессарабская область. Спб., 1861. С. XXIII.

⁶² Демин О. Русификация в сфере образования болгарского населения // Болгарите в Северното Причерноморие. Изследвания и материали. Т. 9. Одеса, 2006. С. 150.

Страница из истории болгарской эмиграции в Россию. Памяти С.Б. Бернштейна и И.И. Мещерюка

Переселение болгарского населения из Юго-Восточной и Восточной Болгарии в Дунайские княжества и Россию сразу после окончания русско-турецкой войны 1828–1829 гг., особенно большого размаха достигшее весной–летом 1830 г., — один из наиболее значительных эпизодов многовековой истории болгарской эмиграции, прежде всего, в силу своей массовости. Болгарские земли тогда покинули 130–140 тыс. человек,¹ что оказало в дальнейшем ощутимое влияние на процесс исторического развития болгарского народа. Единовременный уход с возделываемых земель десятков тысяч непосредственных производителей нанес тяжелый удар по экономике данного региона, уменьшил болгарский этнический элемент, ослабил сопротивление болгар национальному гнету, раздробил силы формировавшейся нации.

Вместе с тем нельзя не отметить, что переселение усилило болгарские колонии в Дунайских княжествах и на Юге России, ставшие центрами консолидации капиталов, формирования национальной буржуазии, выработки идеологических и организационных основ национально-освободительного движения.

Это важное историческое явление с давних пор привлекало внимание русских, советских, болгарских, румынских историков. Однако специальных исследований по этой теме сравнительно немного². Следует отме-

¹ Дойнов Ст. Преселнически движения от българските земи по време на руски-турските войни през първата половина на XIX в. // Българското възраждане и Русия. София, 1981. С. 311–312; История на България в 14 тома. Т. V. София, 1985. С. 209.

² Кисимов П. Бягство на сливенци подир руските войски на 1830 г. // Българска сбирка, г. X. Кн. I. София, 1903; Скальковский А. Болгарские колонии в Буджаке и Новороссийском крае. Одесса, 1848; Иванов И. Краткий очерк болгарских колоний в Бессарабии. // Записки Бессарабского областного статистического комитета. Т. 3. Кишинев, 1864; Занетов Г. Българските колонии в Русия. Колоните в Бесарабия. Периодично списание българското книжовно дружество в Средец. Т. 48. Средец, 1895; Титоров Й. Българите в Бесарабия. София, 1905; Державин Н.С. Болгарские колонии в России. Т. II. СПб., 1915; Дякович В. Българите в Бесарабия. Кратък исторически очерк. София, 1930; Nistor I. Aserarile bulgare și gagueze din Basarabia. Analele Academiei. S. III. Т. XXVI, mem. 3. București, 1944 Велики К. Румыно-русская помощь, оказанная болгарам, эмигрировавшим в румынские княжества вследствие войны 1828–1829 гг. // Romanoslavica, v. II. București, 1958; Velichi C. Emigrari la Nord și la Sud de Dunăre în perioada 1828–1834. // Romanoslavica. V. XI. București, 1965; Velichi C.N. La contribustion de l'émigration bulgare de Valachi à la renaissance politique et culturelle

тить, что большинство работ посвящено рассмотрению различных аспектов этой проблемы в послесосновый период, а именно — эмиграции болгарского населения в 1830 г.

Не ставя своей задачей составление полного историографического обзора, мы хотим в данной статье остановиться на исследованиях только двух советских исследователей — С.Б. Бернштейна и И.И. Мещеряка, которые первыми (и до сих пор единственными) смогли на основе документов показать, что в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. следует различать несколько этапов эмиграции населения: во время и после окончания военных действий. Доказав при этом, что причины, вызвавшие этот исход, не всегда можно объяснить только заинтересованностью российского правительства, а также отметив, что сама позиция России в этом вопросе в этот период претерпела изменения.

Первым на это обратил внимание проф. С.Б. Бернштейн. На основе документов из Одесского архива (ГАОО) он смог продемонстрировать, что в период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. отношение правящих кругов России к болгарской эмиграции изменилось. Во-первых, потому, что свободных земель в южнорусских провинциях оставалось сравнительно мало, во-вторых, — устройство большой массы болгарских переселенцев, среди которых было много неимущих, требовало от правительства огромных денежных расходов³.

В подходах к вопросу о переселении в правительственных кругах России не было единой точки зрения. Наиболее яркими представителями двух альтернативных кругов были губернатор Новороссийского края и Бессарабии М.С. Воронцов (как сторонник идеи переселения) и министр финансов Е.Ф. Канкрин (как противник переселения из Болгарии вообще).

du peuple bulgare. București, 1970; *Дойнов Ст.* Указ. соч. С. 302–310; *Пастухов С.* Българска история. Т. II. София, 1943. С. 659; *Кристанов Цв., Маслев С., Пенаков И.* Д-р Иван Селимински като учител, лекар и общественик. София, 1962. С. 80; *Velichi C.* Emigrarea bulgarilor din în Țara-Românească în anul 1830. Romanoslavica, v. X. București, 1965. P. 113; *Трайков В.* Руски-турските войни през XVIII–XIX в. и преселения на българи на север от Дунава. // Военноисторически сборник. София, 1986. № 3. С. 14, 16; *Трайков В.* Българска емиграция във Влашкa след Руско-турската война от 1828–1829 г. // Одринският мир от 1829 г. и балканските народи. София, 1981; *Хаджиниколова Е.* Вългарските преселници в Южните области на Русия 1856–1877. София, 1987. С. 26; *Велики К.* Емигрирането на българите от Сливца във Влахия през 1830 година // Страница от миналото на българския народ. София, 1987 и др.; *Медведева О.В.* Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы (по неопубликованным документам Архива внешней политики России) // Советское славяноведение. 1988. № 4; *Медведева О.В.* Проблемът за българска емиграция в Русия през 1830 г. в дейността на руската дипломатия. // Известия на държавните архиви. София, 1989. Кн. 57; *Степанова Л.И.* Первое консульство России в болгарских землях (Сливен, 1830–1833). // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1989.

³ *Бернштейн С.Б.* Страницы из истории болгарской эмиграции в Россию во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. // Ученые записки Института славяноведения. М.–Л., 1949. № 1. С. 327–337.

Последний полагал, что заселение Новороссийского края следовало производить только за счет русских даже в том случае, если бы вследствие этого «...край развился несколько позже»⁴. Однако в условиях сохранения крепостного права самодержавие не могло создать необходимых условий для переселения русского крестьянства, страдавшего от малоземелья в центральных губерниях, в Новороссию для ее освоения. Поэтому в ходе русско-турецкой войны поддержку петербургского кабинета нашли взгляды Воронцова. Но сложившаяся в ходе самого переселения ситуация внесла коррективы и в деятельность самого Воронцова по переселению болгар в подведомственные ему губернии.

Именно переселение жителей Восточной Болгарии весной–летом 1829 г. С.Б. Бернштейн назвал «Страницами из истории болгарских переселений». И.И. Мещерюк дополнил, углубил и развил эту тему на основе новых обнаруженных им документов. Мы в этой статье вспомним об этом, первом, этапе переселения болгарского народа в Россию в ходе русско-турецкой войны 1828–1829 гг., который стал известен благодаря исследованиям этих двух видных советских историков.

Вопрос о переселении встал перед болгарским населением уже в первые месяцы войны. Отступая, османы принуждали христиан покидать свои жилища и угоняли их за Балканы. Турки предавали огню болгарские села и города, стремясь оставить наступающим русским войскам одни безводные села. Многие болгары, которых турки угоняли с собой, а русские войска освободили и вернули в покинутые ими города и села, уже в мае–июне 1828 г. обратились к русскому командованию с просьбой переселиться за Дунай. Им было дано разрешение переселиться в Валахию. Таким образом, эта волна переселения была вызвана к жизни обстоятельствами войны. Самодержавие в начале войны не проявило желания направить беженцев в пределы России. Известны лишь единичные случаи, когда выходцы из Болгарии обращались к русскому консулу в Дунайских княжествах за получением паспортов и разрешением на поселение в Бессарабии. В 1828 г. в южную Бессарабию прибыли 242 семьи⁵.

Положение изменилось с весны 1829 г. в связи с успешными боевыми действиями, которые летом того же года привели к быстрому продвижению русских войск. Ими были взяты турецкие крепости Силистра, Месеврия, Созополь, Бургас, Анхиало и другие. Успешный переход через Балканы завершился взятием Адрианополя. Под угрозой падения оказалась столица Османской империи — Стамбул. В изменившейся обстановке часть населения Юго-Восточной Болгарии, пережившая ужасы войны, решила, не дожидаясь окончания войны, искать спасение в соседних го-

⁴ Мещерюк И.И. Переселение болгар в южную Бессарабию 1828–1829 гг. Кишинев, 1965. С. 73.

⁵ Там же С. 66

сударствах. Многие болгары, гагаузы, македонцы, греки и другие жители Восточной Болгарии уже сомневались в возможности окончательного избавления от многовексового ига. Угроза восстановления прежнего порядка заставляла их искать выход. Спасение для себя они видели в переселении в пределы России.

Решение этого вопроса зависело, однако, не только от желаний и намерений населения Болгарии, но и от русских властей. Проводником переселенческой политики выступил М.С. Воронцов. Ему казалось возможным, используя «настоящее время» как наиболее удобное, решить проблему торгового флота страны за счет переселенцев. В феврале 1829 г. он впервые обратился к правительству с предложением привлечь в российские черноморские порты матросов и судостроителей из портовых городов Болгарии. Воронцов доказывал необходимость ослабления зависимости России от иностранных «мореходов», порожденной отсутствием в то время у Российского государства сколько-нибудь развитого торгового флота. При господстве крепостного права в государстве на каждом шагу чувствовался «великий недостаток в русских вольных матросах для купеческих судов». Он выдвинул и отстаивал идею привлечения таких специалистов из болгарских земель. Воронцов рассчитывал привлечь греческих матросов, которые, по его представлениям, в большом количестве обитали на западном побережье Черного моря и служили важным резервом турецкому правительству при наборе матросов на флот. Предлагая свой проект, генерал-губернатор принимал во внимание единоверие этих «греков» с русскими, близость занимаемой ими территории к России и особенно «естественную их ненависть к оттоманам» тем более, что «люди сии и ныне терпят всевозможные угнетения со стороны правительства турецкого и не могут рассчитывать на улучшение своей участи на родине и в будущем». Выходцев с западного Причерноморья он намеревался поселить близ Одессы, в Крыму и в Бессарабии. Успех предложенного плана мог быть гарантирован предоставлением всем переселившимся освобождения от всех податей на определенное время и выдачей пособия на первоначальное устройство на новых местах жительства⁶.

Предложение новороссийского губернатора было одобрено правительством и признано во всех отношениях выгодным и полезным «для отечественной промышленности». Воронцова обязали представить конкретный план действий, а также послать нескольких эмиссаров для выявления лиц, желавших переселиться. Военный министр, известивший Воронцова о принятом правительством решении, предполагал, что морские силы под командованием контр-адмирала Кумани в ближайшее время овладеют укрепленными пунктами в Фаросском заливе. После этого события по вопросам оказания помощи и защиты переселяемым

⁶ Мещеряк И.И. Указ. соч. С. 67.

следовало обращаться к командующему Черноморским флотом адмиралу А.С. Грейгу.

Грейг также выразил свою готовность оказывать содействие переселенцам. Причем, он советовал не ограничиваться приглашением одних матросов. Он рекомендовал привлекать также опытных земледельцев, виноделов, скотоводов. Адмирал указывал, что после завоевания Созополя этот приморский город стал удобным пунктом для сбора желающих переселиться, и соглашался предоставить для их перевозки военные корабли, стоявшие в Фаросском заливе⁷.

Действительно, с февраля 1829 г. в Созополь со всех сторон стекались жители Восточной Болгарии. Русские военные власти проявляли, как отмечал Кумани, исключительное человеколюбие. Беженцев обеспечивали продовольствием, несмотря на трудности его доставки. Без сомнения, Кумани действовал в интересах своего правительства. Зная о желании многих болгар переселиться в Россию, он полагал, что польза, «могущая произойти от переселения сих трудолюбивых наших единоверцев в Бессарабскую область или южные края наши, изобилующие землею, слишком велика»⁸.

Беженцы, сосредоточившиеся в Созополе, действительно заявляли о своем желании переселиться в пределы Российской империи. Поэтому Воронцов в повторном ходатайстве настаивал на ускорении положительного решения вопроса. Вскоре Управляющий Главного штаба граф А.И. Чернышев сообщил ему, что принято решение вывозить в русские порты всех, нуждавшихся в этом, на частных судах, возвращавшихся в Одессу после доставки армии продовольствия. Устройство переселенцев возлагалось на Воронцова и главного попечителя иностранных поселенцев Южного края генерала И. Инзова⁹.

Еще до получения этого решения Воронцовым к адмиралу Грейгу были направлены эмиссары с поручением склонять жителей Восточной Румелии к переселению в Россию. Для перевозки переселенцев Воронцов просил адмирала использовать не только зафрахтованные суда, но и военные корабли. Одновременно принимались меры по обеспечению переселяемых продовольствием на время нахождения в пути. Инзов обязывался заняться отводом земель под новые поселения¹⁰. Таким образом, был решен вопрос об устройстве в России не только матросов и судостроителей, но и земледельческого населения Болгарии.

С.Б. Бернштейн считал, что болгарская иммиграция в Россию в 1828–1829 гг. явилась следствием одного лишь желания Воронцова приобрести для управляемого им края «необходимого количества квалифицирован-

⁷ Мещеряк И.И. Указ. соч.

⁸ Мещеряк И.И. Указ. соч. С. 68; Бернштейн С.Б. Указ. соч. С. 329.

⁹ Мещеряк И.И. Указ. соч. С. 69; Бернштейн С.Б. Указ. соч. С. 327.

¹⁰ Мещеряк И.И. Указ. соч. С. 69.

ных матросов и судостроителей»¹¹. И.И. Мещерюк доказал на основании новых документов, что хотя Воронцов придавал первостепенное значение переселению матросов и судостроителей, которых он намеревался поселить близ Одессы, Феодосии, Керчи, Евпатории и Таганрога, но не отказывался приглашать и другие категории болгарского населения. Так, например, еще в феврале 1829 г. он выражал надежду на создание в Новороссийском крае исключительно торговых поселений из жителей, вывезенных из Болгарии. Он считал выгоды от такого рода поселений «чрезвычайно важными для нашей торговли»¹². В апреле того же года переселение начало осуществляться практически. Ожидалось прибытие первой крупной партии «греков» — судостроителей и матросов, которых предполагалось поселить в черте или окрестностях портовых городов, предоставив им ряд льгот. При этом размеры участков земли, отводимых на каждую семью под усадьбу и виноградники, не должны были превышать трех-четырёх десятин, так как, по мнению Воронцова, наделение пахотной землей отвлекало бы таких поселенцев от занятий по специальностям, в которых нуждалось государство¹³. Всех, кто не собирался заниматься мореходством или ремесленной деятельностью, намеревались поселить в Бессарабии.

Однако первая же партия прибывших на двух купеческих кораблях из Созополя беженцев в апреле 1829 г., в которой не было ни одного моряка или судостроителя, поставила одесское начальство и Инзова в затруднительное положение, так как к устройству крестьян-переселенцев никто всерьез не готовился. Инзов был вынужден в срочном порядке потребовать от Одесской конторы иностранных переселенцев соображения о том, как поступить с прибывшими и сведения о местностях, где можно было поселить этих людей, обеспечив их необходимым количеством подвод для перевозки из Одесского карантина к местам предполагаемого временного или постоянного местожительства¹⁴.

В середине мая прибыла вторая группа переселенцев. Одесскую контору также обязали разместить их в ближайших от Одессы поселениях. Однако, это распоряжение, судя по документам, приводимым И.И. Мещерюком, не было выполнено. Остается неизвестным, какая часть иммигрантов нашла пристанище в поселениях, подведомственных одесской конторе, а тысяча человек, прибывшая из Созополя, была поселена в Крыму на землях крымских помещиков. Это было сделано в интересах крымских помещиков, нуждавшихся в работниках, знакомых с виноградарством, виноделием и садоводством. Воронцов запрашивал у Инзова согласия на заключение соответ-

¹¹ Бернштейн С.Б. Указ. соч. С. 328.

¹² Мещерюк И.И. Указ. соч. С. 69.

¹³ Там же. С. 69–70.

¹⁴ Там же. С. 70–71.

ствующих контрактов с переселенцами. Предполагалось, что таким путем будут удовлетворены нужды помещиков, а казна избавится от расходов, связанных с устройством вновь прибывших. Одновременно Воронцов испрашивал согласия на поселение части болгар на казенных землях близ Керчи, Феодосии и Севастополя, куда их можно было доставить из Созополя морским путем, без захода в Одессу¹⁵.

Таким образом, Воронцов опасался и хотел избежать трудностей, возникавших при переброске иммигрантов из Одессы на поселение в Бессарабию. Инзов же не разделял такого решения вопроса. Признавая, что доставка иммигрантов из Одессы в Бессарабию потребует значительных расходов, он, тем не менее, настаивал на переброске иммигрантов из Одессы в Бессарабию, в районы поселений болгар и гагаузов, считая ее целесообразным в интересах хозяйственного освоения малолюдного Буджака. По его мнению, расходы окупятся, поскольку болгары известны своим трудолюбием и освоят пустующие земли, чем принесут большую пользу. Только сложившаяся обстановка заставила Инзова дать согласие на устройство части прибывших в имения крымских помещиков. Но по вопросу условий поселения между Инзовым и Воронцовым были принципиальные разногласия. Воронцов стоял на позиции использования переселенцев чуть ли не в качестве крепостных крестьян. Инзов проявлял больше либерализма, считая, что переселенец, не имевший средств производства, мог наниматься как наемный работник, имея право менять место работы и жительства. Однако пожелания Инзова не были реализованы¹⁶.

Правительство беспокоила необходимость нести издержки по перевозке и содержанию переселенцев. В связи с этим 19 мая 1829 г. А.И. Чернышев советовал М.С. Воронцову предписать своим эмигрантам в Созополе ограничиться вывозом в Россию только людей «способных к мореходному делу». Он был против приглашения из Румелии других категорий населения, кроме матросов, которым обещали предоставить разные привилегии. Отдавая предпочтение переселению матросов, Чернышев, однако, не отказывался от признания необходимости оказывать защиту и покровительство угнетенному населению. Чтобы такой отказ не подорвал авторитет России среди христианского населения Османской империи, он рекомендовал использовать все средства к переселению лишь тех жителей Румелии, которые за помощь русским войскам могли подвергнуться гонению¹⁷. Таким образом, помимо матросов и судостроителей, к переселению допускались не все желающие, а только те, кому угрожала явная опасность репрессий со стороны турок. Такое ограничение допуска болгар в Россию сохранилось в переселенческой политике царизма и впоследст-

¹⁵ Мещеряк И.И. Указ. соч. С. 71.

¹⁶ Там же. С. 71–72.

¹⁷ Там же. С. 72–73.

вин. Обнаруженные нами документы российского консульства в Сливене, открытого в 1830 г., позволили совершенно определенно говорить об изменении отношения петербургского кабинета к проблеме болгарской эмиграции в Россию, вызванной войной 1828–1829 гг., и причинах этого¹⁸.

В мае 1829 г. стало известно, что из районов, взятых русскими, собиралось переселиться в Россию около десяти тысяч человек. Среди них также не оказалось ни одного матроса. Несмотря на это, Воронцов не терял надежды найти моряков в большом количестве в Мессемврии, Василико и Агафополе, когда эти города будут взяты.

Поток иммигрантов возрастал, но матросов и судостроителей среди них по-прежнему не было. Воронцов должен был примириться с необходимостью разрешить въезд болгарам вообще. И.И. Мещеряков приводит выдержку из открытого письма генерала Обручева от 18 июня 1829 г. эмигрантам Кумбари, Феогности и Кокиносу, в котором тот сообщал о поручении новороссийского губернатора отправлять в Россию «христиан, желающих в ней поселиться»¹⁹.

Многие переселенцы, прибывшие до заключения мирного договора, в 1828–1829 гг., были поселены вокруг Одессы, Екатеринославля, в Крыму. Часть из них поселилась в южной Бессарабии²⁰.

По данным С.Б. Бернштейна, жители с. Гвардицы (совр. Сливенский округ) переселились в 1829 г. в Буджак. Вначале они остановились в гагаузском селе Чадыр-Лунга, а в следующем, 1830 г., переселились на обустроенный ими свободный участок казенной земли и основали новое село Твердицу. Под этим названием оно существует и ныне²¹.

Число переселенцев в Россию в ходе войны и до заключения Адрианопольского мира, до сих пор остается неизвестным. Болгарский историк Ст. Дойнов пишет, что болгарские переселенцы были перевезены на пяти частных кораблях, и их хозяевам было уплачено 71 тыс. левов²². Исследователи этого вопроса называют разные цифры, но общее количество переселенцев при разных методиках подсчета не превышает несколько сот семей²³. Состав иммигрантов оказался значительно шире, чем хотелось Воронцову. Основной контингент прибывших на поселение составляли не люди, имеющие отношения к морскому делу, как предполагалось вначале,

¹⁸ *Медведева О.В.* Российская дипломатия и эмиграция болгарского населения в 1830-е годы; *Степанова Л.И.* Указ. соч.; *Медведева О.В.* Когда говорят документы. // *Славянский мир в третьем тысячелетии. Славянская идентичность—новые факторы консолидации.* М., 2008. С. 209–218; *Медведева О.В.* Болгарские переселенцы в политике российского государства в XVIII–первой трети XIX в. // *Славянский мир в третьем тысячелетии. — Россия и славянские народы во времени и пространстве.* М. 2009. С. 20–40.

¹⁹ *Мещеряков И.И.* Указ. соч. С. 75.

²⁰ Там же.

²¹ *Бернштейн С.Б.* Указ. соч. С. 335.

²² *Дойнов Ст.* Указ. соч. С. 306.

²³ *Мещеряков И.И.* Указ. соч. С. 75–76; *Дойнов Ст.* Указ. соч. С. 306.

а земледельцы, торговцы, ремесленники. По национальному составу переселенцы были также разнородны. Среди них, по данным И.И. Мещерюка, были не только болгары, но и гагаузы, греки, молдаване и другие. Все это свидетельствует о неудаче плана Воронцова ввозить лишь матросов и судостроителей. Его эмиссары не обнаружили в портовых городах западного Причерноморья болгар и греков-«мореходцев». После неудачных попыток привлечь в Россию одних лишь матросов и судостроителей, Воронцов должен был под напором обстоятельств согласиться на допуск других категорий болгарского населения.

Сербия и эпоха Адрианопольского мира

Сербы как и другие христианские славянские народы Балкан, находившиеся под властью Османской империи, в XIX в. столкнулись с необходимостью развертывания национально-освободительной борьбы, целью которой было завоевание автономии, а затем и независимости от Порты. Славянские православные народы в условиях Османской империи не имели возможностей для своего поступательного исторического развития. В ходе национально-освободительной борьбы было необходимо решать и задачи политической и экономической модернизации — создания новой буржуазной государственности и развития народного хозяйства на новых основаниях. Этот процесс постепенного развития капиталистических отношений был очень сложным, медленным, с многочисленными феодальными и патриархальными пережитками.

Сербы первыми из славянских народов Османской империи начали свою национально-освободительную борьбу. В ходе первого сербского восстания 1804–1813 гг. сербам при поддержке России удалось заложить основы новой сербской государственности и Бухарестский мир 1812 г. завершивший русско-турецкую войну 1806–1812 гг. зафиксировал автономный статус для Сербского княжества. Однако туркам удалось подавить восстание в 1814 г. и восстановить свою власть в Белградском пашалыке, воспользовавшись занятостью России в борьбе с Наполеоном.

Сербы не смирились и снова восстали. Хотя второе сербское восстание и увенчалось успехом, Сербия по-прежнему оставалась турецкой провинцией с ограниченными правами в области внутреннего самоуправления, которые не соответствовали условиям Бухарестского договора. понадобилось еще более 15 лет напряженной борьбы сербов при энергичной дипломатической и военной помощи со стороны России, прежде чем завоевания сербского народа в национально-освободительной борьбе были окончательно признаны Турцией.

С 1816 г. русский дипломатический представитель в Константинополе барон Строганов, действуя в тесном контакте с Милошем Обреновичем, начал вести переговоры с турецким правительством о выполнении 8-й статьи Бухарестского договора¹. Затянувшиеся на несколько лет переговоры не привели к положительным результатам. Власть Османской империи упорно отказывалась удовлетворить законные требования сербов. В

¹ *Кудрявцева Е.П.* Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX в. // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 101.

1820 г. турецким правительством был издан фирман, по которому сербы получали ограниченные права. Турки добивались, чтобы сербы признали его в качестве окончательного, пытаясь таким образом заставить их отказаться от своих законных требований. Милош Обренович отклонил этот фирман, как не отвечающий Бухарестскому договору 1812 г. по рекомендации российской дипломатии.

В 1826 г. турецкому правительству был вручен ультиматум России с требованием разрешения всех спорных и неурегулированных между Россией и Турцией вопросов, и в частности сербского вопроса. Следствием русско-турецких переговоров явилось подписание 7 октября 1826 г. Аккерманской конвенции.² Пятая статья конвенции требовала от Порты выполнить все постановления Бухарестского договора.

«Отдельный акт», приложенный к пятой статье конвенции, значительно расширял права и привилегии сербов по сравнению с тем, что было сформулировано в 8-й статье Бухарестского договора 1812 г. Турция обязывалась совместно с сербскими уполномоченными в течение 18 месяцев выработать необходимые меры для обеспечения независимости Сербии в делах внутреннего управления. Это был новый шаг по пути превращения Сербии в независимое государство. Но и на этот раз Османская империя не выполнила своих обязательств. Только новая победоносная война России с Турцией (1828–1829 гг.), заставила турецкое правительство выполнить свои обязательства. В этой войне Сербия по совету России оставалась нейтральной.

14 сентября 1829 г. был подписан Адрианопольский мирный договор.³ По условиям этого договора Турция в месячный срок обязывалась выполнить постановления Аккерманской конвенции о предоставлении широкой автономии Сербии и возвращении незаконно отторгнутых у нее после второго восстания 6 округов.

Турция должна была официально признать фактическую автономию Сербии. В августе 1830 г. султан издал специальный хатт-и-шериф, закреплявший завоевания сербского народа, добытые им в результате многолетней национально-освободительной борьбы при поддержке и помощи России. Сербия признавалась самоуправляющимся княжеством под верховной: властью султана. Одновременно с хатт-и-шерифом турецким правительством был подписан специальный берат, объявлявший Милоша Обреновича наследственным князем Сербии.

Оставались урегулировать два важных вопроса в отношениях Сербии и Турции — о судьбе 6 округов, которые турки не хотели возвращать сербам, несмотря на то что они были освобождены во время первого восстания, и вопрос о сумме ежегодной дани. Решение этих вопросов было пе-

² Дипломатический словарь. том 1. Москва. 1985. С. 18–19.

³ Там же С. 16.

редано на рассмотрение русско-турецкой комиссии. В 1833 г. Милош Обренович, воспользовавшись антитурецким движением в этих округах, присоединил спорные районы к освобожденной Сербии, поставив турок перед совершившимся фактом. По требованию России Турция вынуждена была признать это в новом хатти-и-шерифе 1833 г. Этот хатти-и-шериф определял границы сербского княжества и размер дани, ежегодно уплачиваемой Сербией Турции.

За первые десятилетия самостоятельного государственного и политического существования в Сербии произошли большие перемены в социально-экономической области.

На рубеже XVIII и XIX вв. Сербия, подобно другим славянским государствам Балканского полуострова, покоренным Турцией, представляла собой отсталую аграрную страну, в которой господствовали феодальные отношения. Наличие турецкого владычества было основной причиной, задерживавшей развитие поработенных османами народов.

В ходе Первого сербского восстания 1804–1813 гг. сербские крестьяне добивались ликвидации турецких феодальных отношений.

На протяжении 20–30-х гг. в Сербии произошли коренные изменения в аграрных отношениях. Теперь земли турецких феодалов-спахив перешли в руки сербов. «Закон о возврате земель» 1839 г. констатировал, что спахийские отношения в Сербии потеряли свою силу в 1833 г. и что все сербы стали законными владельцами своей земли. Гражданский кодекс 1844 г. окончательно утвердил победу буржуазной частной собственности на землю в Сербии.⁴

Сельское хозяйство стало развиваться более интенсивно, сербский крестьянин стал жить лучше в своей массе после того как в начале тридцатых годов стал окончательно полновластным собственником своей земли. Переход земли от турецких феодалов к крестьянам был важной составной частью аграрного переворота в Сербии. Он открывал дорогу для постепенного развития капитализма в сельском хозяйстве и в стране в целом.

Помимо политических реформ для дальнейшего развития процессов модернизации, развития капиталистических отношений, становления гражданского общества, развития новой буржуазной государственности в таких аграрных странах как Сербия, где крестьянство составляло абсолютное большинство населения, огромное значение имели преобразования в аграрном секторе, ликвидация феодального землевладения.

Правда, эволюция сербской экономики по капиталистическому пути была очень медленной, отягощенной многими феодальными и патриархальными пережитками.

Еще в ходе восстаний в результате насильственного захвата земель, а также путем скупки частновладельческих мусульманских вла-

⁴ Историја српског народа. Пета књига. Први том. Београд, 1981. С. 126.

дений после 1830 г. в Сербии появились крупные земельные собственники (великаши). Число крупных землевладельцев было невелико, но они играли очень большую роль в экономической и политической жизни страны в первые десятилетия существования автономного сербского княжества.

Великашами становились, как правило, бывшие воеводы и старейшины, а также крупные торговцы. Став крупными собственниками, великаши стремились занять место турецких спахив. Свое хозяйство они вели полуфеодальными методами. До 1837 г. в Сербии существовал и так называемый старейшинский кулук (барщина). Но и после ликвидации кулука оставались такие формы аграрных отношений как отработка, кабальная аренда и исполыщина.

Вследствие коренной ломки турецких феодальных отношений преобладающим в освобожденной Сербии стало мелкое и среднее крестьянское землевладение. Резкий переход от натурального хозяйства к денежному, происходивший в 30-е гг., вел к быстрому разорению части крестьянских хозяйств. Расслоение сербского крестьянства приводило к образованию слоя зажиточных крестьян с одной стороны, и значительного количества обедневших крестьян — с другой. Власти стремились затормозить этот процесс разорения крестьян, чтобы предотвратить крестьянские выступления, но без особого успеха.

Доминирование отсталого аграрного сектора в сербской экономике, отсутствие капиталов для развития промышленности и торговли сказывались на замедленных темпах развития ремесла и торговли. Города были слабо развиты. После освобождения страны создались все же более благоприятные условия для развития ремесла. В 20–40-х гг. XIX в. происходил процесс отмирания старых ремесел и создания новых. В середине века в Сербии появились уже первые капиталистические предприятия мануфактурного типа. В целом же сербское ремесленное производство в первой половине XIX в. было производством изделий по заказу потребителей. Опасаясь конкуренции, старые ремесленные мастера держались за цеховую организацию. В 1847 г. они добились у правительства издания специального закона о цехах.

Развитие торговли в Сербском княжестве постепенно привело к образованию торговой буржуазии. Сербия в середине XIX века постепенно становилась единым рынком⁵.

Политическое развитие Сербии в первой половине XIX в. носило на себе многие черты длительного турецкого господства. В этом отношении типичной была фигура князя Милоша Обреновича, правившего в Сербии с 1815 по 1839 г. Став верховным правителем страны, он энергично начал укреплять свою власть. Для достижения этой цели Милош использовал

⁵ Историја српског народа. Пета књига. Први том. С. 351

все средства, начиная от подкупа турецких чиновников и кончая физическим уничтожением своих соперников.

Захватив лучшие земли и монополизировав в своих руках торговлю скотом и солью, Милош Обренович стал крупнейшим из великашей, самым богатым человеком в Сербии.

К моменту провозглашения Сербии вассальным княжеством Милош Обренович успел захватить в свои руки всю власть в стране, сделавшись неограниченным самодержавным правителем. Скупщина, членом которой он сам назначал, выполняла его волю. Отсутствие четкого законодательства, правовая необеспеченность личности и имущества граждан являлись характерными чертами деспотического правления сербского князя. Самодержавная политика Милоша Обреновича вызвала резкое недовольство крестьянских масс и оппозицию ряда великашей.

К середине 30-х гг. XIX в. борьба внутри господствующего слоя между Милошем и великашами достигла своего апогея. Сторонники оппозиции выступали под лозунгом борьбы за конституцию, по-сербски — устав. В 1834 г. оппозиционно настроенные великаши устроили против князя заговор. Милошу пришлось пойти на определенные уступки.

Созванная в феврале 1835 г. Народная скупщина приняла конституцию, составленную по образцам конституций стран Западной Европы. Конституция сильно ограничивала власть князя, чем вызвала его недовольство. Воспользовавшись тем, что Турция, Австрия и Россия выступили против конституции, Милош Обренович поспешил отменить ее через месяц после обнародования. Но вопрос о конституции, призванной урегулировать внутреннюю жизнь в освобожденной стране, требовал тем не менее своего разрешения. Российская дипломатия попыталась урегулировать этот вопрос.

В конце 1838 г. новая сербская конституция, составленная турецким правительством при участии сербских уполномоченных, была утверждена султаном и получила силу закона. Она закрепляла все важнейшие социально-экономические и политические завоевания сербского народа, приобретенные им в тяжелой многолетней освободительной борьбе против турецких угнетателей.

По новой конституции 1838 г. князь должен был делить законодательную и исполнительную власть с государственным Советом, который состоял из несменяемых членов, назначавшихся Портой. Конституция гарантировала свободу личности и неприкосновенность частной собственности, а также свободу торговли. Конституция не могла быть изменена и дополнена без согласия султана. Принятие конституции 1838 г. стало важным шагом на пути ликвидации феодализма и способствовало дальнейшему развитию сербского общества по буржуазному пути.

Не желая примириться с потерей законодательной власти, Милош повел упорную борьбу за отмену конституции. Но сербский князь оказался

одиноким в борьбе против Совета, в котором прочно обосновались его противники — защитники конституции (уставобранители). Милош Обренович в 1839 г. отрекся от престола в пользу своего сына. В Сербии пришли к власти уставобранители.

В 30–40-е годы XIX века шло формирование механизма государственного управления, создание национальной культуры и образования. Большое значение для развития буржуазных отношений в стране имело принятие Гражданского законника в 1844 г. В тот же год Княжество получило свою внешнеполитическую программу — «Начертание», главным творцом которого был один из самых значительных государственных деятелей Сербии Илия Гарашанин.

Государство уделяло большое внимание развитию просвещения. В стране постепенно развивалась сеть начальных и средних школ. В 1838 г. в Белграде был основан Лицей, позже на его базе возникла в 1863 г. Великая школа, а в 1905 г. был открыт и Университет.⁶ В 1841 г. было основано Общество сербской словесности, которое заложило фундамент для создания Академии наук и искусств.

В марте 1835 г. в городе Крагуевац была открыта первая сербская гимназия за время правления князя Милоша. Вторая в Сербии гимназия была открыта в Белграде в 1838 г.

Большое значение для княжества имело открытие в 1837 г. Военной академии в городе Пожаревац, которая была в 1838 г. переведена в Београд. Первым начальником Академии стал полковник Илия Милутинович. В 1836 году была открыта Богословская школа, в ней преподавали 2 профессора и было 47 учеников-богословов.⁷

Народный театр, или княжеско-народный театр, начал функционировать в 1834 г. в Крагуевце, возглавлял театр Иоким Вуйич. Это было первое учреждение такого рода в Сербском княжестве.

Сербия после получения автономии прилагала большие усилия для создания общеобразовательных и специальных учебных заведений высокого ранга. Быстро росло количество профессоров и преподавателей в таких учебных заведениях: если в 1930 г. было только 2 преподавателя, то в 1975 году — 7 преподавателей, в 1838 г. — 16, а в 1839 г. уже 22 преподавателя⁸.

Сербские государственные деятели были убеждены в том, что Сербия не сможет быстро и легко преодолеть свое отставание в общественном развитии, вызванное веками османского владычества, без собственных высокообразованных специалистов. Большое значение в этом сложном и длительном процессе придавалось воспитанию сербов — выходцев из

⁶ Историја српске културе. Београд. 1996. С. 29

⁷ Историја српског народа. Пета књига. Први том. С. 150–151.

⁸ Там же. С. 151.

княжества. Начиная с 30-х гг. XIX века Сербия начинает регулярно направлять одаренных юношей для получения высшего образования в ведущие университетские центры западной Европы и в Россию. Уже первое поколение этих молодых людей, вернувшихся в страну из Европы, ощущало себя настоящими европейцами и стремилось внедрять европейские идеи на сербской почве.

Сербский народ своей героической борьбой смог первым из славянских народов Балкан, находившихся под гнетом Османской империи, добиться официального признания автономии Сербского княжества. Но это признание не могло бы состояться без значительной помощи России. В итоге именно Россия заставила Османскую империю признать автономию Сербского княжества, которую Османская империя долго пыталась игнорировать. Официальное признание сербской автономии способствовало повышению международного престижа княжества и дало мощный толчок дальнейшему развитию Сербии во всех областях: в политической, экономической и культурной. В период, проследовавший за Адрианопольским миром, Сербское княжество достигло значительных успехов на пути создания гражданского общества.

В 30–40-х гг. XIX в. отношения России и Сербии были непростыми. Россия, имея международный статус покровителя Сербии как и других православных народов Османской империи, часто вмешивалась в 30–40-х годах XIX в. во внутренние дела Сербии. Но несмотря на это надо отметить, что в целом Россия оказала в тот период значительное содействие дальнейшему развитию Сербии.

Россия сыграла важную роль не только в сфере политических преобразований в Сербии но и в сфере экономической. При активной поддержке России, в некоторых случаях при ее прямом участии в Сербии было ликвидировано турецкое феодальное землевладение и была создана основа для дальнейшего развития капиталистических отношений в сельском хозяйстве.

Официальное признание автономии Сербского княжества в начале 30-х гг. XIX века подвело итог первому этапу национально-освободительной борьбы сербского народа и создало благоприятные предпосылки для дальнейшего исторического развития Сербии.

Сербское измерение русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Значение русско-турецкой войны 1828–1829 гг. для Сербии — в отличие от событий двух сербских восстаний 1804–1815 гг. и сопутствовавшей им предыдущей военной кампании 1806–1812 гг. — заключалось не в прямом участии сербов в военных действиях, и даже не в роли сербских земель как театра боевых операций, а в неуклонном росте международного влияния и веса сербского фактора в международных военно-политических делах. С этой точки зрения события 1810–1820-х годов можно рассматривать если не как уникальный, то чрезвычайно редкий в сербской истории пример своеобразного манипулирования великими державами и балканскими союзниками без непосредственного вмешательства в военный конфликт или его инициирования. Гораздо чаще дела обставили с точностью до наоборот — как это было, например, во время Великого Восточного кризиса 1875–1878 гг., а также при нападении Сербии на Болгарию в 1885 году — не говоря уже о предыстории Балканских и первой мировой войн.

Однако в 1820-х гг. российско-сербская дружба еще не имела столь заметного и обидного привкуса прагматизма и даже цинизма, который стал особенно заметен с последней четверти XIX в. Впрочем, это касалось не только сербов. Здесь можно упомянуть провокационные усилия лидеров болгарского национально-освободительного движения по вовлечению России в войну с Османской империей в 1870-е годы, слишком вольное обращение черногорского короля Николы Петровича Негоша с российской военной субсидией (что вынудило российское руководство принять в 1910 г. решение о ее приостановке, а накануне первой мировой войны провести два бесплодных совещания в самых верхах). К слову, эти совещания так и не ответили на вопрос, с кем Россия имеет дело в лице черногорцев — преданными, но несколько своевольными союзниками, или же с совершенно бесполезной в военно-политическом отношении обузой. А в 1912 г. Балканский союз уже в открытую игнорировал настоятельные советы и рекомендации Певческого моста. Все эти обстоятельства свидетельствовали о развитии несомненного кризиса взаимных ожиданий во взаимоотношениях России и ее балканских союзников и партнеров — к сожалению, продолжающегося и сегодня в новых формах и исторических условиях.

Однако в 1820-е годы Белграду даже не надо было быть особо напоистым и циничным, чтобы побудить Россию действовать на Балканах в

выгодном для сербов русле. Изначально причиной подобной выигрышной для Сербии ситуации после Бухарестского мирного договора 1812 г. стала активность сербского князя Милоша Обреновича, умело использовавшего ухудшение международной ситуации для Османской империи, вынужденной идти на существенные уступки. Константинополь стремился избежать нежелательного для себя русского арбитража по вопросу реализации Бухарестского мирного договора, на котором с осени 1816 г. стал активно настаивать новый российский посланник в Константинополе Г.А. Строганов. В этом вопросе российский дипломат пользовался поддержкой второго статс-секретаря российского внешнеполитического ведомства Иоанна Каподистрии, который, «будучи сторонником решительных действий на Балканах, выдвигал идсю мессианской роли России среди славянских народов и полагал, что ничего не добиваются от Порты только с помощью слов»¹. Строганов разработал российский проект для прошения сербских депутатов Порте и лично возглавил их делегацию. В основе документа лежало требование к султану издать специальный хатт-и-шериф, предоставляющий сербским землям самостоятельность в решении вопросов внутреннего управления. Принципы этой самостоятельности виделась Строганову и его единомышленникам в российском МИДе следующим образом: «Каждое селение в Сербии выберет своего главу, собрание всех князей Сербии будет иметь право, как это было во все времена, назначать глав областей»². Кроме того, согласно предложениям Строганова, главы сербских селений и областей должны были избираться пожизненно, за Милошем Обреновичем закреплялся наследственный титул «кнеза» (князя), а высшие церковные иерархи, «кнезы» и сенаторы должны были составить Сенат. В полномочия последнего должны были войти обсуждение и утверждение «административных законов и постановлений» по предложению князя или министров³.

Основной линией поведения турок в тот момент было не скупиться на приятные и велеречивые заявления в адрес Милоша Обреновича при одновременном затягивании выполнения положений Бухарестского договора, относящихся к Сербии. Одним из аргументов турецкой стороны было то, что договор со стороны Османской империи подписывал паша, а не султан. Напомним, что мирный договор, завершивший русско-турецкую войну 1806–1812 годов, был подписан 16 (28) мая 1812 г. в Бухаресте со стороны России главным уполномоченным М.И. Кутузовым, со стороны Турции — Ахмедом-пашой. Документ, в частности, обеспечивал привиле-

¹ Кудрявцева Е.П. Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX в. // Двести лет новой сербской государственности. СПб., 2005. С. 101.

² Цит. по: Кудрявцева Е.П. Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX века... С. 101.

³ Там же.

гии Дунайских княжеств и внутреннее самоуправление Сербии, положившее начало ее полной независимости⁴.

Сдерживающим мотивом для турок в их политике по отношению к Сербии выступала ситуация на фронтах глобального общеевропейского противостояния. Говоря словами российской исследовательницы И.С. Достян, «известие о битве при Ватерлоо заставило Стамбул воздержаться от новой кровавой расправы с сербами, что создало бы угрозу военного вмешательства в их пользу России»⁵. В результате уже в сентябре 1815 г. «русская дипломатия, отказавшись от согласованных действий с европейскими правительствами в балканских делах, начала активно настаивать на выполнении Портой условий Бухарестского мира об автономных правах Сербии»⁶. Результатом подобных усилий во многом стало заключенное при участии нового турецкого визиря в Белграде в ноябре 1815 г. устное соглашение о предоставлении бывшему Белградскому пашалыку ограниченного самоуправления с дарованием Милошу Обреновичу титула «верховного кнеза» сербов. При этом следует отметить, что Турция оказалась за рамками венской системы, заложившей основы европейской системы на предстоящие десятилетия, а сформированный тогда же по инициативе Александра I «Священный союз» христианских монархов по иронии судьбы оказался выгоден мусульманской Османской империи, поскольку, как отмечал С.А. Жигарев, «обязанность государей, участвовавших на конгрессе, всюду поддерживать мир и спокойствие по аналогии распространялась и на Турцию»⁷.

Впрочем, в самом Константинополе это осознали далеко не сразу; к тому же уступчивость Османской империи напрямую вытекала из специфики ее внутренней ситуации. Вполне можно согласиться с греческим ученым Деннисом Скиотисом в том, что «во второй половине восемнадцатого столетия и в начале девятнадцатого оттоманский контроль над балканскими провинциями являлся в значительной части чисто номинальным. Реальная власть вырвалась из рук султана и центральной администрации и перешла к энергичным, бесстрашным и амбициозным мужчинам в провинциях, которые превратили их в персональные домены для себя и своих семей»⁸.

К 1820 г. Г.А. Строганов подготовил обобщенный документ, касавшийся реорганизации внутреннего управления в сербских землях, — учитывавший как его собственные наработки, так и предложения сербских

⁴ Текст договора см.: Внешняя политика России XIX и начала XX в., Сер. I Т. 6, М., 1962. С. 406–417. См. также: *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ в первой трети XIX в. М., 1960.

⁵ Александр I, Наполеон и Балканы. М., 1977. С. 257.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 258.

⁸ *Skiotis D.* From Bandit to Pasha: First Steps in the Rise to Power of Ali of Tepelen, 1750–1784 // *International Journal of Middle East Studies.* 1971. № 2. P. 219.

делегатов. В документе под названием «Проект прошения от народа сербского на имя Порты Оттоманской» особое место занимала необходимость возвращения Сербии шести нахий, которых она лишилась после подавления турками Первого сербского восстания 1804–1813 гг. Характерно, что российскому дипломату приходилось убеждать в обоснованности и своевременности данного требования не столько Константинополь, сколько осторожного Милоша Обреновича, ссылаясь, в частности, на VIII статью Бухарестского мирного договора. Строганов подчеркивал, что если «земли эти принадлежали сербам при заключении Бухарестского трактата, в VIII статье коего о сербах вообще, а не о части оных говорится, то несправедливо было бы отлучать сих жителей вышеупомянутых 6 пределов от прочих соотчичей... Вы и народ ваш не только в праве, но еще и обязаны просить о восстановлении сих границ»⁹.

В еще одном положении «Проекта прошения» — о принципах налогообложения — конкретизировались будущие границы Сербии. В нем указывалось, что сумма налога должна быть распределена «на всю землю сербскую», и перечислялись ее пограничные пункты, совпадавшие с границами державы Карагеоргия и постановлениями Бухарестского мирного договора. Остался в окончательной редакции предложений Г.А. Строганова и пункт о наследственном характере княжеской власти Милоша Обреновича.

Тем временем свержение султана Селима III и сворачивание его реформ не привели Османскую империю к успокоению. Особую опасность для центральных властей представляли движения в Боснии, которые начались еще при Слиме, и которые не удавалось подавить даже в разгар турецких операций против Сербии в 1804–1815 гг. Прибывший в Боснию в начале весны 1820 г. новый визирь Али Джелалуддин-паша был вынужден предпринять жесткие меры, чтобы установить контроль над мятежными городами Мостар и Сребреница, что, в свою очередь, вызвало сильную ненависть к нему со стороны местных мусульманских лидеров. Еще одним опасным источником сепаратизма для Константинополя оставался один из крупнейших албанских землевладельцев, правитель Янинского пашалыка Али-паша Тепселна. В первые годы после завершения русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и подавления турками Первого сербского восстания он занимал осторожную позицию, не выказывая заинтересованности в организации нового вооруженного конфликта на Балканах и всячески пытался убедить Константинополь в верности султанскому режиму в надежде сохранить свой полунезависимый статус и привилегии. Одновременно в 1816–1820 гг. он неоднократно обращался за поддержкой и в Петербург. Российский генеральный консул в Морсе И. Власопуло

⁹ Цит. по: Кудрявцева Е.П. Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX в... С. 102.

сообщал в мае 1819 г., что «этот визирь (Али-паша — *Авт.*) обязуется воспользоваться началом войны между Россией и Портой для того, чтобы освободиться от зависимости от своего законного государя и стать в зависимость от его величества императора России. Что при таких обстоятельствах он окажет России все зависящие от него услуги. Что в награду за все это ему и его родственникам будет предоставлено княжество Эпир, обладание которым в мирное время будет гарантировано ему договорами»¹⁰.

Али-Паша, поддерживавший связи и с греческими революционерами, в 1820 г. поднял восстание против османского султана Махмуда II (после того, как тот потребовал от него оставить свой пост). Посланная против Али-паши 20-тысячная османская армия в течение двух лет пыталась сломить его сопротивление. Это двухлетнее отвлечение столь крупных турецких сил серьезно помогло греческим повстанцам¹¹.

Имея на своей территории два вышеуказанных долгоиграющих очага сепаратизма, Ближательная Порта никак не была заинтересована в новом обострении ситуации в сербских областях. Но одновременно она и не хотела связывать себя какими-либо обязательствами в отношении Сербии или России. В руководящих кругах Османской империи росло убеждение, что дальнейшие уступки нанесут ущерб авторитету и безопасности государства, и что процесс его обновления должен сопровождаться ужесточением действий в военно-политической сфере. Эти настроения особенно усилились с началом восстаний в Валахии и Греции в 1821 г. и вылились в жестокую расправу с патриархом и митрополитами в Константинополе и в насильственное задержание в турецкой столице членов сербской делегации (несмотря на то, что Милош Обренович, следуя советам России и собственной осторожности, отказывался вступать в союз с этеристами).

По образному выражению сербского историка Владимира Чоровича, «князь Милош держался мудро. Он стал более чем осмотрительным»¹². Как отмечал Чорович, «когда Россия не предпринимает ничего решительного против турок и после такой бездеятельности и после турецкой бессовестности, в том числе по отношению к ней самой (речь идет о неспособности Строганова разрешить вопрос с задержанием сербской делегации и его последующем отъезде из Константинополя — *Авт.*), что могло бы ожидать Сербию, если бы она каким-то своим действием вызвала против себя Порту? А царь Александр, хотя был хорошим христианином и врагом поработителей, в действительности не предпринял ничего энергичного из-за того, что держался Англии и особенно Австрии, являвшейся в духе идей Священного союза, противницей всяких революций»¹³...

¹⁰ Цит. по: Краткая история Албании. М., 1992. С. 105.

¹¹ Подробнее см.: Skiotis D. From Bandit to Pasha: First Steps in the Rise to Power of Ali of Tepelen, 1750–1784 // International Journal of Middle East Studies. 1971. № 2.

¹² Подробнее см.: Чорович В. История сербского народа. Бая Лука, 1997.

¹³ Там же.

21 августа 1821 г. скончался белградский визирь Марашлия, поддерживавший достаточно конструктивные отношения с сербами. Его сменил Абдурахман-паша, к которому сербская сторона испытывала гораздо меньше доверия. Однако ожидавшихся столкновений не произошло — в первую очередь, благодаря активным усилиям дипломатических представителей великих держав в Константинополе. Дипломаты испытывали на себе давление со стороны общественного мнения своих стран, настаивавшего на более активной помощи греческим повстанцам и балканским христианам в целом.

В сербской и югославской историографии принято считать переломным моментом, после которого вступление России в войну с Османской империей стало неизбежным, — смену российского монарха. Не случайно В. Чорович называя Николая I «шустрым», особо подчеркивал, что он «быстро отважился на решительные действия, о которых перед концом своего правления задумался его умерший брат».

Уже в марте 1826 г. российское правительство направило в Константинополь ультиматум, в котором потребовало от Османской империи выполнить все положения Бухарестского договора, в том числе о предоставлении самоуправления сербам. По совету Австрии Порта согласилась на переговоры с Петербургом и освободила всех членов сербской делегации.

В сложившейся ситуации турецкий султан, опасаясь вмешательства великих держав и особенно достижения согласия между Россией и Англией по греческим делам, решил вновь попытаться самостоятельно разрешить внутренние проблемы посредством реформ. 16 мая 1826 г. он полностью отменил янычарскую систему, решительно подавив вспыхнувшие после этого протесты янычар. Особого размаха они достигли все в той же Боснии, куда на подавление беспорядков был отправлен визирь Абдурахман-паша, успевший к этому времени зарекомендовать себя в Белграде, по образному выражению Владимира Чоровича, «авторитетным человеком».

В итоге янычарская реформа не усилила, а ослабила Османскую империю. В сложившейся ситуации переговоры с Россией не сулили Константинополю ничего хорошего. 5 (17) марта 1826 Николай I подписал ультимативную ноту, которая была вручена турецкому правительству 24 марта (5 апреля). В ней Турции предлагалось выполнить условия Бухарестского мира о самоуправлении Сербии, вывести войска из Молдавии и Валахии и выделить уполномоченных для заключения нового соглашения. 22 апреля (4 мая) турецкое правительство сообщило о принятии требований России. Сами переговоры начались 1(13) июля 1826 г. Турецкая дипломатия стремилась затянуть их, рассчитывая на продолжение первоначальных успехов Ирана в войне с Россией 1826–1828 гг. Но разгром иранской армии под Шамхором и Гянджой в сентябре 1826 г. заставил Турцию, не готовую к войне, подписать предложенный документ. В ре-

зультате 25 сентября (7 октября) 1826 г. в городе Аккерман (ныне — Белгород-Днестровский) конвенция была подписана. Свои подписи от России поставили М.С. Воронцов и А.И. Рибопьер, от Турции — Хади-эфенди и Ибрахим-эфенди. Особая роль в подготовке документа принадлежала новому российскому посланнику в Константинополе Рибопьеру. В том, что касалось сербских дел, он руководствовался вышеупомянутыми предложениями Строганова от 1820 г., а также инструкциями, получаемыми из Санкт-Петербурга, в которых, в частности, подчеркивалась «особая ответственность» России за судьбу сербов. Кроме того, Певческий мост настоятельно советовал Рибопьеру активно добиваться возвращения Сербии Портой шести нахий. Как отмечалось в одной из инструкций, «ничто не кажется более справедливым, как возвращение этих округов, часть которых управляется турками и сербами сообща, в то время как остальные поделены между пашами»¹⁴.

Аккерманская конвенция подтверждала основные положения Бухарестского мирного договора, в том числе его VIII статью, касающуюся Сербии. Турция была обязана в течение 18 месяцев решить сербский вопрос совместно с сербскими представителями и оформить окончательное решение в виде хатт-и-шерифа. Аккерманская конвенция определяла принципы будущего устройства Сербии — независимость внутреннего управления, возвращение отобранных у нее нахий, объединение всех податей в единую повинность.

Однако и на сей раз Османская империя не собиралась в полном объеме выполнять положения документа, считая его временной уступкой России. 8 (20) декабря 1827 г. султан Махмуд II объявил об аннулировании Аккерманской конвенции. К этому времени на повестку дня европейской политики вновь вышла ситуация в Греции. После военно-морской операции под Наварино в октябре 1827 г. (когда объединенная эскадра России, Англии и Франции разгромила турецко-египетский флот) и в условиях начавшейся русско-турецкой войны в Константинополе решили ожидать военных успехов, а до тех пор не спешить реализовывать положения Аккерманской конвенции — в том числе в том, что касалось Сербии. Сама Сербия по совету России не вступила в войну: Петербургу удалось убедить сербское руководство, что военные действия будут стоить больших и напрасных жертв — учитывая, что судьбы войны и будущего устройства Сербии решались отнюдь не в сербских районах Балкан.

В сербской историографии, в контексте русско-турецкой войны 1828–1829 гг., особенно отмечается роль русского главнокомандующего генерала И.И. Дибича, который не только занял Адрианополь, но и проявил военно-политическую жесткость, сообщив Порте, что не покинет его до

¹⁴ Архив внешней политики Российской империи. Фонд Канцелярия. 1826 г. Оп.468. Д.2359. Л.16.

тех пор, пока турецкие власти не выполнят в числе прочих российские требования в отношении Сербии.

Фигура Ивана Ивановича Дибича крайне интересная для понимания роли политики России на Балканах и отношения к ней сербов. Еще в Отечественную войну 1812 г. он зарекомендовал себя талантливым военачальником и не менее успешным дипломатом. Он не только с успехом командовал особым отрядом, воевавшим против войск маршала Макдональда, но и с блеском провел трудные переговоры с пруссаками, результатом которых стало решение корпуса прусской армии под командованием Йорка отказаться от ведения совместных боевых действий с французами. В 1813 г. Дибич получил должность генерал-квартирмейстера союзных армий и в этом качестве отличился на полях сражений при Дрездене, Кульме и Лейпциге, в 1814 г. — в боях под Ля-Ротьером и Арси-сюр-Об.

После завершения войны с Наполеоном Дибич был назначен начальником штаба 1-й армии и вскоре получил звание генерал-адъютанта. Александр I взял его с собой на конгресс в Лайбахе (Люблян) в январе-мае 1821 г., на котором европейские монархи озабоченно обсуждали подъем революционного движения в Европе и, в частности, в Греции.

С этого времени Дибич стал неразлучным спутником императора. В 1824 г. он возглавил Генеральный штаб российской армии, а в следующем году сопровождал Александра I в Таганрог и присутствовал при его кончине. Именно Дибич доложил вступившему на императорский трон Николаю I о раскрытии заговора декабристов и принял активное личное участие в их аресте. В 1827 г. он получил титул графа.

С началом русско-турецкой войны 1828–1829 гг. И.И. Дибич находился в распоряжении действующей армии, однако на первом этапе не занимал какой-либо конкретной должности. Но его неформальный статус доверенного лица Николая I позволял ему осуществлять фактическое руководство боевыми действиями, докладывая обо всем напрямую императору посредством активной личной переписки. Номинальный командующий русской армии генерал-фельдмаршал П.Х. Витгенштейн не имел возможности принять ни одного ключевого военного решения без предварительного обсуждения и согласования с Дибичем. Зато сам Дибич затем в переписке с Николаем I имел возможность возложить на Витгенштейна ответственность за военные неудачи.

Наконец, в начале 1829 г., после того, как 60-летний Витгенштейн по причине слабого здоровья подал в отставку, Дибич получил долгожданное назначение главнокомандующим русской армии, действовавшей на фронтах Европейской Турции. Там его военные качества раскрылись в полном блеске, что затем справедливо было отмечено одним из крупнейших мировых знатоков военного искусства Гельмут фон Мольтке. Немецкий военачальник напоминал, что Дибич «дал одно большое сражение (при Ку-

левче — Авт.) и взял одну крепость» (Силистрию), но именно это позволило русской армии успешно преодолеть турецкое сопротивление и подойти к Адрианополю. За успешно проведенную балканскую кампанию И.И. Дибич получил титул «Забалканский». 22 сентября 1829 г. он был также удостоен звания генерал-фельдмаршала, а 12 ноября того же года был награжден орденом Святого Георгия.

После того, как российские войска вышли к Адрианополю, перед императором встала дилемма: продолжать военную кампанию, рискуя натолкнуться на жесткое противодействие других великих держав, приверженных принципу сохранения статус-кво в Юго-Восточной Европе, или с позиции силы заключить с турками выгодный для себя и своих союзников мир. В конечном счете в Петербурге трезво оценили сложившуюся обстановку с позиций умеренности. Принципиальное значение имело представление о том, что существование Османской империи для России более выгодно, нежели ее разрушение.

На этом, в частности, особо настаивал Д.В. Дашков. Известный российский литератор и дипломат — занявший в 1822 году пост управляющего делами Константинопольской миссии, в следующем году вошедший в состав Совета комиссии составления законов и сохранивший за собой членство в иностранной коллегии, а в конце 1826 г. ставший статс-секретарем и товарищем министра внутренних дел — еще в 1828 г. доказывал «невыгодность для российской политики распада империи османов, ибо славянские государства, которые могли бы здесь возникнуть, будут еще настолько слабы, что с большой долей вероятности окажутся под влиянием европейских держав, значительно укрепивших на Балканах свое политическое присутствие. Все это невыгодно, прежде всего, самой России, поэтому существование слабой Османской империи отвечает интересам российской внешней политики в этом регионе»¹⁵.

В итоге император Николай I послал И.И. Дибичу письмо, в котором предписывал кончить дело «прекрасным Адрианопольским миром». Для его заключения в Адрианополь прибыл граф А.Ф. Орлов.

Адрианопольский мирный договор был подписан со стороны России А.Ф. Орловым и Ф.П. Паленом, со стороны Турции — Мехмед Садык-эфенди и Абдул Кадыр-беем 2(14) сентября 1829 г. в городе Адрианопле (современный Эдирне). Документ обязывал Османскую империю в течение месяца выполнить обязательства, наложенные на нее Аккерманской конвенцией. Вновь было подтверждено, что Турция должна возвратить Сербии шесть нахий, которые еще во время Первого сербского восстания 1804–1813 гг. освободил Карагеоргий, но которые затем не вошли в состав Сербии — это Краинская, Црнорекская, Парачинская, Крушевацкая,

¹⁵ Кудрявцева Е.П. Русская дипломатия и планы государственного устройства Сербии в первой половине XIX в. ... С. 107.

Старовлашская и Ядранская нахии. За Россией был подтвержден прописанный в Аккерманской конвенции статус покровительницы Сербии.

Конкретно относившиеся к Сербии положения Адрианопольского мирного договора были сформулированы следующим образом.

Статья VI гласила: «Обстоятельства, последовавшие за Аккерманской конвенцией, не дозволили Блистательной Порте заняться немедленно приведением в действо постановлений Отдельного акта о Сербии, приложенного к V статье той конвенции; а потому Порта торжественнейшим образом обязуется исполнить оныя без малейшего отлагательства и со всей возможной точностью, а именно: возвратит немедленно Сербии шесть округов, от сей области отторгнутых, и таким образом навсегда обеспечит спокойствие и благосостояние верного и покорного народа сербского. Утвержденный хатт-и-шерифом фирман о приведении в действо вышесказанных постановлений будет издан и официально сообщен императорскому российскому двору в течение одного месяца со дня подписания настоящего мирного договора».

Статья XI предусматривала, что «вслед за подписанием настоящего мирного договора между обеими империями и по размене ратификаций обоих государей Блистательная Порта немедленно приступит к скорому и точному исполнению содержащихся в оном постановлений, а именно: статей III и IV относительно границ, должествующих разделить обе империи в Европе и в Азии, и статей V и VI касательно княжеств Молдавии и Валахии, равно как и Сербии, и коль скоро сии различные статьи признаны будут исполненными, то императорский российский двор приступит к выводу войск своих из владений империи Оттоманской согласно с начертанными в отдельном акте основаниями, составляющими равносильную с прочими часть настоящего мирного договора. До совершенного же очищения занятых земель управление и порядок, кои там ныне введены под владением императорского российского двора, останутся в своей силе, и Блистательная Порта Оттоманская отнюдь не будет в то вмешиваться»¹⁶.

Адрианопольский мирный договор явился крупной победой как русской армии, так и русской дипломатии. Он создал благоприятные условия для развития черноморской торговли и завершил присоединение к России основных территорий Закавказья. Россия усилила свое политическое влияние на Балканах и предпочитала теперь сохранить в качестве соседа слабую Турцию, чем делить ее владения с сильными соперниками России — Англией, Францией и Австрией. Адрианопольский мирный договор объективно стал фактором, облегчившим и ускорившим процесс освобождения Молдавии, Валахии, Греции, Сербии от османского ига. Более того, принцип, положенный в основу договора, намечил новую линию

¹⁶ Текст договора см.: Под стягом России. Сборник архивных документов. М., 1992.

в решении Восточного вопроса и получил развитие последующих русско-турецких соглашениях 30-х гг. XIX в.¹⁷

После заключения мира ближайшей задачей русской внешней политики стало восстановление дружественных отношений с Османской империей. Царизм был готов пойти на определенные уступки с тем, чтобы устранить иностранное вмешательство в русско-турецкие отношения и создать условия для сближения с Портой. С этой целью в Константинополь было направлено чрезвычайное посольство во главе с А.Ф. Орловым.

Вскоре по прибытии в Константинополь Орлов снискал «особое расположение султана». Порта поспешила выполнить часть обязательств по Адрианопольскому договору. Деятельность чрезвычайного посланника в Константинополе получила одобрение его венценосного друга, Николая I. «Я не могу даже сказать, как доволен Орловым, он в самом деле действует так, что удивляет даже меня, несмотря на мое расположение к нему», — писал император Дибичу в феврале 1830 г.

В сербской исторической традиции Адрианопольский мирный договор считается одной из важнейших вех в национальной истории XIX в. «Он в действительности обеспечил самоуправление Сербии и укрепил ее международное положение. Роль России в его заключении настолько очевидна, что о ней можно отдельно не говорить. То, что русское правительство намеревалось спасти для нас посредством Бухарестского мира, оно сделало в значительно большей мере миром Адрианопольским. Он одновременно подтвердил действительный и правовой континуитет между Первым и Вторым восстаниями, между тем, что основал Карагеоргий, и что осуществил Милош», — писал Владимир Чорович¹⁸.

Уже 18 сентября 1829 г. турецкий султан выпустил предварительный акт о самоуправлении Сербии. 2 декабря он был официально зарегистрирован в Белграде и представлен на рассмотрение сербской Народной скупщины в Крагуеваце. Однако после ухода русских войск власти Османской империи вновь заняли более жесткую позицию, в частности, в том, что касалось передачи Сербии шести спорных нахий. В результате возобновившихся переговоров Петербург и Константинополь достигли соглашения о том, что границы этих нахий будут определены при участии специальных русского и турецкого комиссаров. Только после достижения этого соглашения султан обнародовал предусмотренный положениями Адрианопольского мирного договора хатт-и-шериф о предоставлении сербским землям самоуправления. Данный хатт-и-шериф был торжественно обнародован в Белграде в 1830 г. в день Святого Андрея Первозванного. Именно в этот день, в 1806 г. сербы во время Первого сербского восстания (1806) освободили Белград. Одновременно был издан берат,

¹⁷ Подробнее см.: *Фадеев А.В.* Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958.

¹⁸ *Чорович В.* История сербского народа... С. 125.

признававший за князем Милошем и его семьей «наследственное княжеское достоинство». В результате Сербия, говоря словами В. Чоровича, «стала европейским государством, со своей династией, под турецким суверенитетом и русской защитой. Таким образом, спустя несколько веков вновь возникло сербское государство на той самой территории, на которой исчезла старая сербская деспотовина»¹⁹.

Однако не для всех балканских народов итоги русско-турецкой войны 1828–1829 гг. стали столь же благоприятными, как для сербов. Совсем иные последствия она имела для влиятельных албанских семей. Обезопасив себя на ближайшие десятилетия от новых конфликтов с Россией и сделав не смертельные для единства страны уступки сербам, турецкий султан Махмуд II решил рассчитаться со своими албанскими подданными — чьи выступления в предшествующие годы объективно помогали русским, грекам и сербам. 26 августа 1830 г. главнокомандующий турецкой армии Мехмет Решид-паша пригласил в Битоли несколько сотен влиятельных беев из южноалбанских земель «под предлогом, что они должны быть вознаграждены за их лояльность Порте»²⁰. В тот же день они были безжалостно убиты. На следующий год Мехмет Решид-паша осадил крепость в Шкодере, где укрывалась одна из самых влиятельных албанских семей Бушати. Во время русско-турецкой войны 1828–1829 гг. фактический правитель Северной Албании Мустафа-паша Бушати оказывал определенную поддержку России и сербам. В частности, «с ведома русского царя» Милош Обренович «заключил с папой тайное соглашение, по которому тот должен был всячески задерживать отправление своих войск на русско-турецкий фронт и маневрировать так, чтобы его участие в войне не ухудшало положение русских войск»²¹.

Капитуляция Шкодера перед турками означала ликвидацию Скутарийского (Шкодринского) папалыка. Но это уже несколько другая история...

¹⁹ Чорович В. История сербского народа... С. 138.

²⁰ Vickers M. The Albanians. A Modern History. London — New York, 1995. P.24.

²¹ Бычков Ю.Е. Черногория: от прошлого к настоящему. М., 2008. С. 85.

Установление русско-греческих дипломатических отношений (1828–1833)

Вечером 5 (17) сентября 1828 г. на остров Порос, у побережья Пелопоннеса, где находился тогда Иоанн Каподистрия, прибыл русский дипломатический представитель М.Н. Булгари, вручивший правителю Греции свои верительные грамоты. К установлению самодержавной Россией дипломатических отношений с республиканской Грецией вел долгий и извилистый путь. Как известно, Александр I резко осудил освободительную акцию Александра Ипсиланти, ставшую началом Греческой революции. Россия в согласии с другими членами Священного союза отказалась допустить на последний конгресс союза, проходивший в Вероне в ноябре 1822 г., представителей греческого правительства. Эта негативная позиция способствовала падению традиционного влияния России в Греции, чем не преминула воспользоваться Великобритания, ее главная соперница на Балканах и Ближнем Востоке. В марте 1823 г. она признала восставших греков воюющей стороной. В следующем году банкиры Сити предоставили революционной Греции заем. Укреплению греко-английских связей способствовало развернувшееся в Англии мощное филэллинское движение, самым выдающимся представителем которого стал великий английский поэт Джордж Байрон. В Петербурге, где Грецию всегда рассматривали как сферу своего если не исключительного, то преобладающего влияния, эти действия Англии вызвали большое беспокойство. Руководству России стало также известно, что Ч. Стрэтфорд-Каннинг, назначенный послом Великобритании в Константинополе, в конце 1825 г. на своем пути в турецкую столицу имел на острове Идра неофициальную встречу с представителями греческого правительства¹.

Все это повлияло на решение Николая I искать соглашения с Англией для совместных действий для принуждения Порты к признанию государственного существования Греции. Соглашение это было достигнуто в результате подписания в Лондоне 6 июля 1827 г. конвенции, участницей которой, помимо двух указанных держав, стала и Франция. В случае отказа Порты принять посредничество этих держав с целью прекращения военных действий конвенция предусматривала принятие указанными державами мер «для сближения с греками», в частности, посылку в Грецию

¹ См.: *Виноградов В.Н.* Герцог Веллингтон в Петербурге // Балканские народы и европейские правительства в XVIII – начале XX в. Балканские исследования. Вып. 8. М., 1982. С. 125.

консулов². Таким образом, ведущие державы Европы впервые заявляли о своем намерении установить, хотя и на низком уровне, дипломатические отношения с восставшей Грецией.

После Наваринского сражения державы — его участники решили поднять ранг своих дипломатических представителей в Греции: в документах они назывались «поверенными в делах» или «резидентами». Таким резидентом от России в Грецию был назначен М.Н. Булгари.

Первый русский дипломатический представитель в Греции был не только греком, соотечественником Каподистрии, но и принадлежал к тому же социальному кругу, из которого вышел правитель Греции. Семья Булгари, как и семья Каподистрии, носила графский титул и входила в круг старинных аристократических родов Корфу. Среди них она отличалась своей приверженностью к России. Это проявилось в действиях главы семьи графа Николая Булгари.

Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. он участвовал в военных действиях на стороне русских. В отличие от других греческих добровольцев, переселившихся после окончания войны в Россию, ионический граф вернулся в лоно своей семьи для того, чтобы, по его словам, спасти ее от репрессий, которыми венецианские власти угрожали всем жителям Ионических островов, сражавшихся в этой войне на стороне России³.

Большие услуги Н. Булгари оказал России и во время осады Корфу русско-турецким флотом в 1799 г. По отзыву командующего русской эскадрой адмирала Ф.Ф. Ушакова, это был человек, «бесподобно преданный к российской службе и нации». В рекомендательном письме, которое адмирал дал Н. Булгари 3 (14) июля 1800 г. для российского коменданта Корфу подполковника К.Г. Гастфера, говорилось: «Господин бригадир граф Булгари принес немалую пользу службе его величества императора, как во время овладения Корфу, так и во время нашей стоянки в этом городе, а также для общего согласия всего этого острова»⁴.

После того, как в 1807 г. Ионические острова перешли под власть Франции, Н. Булгари переселился в Россию, где ему была назначена годовая пенсия в 2 тыс. рублей. В 1812 г. этот видный представитель ионического общества скончался.

Его сыновья, еще до этого, были приняты на российскую службу. Яков Булгари в 1807 г. был принят корнетом в Кавалергардский полк — отборный полк императорской гвардии. Впоследствии он служил по таможенному ведомству и вышел в 1817 г. в отставку в чине действительно-

² Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. XI. С. 355–362.

³ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. Письма и прошения разных лиц на иностранных языках. Оп. 14/1. 1795. Д. «В» 286. Л. 1.

⁴ Там же. 1799. Д. «В» 287. Л. 11. См. также: Станиславская А.М. Политическая деятельность Ф.Ф. Ушакова в Греции. М., 1983. С. 113–114, 137.

го статского советника. Карьера в России его брата Марка Булгари была не менее успешной. Как говорилось в его формулярном списке, в 1809 г. он был определен актуарисом, т.е. регистратором, в Коллегию иностранных дел с причислением сверх штата к Парижской миссии. Затем его дипломатическая карьера была связана с Испанией: в 1818 г. он был определен канцелярским служащим к мадридской миссии, в 1820 г. — назначен советником посольства в Мадриде и исполнял эту должность до 1824 г., когда был «отозван к делам Коллегии».

Затем, согласно его формулярному списку, Булгари «по высочайшему повелению отправлен в Грецию по особым поручениям»⁵. Он был назначен первым официальным агентом России в Греции. Так как Лондонская конвенция от 6 июля 1827 г. предусматривала посылку в Грецию только консулов, то в Петербурге решили не придавать Булгари какого-то либо официального статуса. В его верительной грамоте говорилось только, что ему поручено установить между Россией и Грецией официальные отношения, вытекающие из Лондонской конвенции. Миссия Булгари носила временный характер, вместе с ним прибыл чиновника МИДа В.Н. Панин, который должен был занять место представителя России в Греции. О характере этой миссии вице-канцлер К.В. Нессельроде 3 (15) июля 1828 г. сообщал Каподистрии: «Если Вы, г-н граф, сочтете полезным, чтобы непосредственно познакомиться с людьми и с положением дел и обсудив с Вами насущные вопросы, он [Булгари] лично доставил нам Ваши сообщения, дополнив их устными разъяснениями, ему будет разрешено вернуться в штаб-квартиру, аккредитовав при в. с-ве графа Панина»⁶.

Греки, служившие в России и с большим рвением исполнявшие свой долг, считали, что эта служба дает им благоприятные возможности для того, чтобы действовать и в интересах своей родины — Греции. Братья Булгари в этом отношении не являлись исключением. Я.Н. Булгари в 1820 г., уже после выхода в отставку, вступил в Филики Этерию — тайную организацию, готовившую восстание в Греции, — и оказал ей большую материальную поддержку⁷. Каких-либо данных о принадлежности к тайному обществу М.Н. Булгари не имеется, но в своих официальных документах он предстает как ходатай за греческое дело. В июле 1827 г., еще до приезда в Грецию, он представил в Министерство иностранных дел России записку о взаимоотношениях России с новым греческим государством. В ней говорилось, что судьба Греции тесно связана с Россией и что для того, чтобы Греция могла поддерживать российскую политику на Востоке, ей нужно дать сильное правительство, эко-

⁵ АВПРИ. Ф. ДЛС и ХД. Оп. 464. Д. 497. Лл. 1–7.

⁶ ВПР (Внешняя политика России XIX и начала XX века). М., 1992. Т. VII (XV). С. 587.

⁷ См.: Ари Г.Л. Этеристское движение в России. М., 1970. С. 263, 303.

номическую поддержку и надежные в оборонном плане границы на севере. Российский дипломат предлагал включить в состав Греции Эпир, Фессалию и остров Крит⁸.

На своем пути в резиденцию Каподистрии Булгари побывал в Наварине, в лагере Ибрагим-паши, в момент эвакуации египетских сил из Морен. Там он стал свидетелем тяжелых сцен, когда греческие рабыни представляли перед представителями трех держав, которым поручалось выяснить, следуют ли они за своими хозяевами в Египет добровольно или по принуждению, и почти все они, запуганные или под угрозами, отвечали на этот вопрос, что покидают свою страну добровольно. Булгари был возмущен тем, что присутствовавшие при этой процедуре переводчики трех союзных держав не побуждали этих пленниц высказаться добровольно о своих намерениях. Благодаря его вмешательству нескольких гречанок все же удалось спасти от насильственной отправки в Египет⁹.

Как уже говорилось, М.Н. Булгари прибыл на остров Порос, где находился тогда президент Греции, вечером 5 (17) сентября 1828 г. Он сразу же известил Каподистрию о своем прибытии и попросил сообщить, когда тот сможет его принять. Президент изъявил желание принять его немедленно. На этой встрече российский представитель вручил главе греческого государства свои верительные грамоты. В своих донесениях от 6 (18) и 7 (19) сентября 1828 г. Булгари изложил свои первые впечатления о положении в Греции и первостепенных шагах, которые нужно было предпринять президенту для обеспечения ее интересов. Он положительно оценил результаты усилий Каподистрии по восстановлению общественного порядка и налаживанию системы государственного управления. По мнению Булгари, в результате этих усилий внутренняя ситуация в стране улучшилась: «Законы на деле начинают уважаться, налоги, которые в некоторых отношениях увеличились втрое, платятся и правительству повинуются. Эти первые результаты делают честь просвещенной администрации графа Каподистрии».

В первых же беседах между главой Греции и российским представителем обсуждался также ход военных действий на греческом фронте в связи с русско-турецкой войной. Булгари посоветовал Каподистрии возобновить активные операции против турецких войск, независимо от поступления ежемесячной субсидии в 500 тыс. рублей, которые Греция получала от России. Булгари высказывал в своем донесении мнение, что необходимо срочно предоставить Греции новую денежную помощь для активизации находящихся в Эпире, Фессалии и Македонии греческих войск, что отвлекло бы турецкие силы с русско-турецкого фронта¹⁰.

⁸ Louie A. Ο ρόλος της Ρωσίας στη διαμόρφωση του ελληνικού κράτους. Αθήνα, 1981. Σ. 35.

⁹ АВПРИ. Ф. Кашцелярия. Оп. 468. 1828. Д. 895. ЛЛ. 85–90, 92–93.

¹⁰ ВПР. М., 1995. Т. VIII (XVI). С. 559.

В последующих своих донесениях российский представитель подробно касался внутривластного положения Греции. Булгари подчеркивал, что правителю Греции пришлось действовать в исключительно сложных условиях при активном противодействии его власти англо-французской агентуры и проанглийской партии. Декреты национального собрания о назначении англичан (генерала Чёрча — главнокомандующим сухопутными греческими войсками, а лорда Кохрейна — военноморскими силами) наделили их властью, сводящей на нет полномочия правительства. В таких условиях, как полагал Булгари, президенту ничего не оставалось, как «приостановить действие Тризинской конституции, распустить Законодательный совет, который, согласно этой конституции, должен был сосуществовать с исполнительной властью, — одним словом, создать и организовать новое правительство и навязать Греции диктатуру, которая одна могла ее спасти». После этого противники Каподистрии стали активно добиваться срочного созыва Национального собрания. По сведениям Булгари, находившегося тогда в Греции, английский и французский посланники в Константинополе Ч.С. Каннинг и А.Ш. Гийемино добивались того же от Каподистрии по официальным каналам. Сам же Булгари настоятельно рекомендовал президенту воспрепятствовать созыву Национального собрания, чтобы «не подвергать родину неизбежной катастрофе», «воспользоваться всей полнотой власти, прибегая в случае необходимости к самым решительным мерам, чтобы воспрепятствовать событию, которое станет причиной и началом полного развала в Греции». Петербургскому кабинету Булгари советовал «изыскать средства», чтобы «оказать по возможности преобладающее влияние на выборы и на депутатов в случае, если созыв Национального собрания станет абсолютно необходимым». В частности, он предлагал выделить деньги для подкупа большинства депутатов, чтобы они санкционировали действия администрации и облекли Каподистрию неограниченной властью на будущее¹¹.

Действия Булгари с целью помешать созыву Национального собрания получили полную поддержку российского правительства. В депеше вице-канцлера К.В. Нессельроде от 5 (17) декабря 1828 г. российскому представителю в Греции указывалось, что, добиваясь «умиротворения Греции», Россия и остальные дворы «должны ставить себе главной целью подавление революции». Можно сказать определенно, что существование представительной системы в Греции явно вызывало раздражение российского самодержца. Тем не менее, как говорилось в депеше К.В. Нессельроде, «император не может слишком настойчиво рекомендовать проявлять в этом деле непреклонность». В Петербурге, в частности, не приняли предложения Булгари подкупить депутатов

¹¹ ВПР. М., 1995. Т. VIII (XVI). С. 564.

Национального собрания, если оно будет создано, так как сочли, что такой шаг «претит морали»¹².

В то же время настояния Булгари об оказании Греции финансовой помощи получили положительный отклик. 31 марта (12 апреля) 1829 г. вице-канцлер переслал ему документы на предоставленную Николаем I Греции субсидию в 1 млн. рублей. Российский представитель должен был незамедлительно вручить их Каподистрии¹³. Россия оказывала поддержку правительству Греции и в решении вопроса о границах греческого государства. При этом из Петербурга Каподистрия постоянно рекомендовала активизировать военные операции для расширения территории свободной Греции. Как говорилось в депеше Нессельроде Булгари от 26 декабря 1828 г. (7 января 1829 г.), «греческие границы неизбежно должны будут определяться по принципу *uti possidetis*¹⁴. Поэтому сейчас или никогда граф Каподистрия должен предпринять последние усилия, дабы ускорить процесс освобождения Крита и прочно занять определенную линию в восточной и западной Греции»¹⁵.

Советы эти вполне отвечали национальным интересам Греции, и греческие войска, начав наступательные операции в Западной Греции, одержали ряд серьезных успехов.

Опираясь на поддержку России, Каподистрия стремился в то же время избежать какой-либо исключительной зависимости от нее. В решении финансовых и территориальных вопросов он обращался, и с определенным успехом, и к двум другим державам-покровительницам — Англии и Франции. Неприемлемы для Каподистрии, являвшегося сторонником конституционного строя, были и советы Николая I, вытекавшие из его ультрамонархических взглядов, об ограничении деятельности парламентских учреждений. Вопреки этим советам Национальное собрание открылось в августе 1829 г. в Аргосе. Произошло это уже после отъезда Булгари из Греции.

Первый русский дипломатический представитель покинул Грецию в начале июня 1829 г., предварительно аккредитовав при президенте вместо себя В.Н. Панина. Его срочный отъезд был вызван начавшейся у него тяжелой болезнью. Сам Булгари переживал, что был вынужден прервать свою миссию. Находясь уже на борту судна на рейде Мальты, он писал К.В. Нессельроде: «Для меня было бы невозможным, господин граф, выразить все то сожаление, которое я испытал, покидая Грецию в момент столь решающий как для этой страны, так и для президента...»¹⁶.

¹² ВПР. М., 1995. Т. VIII (XVI). С. 59, 567.

¹³ Там же. С. 578.

¹⁴ *Uti possidetis* (лат.) — фактическое владение.

¹⁵ Там же. С. 83.

¹⁶ АВПРИ. Ф. Канцелярия. Оп. 468. 1829. Д. 897. Л. 222.

Весной 1829 г., перед отъездом, Булгари стал объектом нападков со стороны британских дипломатов. Его обвиняли в поощрении революционного движения в находившихся под властью Великобритании Ионических островах с целью присоединения их к Греции. Подобные же обвинения были выдвинуты и против Каподистрии: оба были корфиотами. В связи с этим глава британского кабинета Веллингтон дал указание британскому послу в Петербурге У. Хейтсбери направить по этому поводу жалобу Николаю I. Все эти обвинения, как признавали сами британские официальные лица, были бездоказательны¹⁷. Но в чем Булгари действительно был, если можно так сказать, «грешен», так это в том, что он близко принимал к сердцу интересы своей большой родины — Греции.

4 (16) сентября 1829 г., сразу же после своего прибытия в Петербург, он представил свою записку Особому комитету по восточным делам, обсуждавшему возможные условия мирного урегулирования после завершения русско-турецкой войны¹⁸. Как российский дипломат высокого ранга, Булгари, несомненно, знал о тех оживленных дискуссиях о судьбе Османской империи, которые шли тогда в правящих кругах России. Влиятельная группировка во главе с К.В. Нессельроде придерживалась мнения, что в интересах России выгодно сохранить империю султанов как «слабого соседа», которого легко будет подчинить своему влиянию. Позиция этой группировки, которую поддержал сам царь, была изложена в записке статс-секретаря Д.В. Дашкова «Обозрение главнейших сношений России с Турцией и начал, на коих должны быть установлены на будущее время»¹⁹. Неизвестно, разделял ли Булгари в душе эти взгляды, но как исправному службисту ему отнюдь бесполезно было считаться с мнением начальства.

С другой стороны, Булгари было известно, что Каподистрия по предложению российского МИДа и его наметкам представил альтернативный план политического устройства Европейской Турции в случае распада Османской империи. План этот предусматривал создание из бывших османских владений в Европе конфедерации из пяти независимых государств²⁰.

Поэтому записка Булгари являлась своего рода симбиозом этих двух взглядов на решение Восточного вопроса. Прежде всего, он поддержал мнение видных сановников в том, что раздел этой империи «нельзя считать ни своевременным, ни обязательным, ни полезным для России». В то же время он не только воспроизвел план Каподистрии о создании федерации из пяти балканских государств в случае распада Османской империи,

¹⁷ Fleming D. John Capodistrias and the conference of London (1828–1831). Thessaloniki, 1970. P. 103, 118–119, 235.

¹⁸ ВПР. Т. VIII (XVI). С. 294–301.

¹⁹ Там же. С. 287–294.

²⁰ См.: Достян И.С. Россия и балканский вопрос. М., 1972. С. 297.

но значительно усилил территориальные пределы независимой Греции, которая должна была стать членом этой федерации. По плану Булгари, дополнительно к тем территориям, которые были намечены в «федеративном плане» Каподистрии, в состав греческого государства должны были войти большие острова Крит и Самос, а также Фессалия и Эпир (включая Южную Албанию, которая в греческой терминологии фигурировала как «Северный Эпир»). Следует заметить, что предложения Булгари о политическом статусе и территориальных рамках Греции были для нее более благоприятны, чем те, что удалось достичь в этом отношении России в Адрианополе. Сам М.Н. Булгари умер вскоре после возвращения в Россию, 22 октября (4 ноября) 1829 г., в возрасте 41 года.

Сменил Булгари на посту представителя России в Греции, как уже говорилось, В.Н. Панин, позднее видный сановник, министр юстиции. Время его службы в Греции совпало с важными международными событиями, в огромной мере повлиявшими на успешное окончание борьбы Греции за независимость. Речь идет, прежде всего, об Адрианопольском мирном договоре от 2 (14) сентября 1829 г. и Лондонском протоколе от 3 февраля 1830 г. Российский резидент в канун подготовки этих судьбоносных для Греции международных договоров сообщал в своих донесениях от 29 августа (10 сентября) 1829 г., что в Греции по окончании русско-турецкой войны усилились нападки на Каподистирию и положение его правительства является шатким. Поэтому, как считал Панин, поддержка России жизненно необходима для Каподистрии. Мерами такой поддержки, по мнению российского дипломата, могла бы стать гарантия Россией займа для Греции в 20 млн. руб. и включение греческого вопроса в мирный договор с Турцией²¹.

Это было сделано еще до того, как донесение Панина дошло до Петербурга. Как известно, в Адрианопольский мирный договор, вопреки возражениям Англии и Франции, была включена статья X, по которой Порты впервые признала автономию Греции. Затем в Лондоне 3 февраля 1830 г. три державы подписали протокол, содержавший признание независимости Греции, но в значительно урезанных границах. Россия пошла на подписание этого протокола, чтобы не разрушать трехсторонний альянс, представлявший большую важность с точки зрения ее балканской и ближневосточной политики. Отношения между В.Н. Паниным и президентом Каподистрией носили весьма дружественный характер, хотя и возникали определенные разногласия. Если во время миссии Булгари предметом этих разногласий был созыв Каподистрией Национального собрания вопреки мнению Николая I, то во время греческой службы Панина таким раздражающим моментом стала реакция в Греции на Лондонский протокол от 3 февраля 1830 г.

²¹ ВПР. Т. VIII (XVI). С. 607.

Эта реакция была отрицательной. Как отмечали в обращении к державам-покровительницам и Каподистрия, и греческий сенат, решения о политическом устройстве Греции и ее границах были приняты без какого-либо учета мнений самих греков. Эта попытка греков заявить о своем праве принимать участие в решении вопросов, касающихся судеб их страны, была воспринята Николаем I как их «черная неблагодарность» и «оскорбление» союзных держав, особенно России. В личном письме К.В. Нессельроде И. Каподистрии от 20 июня (2 июля) 1830 г. говорилось, что «император не разделяет Вашего мнения о документах Лондонской конференции и тем более не одобряет странный прием, оказанный им в Греции». «В самом деле, дорогой граф, — продолжал вице-канцлер, — разве мы могли ожидать такого толкования этих соглашений, которое может лишь глубоко оскорбить достоинство трех монархов, коим Греция обязана своим существованием?»²² Такой жесткий выговор мог глубоко задеть президента Греции, и глава русского МИДа постарался смягчить его последствия. Такая задача была поставлена Панину. В письме к поверенному в делах, отправленном одновременно с письмом к Каподистрии, Нессельроде писал: «Я опасаясь, что его [Каподистирию] глубоко раздосадует наш суровый тон, и Вы должны смягчить его, а главное — помешать ему пойти на принятие каких-либо крайних решений, которые могли бы еще больше поставить под угрозу судьбу Греции»²³.

В июне 1831 г. В.Н. Панина сменил П.И. Рикман, занимавший пост поверенного в делах два года. Это было время мятежей, внутренних раздоров, особенно усилившихся после убийства 27 сентября (9 октября) 1831 г. Каподистрии. Тогда и резиденты держав-покровительниц, и находившиеся в Греции их вооруженные силы весьма активно вмешивались во внутренние греческие дела. Действия представителей России в этом отношении ничем не отличались от действий их коллег по коалиции²⁴.

Летом 1833 г. в Грецию прибыл Г.А. Катакази в качестве чрезвычайного посланника — самый высокий дипломатический ранг, который когда-либо до этого имел иностранный дипломат в Греции. Новый дипломатический представитель России в Греции сам был греком и был связан родственными узами с семьей Ипсиланти.

1833 год был первым годом, когда дипломатические отношения между Россией и Грецией стали двухсторонними. Появлению первого греческого представителя в Петербурге предшествовал дипломатический скандал. Правившее в Греции до совершеннолетия короля Оттона регентство в конце 1833 г. назначило постоянных дипломатических представителей в

²² ВПР. Т. VIII (XVI). С. 550.

²³ Там же. С. 554.

²⁴ Подробно см.: Палеолог Г., Сивинис М. Исторический очерк народной войны за независимость Греции и восстановления королевства при вмешательстве великих держав России, Англии и Франции. СПб., 1867. С. 105–269.

столицы ведущих европейских государств. Для представительства же Греции в Петербурге регенты не нашли более подходящей кандидатуры, чем английский филэллин генерал Чёрча.

Назначение официальным представителем Греции в российской столице английского генерала, имевшего к тому же в русских дипломатических кругах репутацию «демагога» и «врага России», вызвало здесь настоящую бурю. Знаменитый русский поэт и дипломат Ф.И. Тютчев, побывавший осенью 1833 г. в Греции, саркастически писал по поводу этого назначения: «Стоило только назначить послапшиком вместо генерала Чёрча одного из секретарей английского посольства в С.-Петербурге, таким образом избежали бы путевых расходов». Российский посланник Г.А. Катакази предупредил регентство, что император не разрешит новоиспеченному дипломату въезд в Россию. Угроза подействовала, и регентство назначило посланником в Россию вместо Чёрча М. Суцоса²⁵.

О первом греческом дипломатическом представителе в России следует сказать несколько слов. Михаил Суцос принадлежал к знатному фанариотскому роду, имевшему привилегию занимать господарские должности в Дунайских княжествах. Сам Суцос два года (1819–1821) был господарем Молдавии. В отличие от многих других фанариотов, относившихся враждебно к греческому национально-освободительному движению, он стал его участником, вступив в тайную освободительную организацию Филики Этерия. Оказав необходимое содействие освободительной акции А. Ипсиланти в Молдавии, он вместе с семьей переселился затем в Кишинев. Среди появившихся тогда у него русских знакомых был и Пушкин, который находился в это время в Кишиневе в ссылке и с большим сочувствием следил за событиями Греческой революции. В 1821 г. Суцос покинул Россию и переехал в Грецию, где играл важную роль в политическом руководстве восстанием. Особенно значительной эта роль стала во время правления Каподистрии, когда Суцос был личным представителем президента в Париже. Вне сомнения, бывший молдавский господарь был опытным политиком и дипломатом. По своим политическим пристрастиям он принадлежал к так называемой «русской партии» в греческой политической верхушке. Прибытие в ноябре 1833 г. в Петербург первого греческого посланника завершило сложный и длительный цикл установления двухсторонних дипломатических отношений между Россией и независимой Грецией.

²⁵ Международные отношения на Балканах. 1830–1856. М., 1990. С. 98.

П.А. Ровинский (1830–1915 гг.) о некоторых вопросах черногорской внешнеполитической истории первой трети XIX века

Вопрос о международном положении Черногории в первой трети XIX века и о русско-черногорских связях неоднократно поднимался в югославянской и российской историографии. Труды черногорских исследователей Д. Вуксана¹, Б. Павичевича², Дж. Пейовича³, Р. Йовановича⁴ и многих других освещают время правления митрополитов Петра I Негоша и Петра II Негоша, раскрывая разнообразные сюжеты международной жизни Черногории. Внешняя политика России на Балканах и, в частности, в Черногории обстоятельно рассмотрена в монографиях И.С. Достяна⁵, Н.И. Хитровой⁶, Ю.П. Аншакова⁷. Перечень исследователей данной темы может быть продолжен. Все работы в той или иной степени показывают, как включалась Черногория в систему международных отношений в самое непростое, переломное для Европы время революционных потрясений и наполеоновских войн, затем в период создания и укрепления Венской системы. Особое внимание историки традиционно уделяют российско-черногорским отношениям, считая их первоочередными в дипломатической истории Черногории. Примером тому стала новая монография Р. Распоповича «Россия и Черногория в начале XIX века: русское консульство в Которе в 1804 — 1806 гг.»⁸.

Однако при всем обилии публикаций на эту тему, в них нет однозначного ответа на один очевидный вопрос. Почему до второй половины XIX века Россия официально не ставила в договорах с Османской империей или в переговорах с европейскими державами своей задачей защитить черногорский народ или добиться для него хотя бы ограниченной

¹ Вуксан Д. Петар I Његош и његово доба. Цетиње, 1951.

² Павичевић Б. Петар I Петровић Његош. Подгорица, 1997.

³ Пејовић Ђ. Црна Гора у доба Петра I и Петра II. Београд, 1981.

⁴ Јовановић Р. Црногорско-руски односи (1711–1917). Оријентација на Русију и стварање њеног култа у Црној Гори. // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 15–54.

⁵ Достјан И.С. Россия и Балканский вопрос //Из истории русско-балканских политических связей в первой половине XIX в. М., 1973.

⁶ Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70 годах XIX века. М., 1979.

⁷ Аншаков Ю.П. Становление Черногорского государства и Россия (1798–1856). М., 1998.

⁸ Распоповић Р. Россия и Черногория в начале XIX века: русское консульство в Которе в 1803–1806 гг. СПб., 2009.

автономии? Почему Молдова и Валахия, Сербия, Греция уже были взяты под опеку российской дипломатии Кючук-Кайнарджийским, Ясским, Бухарестским договорами, Аккерманской конвенцией, Петербургскими протоколами 1826 г., Лондонской конвенцией 1827 г. и, наконец, Адрианопольским договором 1829 г., а Черногория все еще оставалась за пределами переговорного поля и не упоминалась в текстах соглашений? При этом нужно специально подчеркнуть, что черногорский митрополит Петр I Негош вполне определенно выражался в своих посланиях к российскому императору: «...просим, дабы высочайшим вашего И[мператорского] В[еличества] благоволением и милостью повелено было сие наше прошение принять и о причислении нас, Черныя Горы и Берд, под высочайшую протекцию, помощь и защиту присовокупить...»⁹.

Известный ученый и общественный деятель П.А. Ровинский уже в конце XIX века искал ответ на поставленный нами вопрос и обращал внимание читателей на его особую актуальность. Задуматься над этой проблемой ученого заставило содержание исторических источников, найденных им в Цетинье в конце XIX века. В частности, славист обнаружил и опубликовал в своих трудах инструкции посланникам Петра I Негоша, архимандриту С. Вукотичу и Николаю Петровичу Негошу, отправленным с секретной миссией в Петербург¹⁰. Митрополит предписывал своим сотрудникам, схавшим ко двору Павла I, выяснить возможность расширения границ Черногории до исторических пределов, то есть возвращения в ее состав приморских областей, когда-то отнятых Венецией. И главное, приложить «наивящее старание» для того, чтобы включить в будущие соглашения великих держав пункты о Черногории. По мнению владыки, это крайне необходимо, «дабы Черногорская и Берганская нация оговорена была в том мирном трактате, что она имеет быть навсегда под явным покровительством высокославной Российской державы, а чтоб она снабдена была защищением государственного флага, со открытием публичного правительства и со учреждением основательных прав, соразмерных той империи (России — В.Х.) и сих мест (Черногории — В.Х.), которые со стороны нашей почитаемы имеют быть за светонепокосимые и вечные, отчего ...немалая произрастет российскому государству польза»¹¹. Как справедливо отмечал П.А. Ровинский, язык митрополита Петра «напыщенный и скованный», но смысл его посланий был вполне ясен. По мнению исследователя, «в прежние времена Черногория при заключении трактатов постоянно забывалась», и владыка стремился изменить эту ситуацию. Славист считал, что в начале XIX века черногорские политики

⁹ Ровинский П. Отношения между Россией и Черногорией при владыках. (По новым документам). // Журнал министерства народного просвещения. 1888. № 6. С. 208.

¹⁰ Там же. С. 203–204.

¹¹ Там же. С. 213.

были на верном пути в деле дипломатического признания своей страны: «Составители прошения хорошо понимали, что покуда Черногория не упоминается в трактате, она игнорируется, так сказать, как нечто самостоятельное...», — писал он¹².

Исследователь назвал главное препятствие на пути международного признания Черногории то, что статус ее не был определен в глазах европейских политиков. Как будто было уже очевидно, что черногорцы вышли из-под власти султана. Но куда они пришли? П.А. Ровинский размышлял: «Да, Черногория в то время представляла собой нечто странное в Европе: нет ровно никаких государственных учреждений и никакой власти кроме владыки, который, однако, был только духовное лицо, во многие дела светского характера не имевшее и права вмешиваться. Само участие его в войне в глазах Европы было чем-то незаконным...»¹³. Для самого ученого вопрос о том, чем являлась Черногория, в научном плане был уже решен. П.А. Ровинский был совершенно убежден в том, что сложилась особая теократическая форма правления, более всего подходившая для черногорского народа. Но европейское сообщество еще не готово было понять состояние черногорской нации. В этот переходный промежуток поддержка России на международной сцене становилась решающей. Стоило официальным кругам Российской империи открыто взять Черногорию под протекторат, причем не только в двухсторонних переговорах, как это делалось со времени правления первого российского императора, а в многосторонних вопросах, затрагивающих интересы нескольких стран, как дело международного признания маленькой балканской страны сдвинулось бы с мертвой точки. Однако российская сторона не спешила с такими шагами, что, естественно, заинтересовало ученого. Он постарался определить цели и направления российской политики в Черногории в конце XVIII — начале XIX вв., чтобы понять, в чем была причина задержки, ведь другие христианские народы Балкан уже получили российскую протекцию.

Славист начал решение поставленной проблемы с анализа мероприятий Петра Великого, обратившегося к черногорцам с призывом воевать против турок. Российский император прислал щедрую финансовую помощь и две грамоты, которые П.А. Ровинский считал началом официальных контактов России и Черногории. Кстати, славист отметил и научное значение этого факта: «Заводя сношения со славянами на практической почве, ища в них союзников для достижения политической цели, Петр Великий положил начало и теоретическому изучению славянства»¹⁴. Оце-

¹² Ровинский П. Отношения... С. 214.

¹³ Там же.

¹⁴ Ровинский П. Двухсотлетие сношений России с Черногорией (1711–1911 гг.). // Журнал министерства народного просвещения. 1912. № 9. раздел «Современная летопись». С. 23.

нивая конкретные цели Петра, П.А. Ровинский выдвинул два аспекта. Во-первых, стремление русского царя выйти в Черное море, возобновить торговые отношения, «которые когда-то существовали между южными странами и Россией»¹⁵. Во-вторых, желание освободить христиан от «врагов имени Иисуса», за что Петр I был готов бороться «до последнего издыхания». Исследователь сделал вывод, что император Петр заложил основы южного вектора внешней политики России: «Прежде всего, Россия должна овладеть Крымом и Черным морем и создать на нем флот, который мог бы плавать и действовать и в других морях рядом с флотами других народов. А после того — война с Турцией для освобождения христиан»¹⁶. По мнению П.А. Ровинского, эта задача «была так ясна», что преемники Петра не могли не привести ее в исполнение.

Царствование Елизаветы не стало временем принципиально новых подходов к контактам со славянами, «оказывая милости черногорскому владыке Василию, императрица руководилась больше личным добродушием и чувством благоговения перед завстами своего отца, чем какими-либо высшими соображениями», — считал исследователь¹⁷.

Иную оценку дал славист внешнеполитическим подходам Екатерины II. Если Петр I делал упор на этническое и религиозное единство, то для Екатерины эти факторы были, по мнению ученого, не так важны. Ибо «в душе она оставалась нерусской, славянское же чувство, конечно, было ей совершенно чуждо». Поэтому императрица, например, легко согласилась на «братоубийственное дело» — разделы Польши. «И ни у Екатерины, ни у ее приближенных не было чутья и политического смысла, который указал бы им, что это они делают на пользу своим врагам и во вред России. Государство польское погубило, но остался народ, вечно волнуемый и проклинаящий не немцев, инициаторов раздела, а братскую Россию...» — писал П.А. Ровинский¹⁸. То же безразличие к славянам он видел и в отношениях с Черногорией, упрекая Екатерину в обидах, причиненных ее фаворитом Потемкиным лично Петру I Негошу, и в полном отказе помогать материально далеким союзникам, в том, что были прекращены субсидии Петра Великого и Елизаветы.

Совсем по-другому оценивает П.А. Ровинский дипломатическую деятельность Павла I: «...проникнутый сам рыцарским духом, он не мог не любить черногорцев за их геройство»¹⁹. Павел очень благосклонно принял посланников черногорского митрополита, возобновил регулярную денежную помощь и наградил владыку орденом Александра Невского. Преждевременная смерть Павла была, по мнению П.А. Ровинского, «положи-

¹⁵ Ровинский П. Двухсотлетие сношений... С. 43.

¹⁶ Там же. С. 44.

¹⁷ Ровинский П. Отношения... С. 201.

¹⁸ Ровинский П. Двухсотлетие сношений... С. 47.

¹⁹ Ровинский П. Отношения... С. 202.

тельным несчастьем» для черногорцев²⁰. Но еще большим бедствием для них стали мероприятия правительства Александра I на Балканах. Это правительство ученый описал следующим образом: «...составленное из элементов самых противоположных, прежде всего, отличается бесхарактерностью, внутренним антагонизмом, борьбой, так сказать, с самим собой, взаимным недоверием и подозрительностью». Из этого вытекала «политика вечного колебания» Александра. Ее итог исследователь считал неутешительным: она «имела свой финал на Венском конгрессе, где интересы России были пожертвованы пустой славе, которой европейские льстецы щедро величали ее императора. О черногорцах, которые играли такую важную роль..., не могло тут быть и помина»²¹.

П.А. Ровинский был убежден, что черногорцы в наполеоновских войнах проявили себя с лучшей стороны. Они не порвали отношений с Россией, несмотря на грубое вмешательство российских политиков во внутренние дела Черногории. Тяжелый инцидент 1803 г., когда владыку Петра I Негоша обвинили в измене России и в пренебрежении церковными обязанностями, собирались вызвать на суд Св. Синода и лишить сана, не заставил черногорцев отказаться от прежних обещаний быть союзником русских на Балканах. Не повлияло на настроения черногорцев и прекращение денежной субсидии из России. По призыву русского командования они начали военные действия против французов, помогли австрийцам занять Боку Которскую, послушно ушли оттуда после подписания Тильзитского мира и снова завоевали этот важный в военно-стратегическом отношении регион, как только война с французами продолжилась. Каково же было разочарование митрополита Петра I, когда он получил от русского царя в мае 1814 г. следующее послание: «Приглашаю вас, ваше преосвященство, для общей пользы не только не препятствовать австрийским войскам в занятии крепостей и возвратиться с храбрыми вашими черногорцами в пределы ваши; но и употребить влияние ваше к склонению жителей Боки да Каттаро непрекословно повиноваться постановлению союзных держав»²². Владыка выполнил это приказание. Однако денежная помощь, прекращенная в начале царствования Александра I, так и не возобновилась.

«Это служит очевидным знаком, что русское правительство совершенно исключило Черногорию из своих забот и видов», — сделал вывод ученый. Но почему? Потому что не удалось свергнуть митрополита, заподозренного в попытках искать союза с Францией? По словам П.А. Ровинского, «это было бы слишком мелко и недостойно со стороны великой державы»²³. Действительно, фигура Петра I Негоша в большой

²⁰ Ровинский П. Отношения... С. 219.

²¹ Там же. С. 220.

²² Там же. С. 221.

²³ Там же. С. 223.

европейской политике не была сколько-нибудь значимой, а свою личную лояльность России он много раз доказал. Славист нашел другой ответ на этот вопрос. Он считал, что дело не в митрополите, а в намерениях всего черногорского народа, ясно проявившихся в то время, когда владыке пришлось объясняться с российскими покровителями и доказывать свою невиновность. Тогда в Россию пришло послание, подписанное черногорскими старейшинами, и в нем было ясно сказано: «Мы, народ черногорский и бердский, до тех пор, пока на Руси будет православная вера, остаемся навеки верными и усердными к России, но с тем условием, что мы вовсе не желаем вступить в подданство России, в каком находятся к ней населяющие ее народы»²⁴. Этот ответ черногорцев на требование русских чиновников устранить митрополита Петра I произвел в России большое впечатление. У русского правительства, по выражению П.А. Ровинского, «как бы спала повязка с глаз». Пришлось внимательно читать в текст обращений, приходивших из Черногории в течение многих лет. Оказалось, что там вполне определенно говорилось о желании народа обзавестись светским государством, создать правительственные учреждения, развивать образование, поддерживать связи с другими народами. Славист был убежден, что причина недовольства Александра I черногорцами в том и состояла, что они осмелились мечтать «создать самостоятельную политическую единицу из страны, которая считалась уже просто за русскую провинцию»²⁵.

П.А. Ровинский считал, что «русское правительство при Александре I сделало покушение на свободу Черногории», народ которой отдал предпочтение «политическому элементу свободы» и тем спас свою индивидуальность²⁶. Наверно, этот вывод исследователя грешит чрезмерной прямолинейностью и категоричностью. Попятно, что профессиональные дипломаты прекрасно понимали невозможность превращения черногорских земель в некое подобие русской колонии. Никогда на официальном уровне не ставился вопрос о безоговорочном подчинении маленького славянского народа политической воле России. Но П.А. Ровинский точно нащупал самое уязвимое место в российско-черногорских связях. Это было неразрешимое противоречие. Черногория мечтала с помощью России обрести суверенитет, а российская политическая элита видела в ней только подручный инструмент и испритворно раздражалась при малейшем намеке на черногорскую самостоятельность. Этот больной нерв российско-черногорских отношений постоянно напоминал о себе на протяжении всего XIX века и буквально воспалился в начале двадцатого столетия.

²⁴ Ровинский П. Отношения... С. 224.

²⁵ Там же. С. 227.

²⁶ Там же. С. 230.

Воззрения следующего императора Николая I отличались от взглядов Александра. П.А. Ровинский утверждал: «Вообще император Николай весьма сочувственно относился к Черногории и черногорцам и в свою очередь приобрел большую любовь и популярность в черногорском народе»²⁷. Он восстановил субсидию, отнятую братом, и не поскупился выплатить то, что причиталось за прежние годы. При русском дворе был обласкан родственник Негошей Георгий Петрович. Изменился общий тон официальной переписки. На это черногорцы, как считал славист, ответили искренней благодарностью. «Во время войны России с Турцией 1828–1829 гг. черногорцы горели нетерпением, чтобы сразиться с турками, которые, зная это, постоянно держали против Черногории наготове значительное войско и постоянно ей угрожали; иногда бывали и схватки...», — писал ученый²⁸.

Тогдашний русский консул в Дубровнике И. Гагич устал бороться с воинственными порывами черногорцев, постоянно внушая владыке в переписке мысль о том, что нужно воздерживаться от столкновений с турками. Если стычки все же случались, консул «разражался упреками». В качестве примера П.А. Ровинский опубликовал одно из таких писем-укоров, где И. Гагич обиженно твердил, что черногорцы «по свойственному им упрямству» не прислушались к его предупреждениям, «поднявши голое оружие против подготовленного вполне и много сильнеего неприятеля, который со свечой в руке искал этого благоприятного для него случая и предлога»²⁹. Непослушание черногорцев, как и прежде, весьма нервировало русские дипломатические службы. Но митрополит Петр I Негош не был злопамятным. Он так радовался победам русской армии, что не удержался и сочинил в 1829 г. песню, которую П.А. Ровинский неоднократно слышал в исполнении черногорцев. Конечно, песнями дело не ограничилось. Владыка снова обратился через своего представителя М. Вукичевича к самому Николаю I и к вице-канцлеру К.В. Нессельроде с просьбой внести в будущий мирный договор положения о передаче Черногории земель в районе Бара и бывшей Зеты. Была повторена просьба о финансовой поддержке в деле создания государственного аппарата. Но российское правительство опять не услышало призывов черногорской стороны, в Адрианопольском мире нет упоминаний о Черногории³⁰.

В 1830 г. Петр I Негош умер, так и не дождавшись международного признания. П.А. Ровинский был восхищен стойкостью митрополита, силой его духа, верой в правоту своего дела. Подкрепляя свои оценки, он часто цитировал завещание владыки: «Точно так же да будет проклят и

²⁷ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем. СПб., 1888. т. I. С. 616.

²⁸ Там же. С. 616.

²⁹ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем... С. 617.

³⁰ Јовановић Р. Црногорско-руски односи (1711–1917). Оријентација на Русију и стварање њеног култа у Црној Гори. // Црна Гора у међународним односима. Титоград, 1984. С. 31.

тот, кто бы покусился отвратить вас от верности благочестивой и христоролюбивой России, и всякому, кто из вас, черногорцев и брдяи, пошел против единоплеменной и единоверной нам России, дай Бог, чтоб у него живого отпало мясо от костей, и не было бы ему добра в этой жизни, ни в будущей»³¹. В целом, заслуги православной церкви и ее лидеров в борьбе за свободу Черногории ученый ставил очень высоко: «Это были не только великие патриоты и политические деятели, но великие идеалисты и мученики идеи»³². Больше всего он ценил во внешнеполитической деятельности митрополитов терпение и настойчивость, умение не отступать от главной цели, невзирая на неудачи и препятствия.

Что же касается России, то ее политика в Черногории не казалась ученому такой же последовательной и цельной. По его мнению, русские правители не до конца определились со своими целями на Балканах: «В то время как прежде Венция, а после Австрия считали своим интересом обрезать Черногорию, ослабить ее во всех отношениях, интерес России был, напротив, в том, чтобы она была обширнее и сильнее. На этом и основана привязанность Черногории к России: ее вяжет с нами не вера только и народность, но и обоюдность политических интересов... Однако понятие об этом обоюдном интересе куда, мне кажется, не выяснено, не получило определенности, и потому колебания в наших сношениях как бывали прежде, так возможны и теперь»³³. На основании научных изысканий П.А. Ровинского современный читатель может ясно понять: неопределенность заключалась, главным образом, в том, что свободу Черногории российские политики понимали как свободу служить Российской империи. Но они совсем не были готовы признать свободу небольшого славянского народа выбирать свой собственный путь. Такой настрой официальных кругов претил демократическим взглядам слависта. Он был убежден, что подобной политикой Россия наносит вред не только славянам, но и себе самой. «Наша политика по отношению к юго-славянам какая-то лихорадочная: то мы осыпая их своими благодеяниями и стараемся всячески привязать к себе, то вдруг отталкиваем и отнимаем даже то, что обязаны давать в силу обещаний, закрепленных грамотами»³⁴. Трудно было ожидать успешных результатов от такой порывистой и несбалансированной политики. Вероятно, поэтому официальный Петербург и не спешил вписать в тексты трактатов положения, определявшие статус и границы Черногории.

Правда, позиция самого исследователя с точки зрения политической науки тоже достаточно уязвима. Демократические идеалы свободы, равноправия, народовластия хороши в общественной деятельности, в деле

³¹ Ровинский П.А. Черногория в ее прошлом и настоящем... С. 646.

³² Там же. С. 660.

³³ Там же. С. 662.

³⁴ Там же. С. 689.

укрепления дружбы двух народов. Но в практической внешней политике они скорее мешают. Любая великая держава, и Россия не была исключением, хотела быть уверенной, что ее союзники всегда будут надежными помощниками, даже если им придется отказаться от собственных интересов. Россия жертвовала деньгами и армией, славяне должны были жертвовать правом самостоятельно принимать решения. Если же они не выражали полной покорности, они становились ненадежными, с точки зрения дипломатов, партнерами. Не случайно, общий тон русских дипломатических документов XIX века, так или иначе связанных со славянами, довольно критический. Чувство неудовлетворения итогами своей политики на Балканах, недовольства позицией славянских лидеров часто посещало сотрудников российского Министерства иностранных дел.

Тем не менее, научная значимость выводов П.А. Ровинского и сегодня очень высока. Его исследования приходят на помощь тогда, когда сталкиваешься с вопросами, на которые невозможно ответить с рациональной точки зрения. Действительно, трудно понять, почему, например, Россия так щедро финансировала черногорских правителей, все чаще дававших понять, что они сами решат, как им вести себя на европейской политической сцене. Или найти убедительное доказательство тому, что деньги, вложенные российским правительством в черногорскую армию, принесли ему хоть какую-то практическую пользу. Но невозможно представить себе русскую политическую культуру XIX – начала XX вв. без такой составляющей, как «славянский вопрос». Нельзя игнорировать тот очевидный исторический факт, что каждый русский тогда знал, что такое Черногория и как ей нужно помочь. Разве смогла бы российская славистика так успешно развиваться без того глубокого погружения в дела славян, какое имело место во внешней политике Российской империи? П.А. Ровинский работал с таким трудно определяемым, но исключительно важным историческим материалом, как «дух народа», «национальная самобытность», «народный характер» или, выражаясь современным языком, менталитет. Ему не было равных, когда речь шла о черногорцах, потому что никто из русских ученых не отдал столько времени и сил этой стране, сколько он. Ученый старался объяснить то, что ставило в тупик политиков. Поэтому научные труды слависта остаются актуальными, когда мы ищем ответы на, казалось бы, неразрешимые вопросы.

Представляем Вам наши лучшие книги:

URSS

История России и СССР

- Степанищев А. Т.* История России IX–XVII веков: От Российской государственности до Российской империи.
- Кульпин Э. С.* Путь России: Генеzis кризисов природы и общества в России.
- Кульпин Э. С.* Золотая Орда. Проблемы генезиса Российского государства.
- Ильичев А. Т.* Справочник по русской истории. Киевская Русь.
- Ильичев А. Т., Ляшенко А. Г.* Справочник по русской истории: Южнорусские княжества; Владимирская Русь.
- Даль В. И. (Казак Луганский).* Об Уральском казачьем войске.
- Ельянов Е. М.* Иван Грозный — создатель или разрушитель?
- Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: От союза к противостоянию.
- Кистерев С. Н. (ред.)* Очерки феодальной России. Вып. 1–8.
- Тимошина Л. А. (ред.)* Архив гостей Панкратьевых XVII — начала XVIII в.
- Гришин И. В., Клешинов В. Н.* КATALOGИ русских средневековых монет.
- Сенчакова Л. Т. (ред.)* Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907.
- Цимбаева Е. Н.* Русский католицизм. Идея всевропейского единства в России XIX в.
- Ахметьева Н. П.* Род Гаттенбергерров на службе России.
- Плотников А. Ю.* Русская дальневосточная граница в XVIII — первой половине XX в.
- Карнович Е. П.* Родовые прозвания и титулы в России и слияние низземцев с русскими.
- Жизнь в свете, дома и при дворе.* Правила этикета для России конца XIX века.
- Никаноров Г. Л.* Надрыз: Правда и ложь отечественной истории XX века.
- Робертс Дж.* Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила историю.
- Барский Л. А.* Сталин. Портрет без ретуши.
- Бузгалин А. В., Колганов А. И.* Сталин и распад СССР.
- Миронов А. Е.* Столкновение: Путь в бездну.
- Миронов А. Е.* 1941-й: Последний шанс (Германия—СССР).
- Сенин А. С.* Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг.
- Сенин А. С.* Министерство путей сообщения в 1917 году.
- Михалева В. М. и др. (ред.)* Реввоенсовет Республики. 1920–1923.
- Кириянов Ю. И. и др. (ред.)* Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг.
- Плотников А. Ю.* Русская дальневосточная граница в XVIII — первой половине XX в.
- Яценко В. Г.* Антибольшевистское повстанчество в Нижнем Поволжье и на Среднем Дону: 1918–1923.
- Хан-Магомедов С. О.* 100 шедевров советского архитектурного авангарда.

Тел./факс:

(499) 135-42-46,

(499) 135-42-16,

E-mail:

URSS@URSS.ru

<http://URSS.ru>

Наши книги можно приобрести в магазинах:

- «Библио-Глобус» (м. Лубянка, ул. Мясницкая, б. Тел. (495) 625-2457)
- «Московский дом книги» (м. Арбатская, ул. Новый Арбат, в. Тел. (495) 203-8242)
- «Молодая гвардия» (м. Полянка, ул. Б. Полянка, 28. Тел. (495) 238-5001, 780-3370)
- «Дом научно-технической книги» (Ленинский пр-т, 40. Тел. (495) 137-6019)
- «Дом книги из Ладонской» (м. Бауманская, ул. Ладонская, в, стр. 1. Тел. 267-0302)
- «Гнозис» (м. Университет, 1 гум. корпус МГУ, пом. 141. Тел. (495) 939-4713)
- «У Невтавра» (РГТУ) (м. Новослободская, ул. Чайнова, 15. Тел. (499) 973-4301)
- «СПб. дом книги» (Невский пр., 28. Тел. (812) 448-2355)

Дистрибуторский центр научной литературы

- Приглашаем к сотрудничеству книготорговые организации по распространению нашего ассортимента в регионах России.
- Предоставляем наиболее полный прайс по книгам издательства URSS и большинства научных и учебных издательств России.
- Индивидуально осуществляем подборку ассортимента нашим клиентам.
- Организуем электронный обмен информацией с магазинами и оптовыми фирмами.
- Работаем с книжными магазинами Москвы и других городов России.
- Предлагаем комплектование научным и учебным библиотекам.
- Квалифицированно работаем с широким ассортиментом научной литературы.
- Удобная система заказа, быстрые сроки исполнения, возможность отсрочки платежей, доставка транспортом или почтой в любую точку России.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

- Макарова И. Ф.* Болгарский народ в XV–XVIII вв. (этнокультурное исследование).
- Чуркина И. В.* (ред.) Роль религии в формировании южнославянских наций.
- Кулаковский П. А.* Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе.
- Гришина Р. П.* (ред.) Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов пачала – сер. 1920-х гг.).
- Шахин Ю. В.* Югославия на пути модернизации: 1947–1961 гг.
- Дьяконов И. М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней.
- Дьяконов И. М.* Арханческие мифы Востока и Запада.
- Оруджев З. М.* Способ мышления эпохи. Философия прошлого.
- Оруджев З. М.* Природа человека и смысл истории.
- Репина Л. П.* «Новая историческая наука» и социальная история.
- Репина Л. П.* (ред.) Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 1–30.
- Хвостов В. М.* Теория исторического процесса.
- Фрикке В.* Кто осудил Иисуса? Точка зрения юриста. Пер. с англ.
- Пилат Б. В.* Иисус, евреи и раннее христианство.
- Пилат Б. В.* От Иисуса к Мессии.
- Кузьмина Е. Е.* Предыстория Великого шелкового пути.
- Прусаков Д. Б.* Древний Египет: почва цивилизации.
- Кульпин Э. С.* Восток: Природа—технологии—ментальность на Дальнем Востоке.
- Красняк О. А.* Всемирная история.
- Бароха Х. Каро.* Баски. Пер. с исп.
- Чудинов А. В.* (ред.) Французский ежегодник. 2000–2009. Вып. 1–10.
- Генифе П.* Политика революционного террора 1789–1794.
- Гринин Л. Е.* Государство и исторический процесс. Кн. 1–3.
- Коротаев А. В. и др.* Законы истории. Кн. 1, 2.
- Малков С. Ю.* Социальная самоорганизация и исторический процесс.
- Турчин П. В.* Историческая динамика. На пути к теоретической истории.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
 тел./факс (499) 135-42-16, 135-42-46
 или электронной почтой URSS@URSS.ru
 Полный каталог изданий представлен
 в Интернет-магазине: <http://URSS.ru>

Научная и учебная
 литература

Сборник содержит статьи российских и болгарских историков, посвященные различным аспектам русско-турецкой войны 1827–1828 гг., влиянию Адрианопольского мира на развитие балканских народов в 30–40-е годы XIX века. Подписанный в сентябре 1829 г. трактат явился чрезвычайно важным событием в истории Балкан; Османская империя получила удар, от которого уже не смогла полностью оправиться. В поисках выхода Порты вступила на путь реформ Танзимата, включавших некоторое расширение прав христианского населения и внедрение в государственную жизнь отдельных европейских правовых норм.

Балканские народы стали своего рода участниками Адрианопольского мира. Статьи трактата, посвященные их государственному статусу, оформляли, закрепляли, а порой и расширяли итоги их освободительной борьбы. Последующие десятилетия стали временем их интенсивной созидательной деятельности в сфере государственного строительства и культурного возрождения.

Наше издательство предлагает следующие книги:

8417 ID 110020

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Тел./факс: 7 (499) 135–42–16
Тел./факс: 7 (499) 135–42–46

E-mail:
URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Интернете:
<http://URSS.ru>

Любые отзывы о наступающем издании, а также обнаруженные опечатки присылайте по адресу URSS@URSS.ru. Ваши замечания и предложения будут учтены и отражены на веб-странице этой книги в нашем интернет-магазине <http://URSS.ru>